

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

№ 3 (23)

Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES

№ 3 (23)

Published since 2009
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник народного образования
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А.В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор
Бирич И.А. заместитель главного редактора	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, доцент
Сухорукова О.А. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат исторических наук, доцент
Бессонов Б.Н.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор
Гогиберидзе Г.М.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
Мамедова Н.М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Мелкумян В.М.	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат экономических наук, доцент
Сахарова М.В.	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук ГАОУ ВО МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Чёрнёнская С.В.	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат философских наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово главного редактора

Задачи номера 8

К 80-летию Президента МГПУ В.В. Рябова

Поздравления земляков 9

Интервью с первым Президентом МГПУ В.В. Рябовым 15

Научные школы кафедры философии и социальных наук ИГНиУ МГПУ

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА

Бессонов Б.Н. Некоторые размышления о национальных проблемах в связи с выходом монографии Э.А. Баграмова 24

Гогиберидзе Г.М. Развитие межконфессиональных коммуникаций в современном образовательном пространстве 34

Мамедова Н.М. Философский дискурс традиции: генезис и современность 46

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Бирич И.А. О профессионализме педагогического образования, или о рыцарях гуманной педагогики. Часть 1 52

Жукоцкая А.В., Чёрнёнская С.В. Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство? 64

Кондратьев В.М. Рынок образовательных услуг как внешний по отношению к образованию человека мир 72

Бегалинова К.К., Ашилова М.С. Бегалинов А.С. Медиавоспитательное пространство как взаимодействие традиционных и медийных сторон воспитательного процесса 78

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Ярмак Ю.В.</i> Интеллектуальный контекст Российской революции 1917 года	84
<i>Сухорукова О.А.</i> Русское самодержавие или бюрократический абсолютизм	95
<i>Королёва Л.В.</i> Некоторые критерии эффективности российского парламентаризма на современном этапе.....	103
<i>Новикова Д.Э.</i> Понятие и формы отчуждения как актуальная тематика современных социальных исследований	112

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки», 2017, № 3 (23).....	119
---	------------

Требования к оформлению статей.....	123
--	------------

CONTENTS

Word of Editor in Chief

Objectives of the Issue..... 8

To the 80th Anniversary of the President of the Moscow City University V.V. Ryabov

Congratulations of Fellow Countrymen 9

Interview with the First President of the Moscow City University
V.V. Ryabov 15

Scientific Schools of the Department of Philosophy and Social Sciences of Institute of Humanitarian Sciences and Management of MCU

MODERN RUSSIAN SOCIETY: PROBLEMS OF CITIZENSHIP AND PATRIOTISM

Bessonov B.N. Some Reflections on National Problems
in Connection with the Release of E.A. Bagramov's Monograph..... 24

Gogiberidze G.M. The Development of Inter-Confessional
Communications in the Modern Educational Space..... 34

Mamedova N.M. Philosophical Discourse of Tradition:
Genesis and Modernity 46

PHILOSOPHY OF EDUCATION

Birich I.A. On the Professionalism of Pedagogical Education,
or on the Knights of Humane Pedagogy..... 52

Zhukotskaya A.V., Chernenkaya S.V. Competence and «Knowledge»
Approaches in Education: Fight or Unity..... 64

Kondratyev V.M. The Market of Educational Services
as a World External to Education of a Person 72

Begalinova K.K., Ashilova M.S., Begalinov A.S. Media-Educational
Space as Interaction between Traditional and Media Sides
of the Educational Process..... 78

PROBLEMS OF HISTORY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Yarmak Yu. V.</i> The Intellectual Context of the Russian Revolution of 1917.....	84
<i>Sukhorukova O.A.</i> Russian Autocracy or Bureaucratic Absolutism.....	95
<i>Koroliova L.V.</i> Some Criteria for the Effectiveness of Russian Parliamentarism at the Present Stage.....	103
<i>Novikova D.E.</i> The Concept and Forms of Alienation as a Topical Theme of Contemporary Social Studies.....	112

Authors of «MCU Vestnik», Series «Philosophical Sciences», 2017, № 3 (23)	119
--	-----

Style Sheet	123
--------------------------	-----

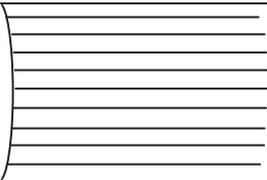
СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Уважаемые читатели! Мы открываем этот номер поздравлениями земляков с 80-летним юбилеем первого Президента нашего университета Виктора Васильевича Рябова, а также интервью с ним. Славной деятельности Виктора Васильевича, его научным, педагогическим и административным достижениям будет посвящена конференция, которая состоится в октябре 2017 года. Всех нас волнуют проблемы гражданственности, патриотизма, сохранения традиций, о которых размышляют авторы этого номера: Б.Н. Бессонов, Г.М. Гогиберидзе, Н.М. Мамедова. Проблемы философии образования регулярно обсуждаются на страницах

нашего журнала и всегда вызывают активный отклик со стороны читателей. Этим многообразным проблемам посвящены статьи И.А. Бирич, А.В. Жукоцкой и С.В. Чёрненькой, В.М. Кондратьева, К.К. Бегалиновой, М.С. Ашиловой, А.С. Бегалинова. Представляется важным и интересным обсуждение проблем истории, политологии и социологии в социально-философском дискурсе. Об этом вы можете прочитать в статьях Ю.В. Ярмака, О.А. Сухоруковой, Л.В. Королёвой и Д.Э. Новиковой. Предлагаю вам, дорогие читатели, принять активное участие в обсуждении волнующих вас проблем на страницах нашего журнала. Приятного прочтения.

А.В. Жукоцкая

**К 80-ЛЕТИЮ ПРЕЗИДЕНТА МГПУ
В.В. РЯБОВА**

Поздравления земляков

От всех жителей Самарской области искренне рад поздравить с юбилеем нашего земляка — уроженца Куйбышевского района — Виктора Васильевича Рябова.

Знаковая для Самарской области личность, один из основателей целой школы в исторической науке, учёный, учитель, партийный и государственный деятель — Виктор Васильевич Рябов внёс огромный вклад в развитие высшей школы и всего региона.

Благодаря ему молодой Куйбышевский государственный университет превратился в современный научно-образовательный комплекс, охватывающий весь спектр знаний — от прикладных исследований до академической науки.

Находясь на высших государственных должностях, профессор Рябов продолжал заниматься наукой, вести преподавательскую деятельность, создал один из лучших вузов страны — Московский городской педагогический университет. Под его непосредственным руководством подготовлено 16 докторов и 50 кандидатов наук. Виктор Васильевич награждён государственными наградами, является лауреатом двух премий Правительства Российской Федерации.

Уже многие годы Виктор Васильевич является бессменным руководителем Самарского землячества в Москве, членом экспертного совета по высшей школе при Губернаторе Самарской области.

Дорогой Виктор Васильевич! Еще раз сердечно поздравляю Вас с юбилеем! Желаю Вам крепкого здоровья, долголетия, мира и добра Вам и Вашим близким!

Д.Е. Овчинников,
вице-губернатор-руководитель
Администрации Губернатора Самарской области

Я знаком с Виктором Васильевичем с 1983 года. Знаю его как крупного ученого-историка и организатора нескольких вузов, которые под его руководством стали ведущими отечественными учебными заведениями, вносящими заметный вклад в развитие, укрепление научно-интеллектуального и педагогического потенциала страны. Самарская вузовская общественность, его коллеги по общественной работе сохранили добрые воспоминания о нем как о талантливом ректоре двух куйбышевских вузов, ярком, порядочном человеке. За годы своего пребывания на высоких должностях в Куйбышеве Виктор Васильевич не только показал себя способным организатором учебно-воспитательной и научно-исследовательской деятельности, но и зарекомендовал себя как внимательный руководитель, хорошо разбирающийся в людях, умеющий сплотить коллектив и задать нужный вектор их деятельности.

Виктор Васильевич внёс значительный вклад в развитие не только практики, но и теории отечественной истории и современного образования. Ему принадлежит авторство разработок по проблемам отечественной истории и политологии, образования и науки, его идеи и рекомендации служат развитию актуальных направлений исторической, историографической и социально-политической наук.

Хочется пожелать уважаемому юбиляру активного творческого долголетия и достойных продолжателей традиций его научной школы. С юбилеем, дорогой Виктор Васильевич!

Г.П. Котельников,
председатель Совета ректоров вузов Самарской области,
ректор Самарского государственного медицинского университета,
академик РАН, почетный гражданин Самарской области

Виктор Васильевич Рябов — фигура для Самары и Москвы знаковая. Всем известно, что он — отец-основатель одного из лучших педагогических вузов страны, в прошлом — ректор двух самарских вузов, крупнейший организатор вузовской науки, обладающий признанным талантом администратора и управленца. Руководить могут многие, делать это на таком высоком уровне, так требовательно к себе и окружающим и с такими выдающимися результатами — большая редкость.

Лично для меня Виктор Васильевич — Учитель с большой буквы. Учитель в жизни, в науке, в профессии. Заданная им высокая планка держит меня в постоянном тонусе, чтобы не подвести, соответствовать уровню его ожиданий и требований. Он остается примером для многочисленных учеников и не перестаёт удивлять окружающих умением неожиданно мыслить и идти в ногу со временем.

Другое замечательное качество юбиляра — умение помогать в выстраивании карьеры способным молодым людям. Виктор Васильевич очень многим

помог найти себя в этой жизни, выйти на собственную траекторию развития. Так годами и формировалась его большая школа.

Характеризуя масштаб его влияния на судьбы людей, мне вспоминается история, однажды случившаяся в Самарском филиале МГПУ на вручении менеджерам и педагогам-психологам дипломов о втором высшем образовании. Выпускники получали дипломы из рук Рябова. По окончании официальной церемонии кто-то из зала предложил встать пятидесяти выпускникам, получившим свой второй диплом, визированный Рябовым, а также тех, у кого и первый диплом об окончании вуза был подписан Виктором Васильевичем. Встал весь зал. В зале присутствовало более 400 человек...

С юбилеем, дорогой Виктор Васильевич!

Г.Е. Козловская,
директор Самарского филиала МГПУ, депутат Самарской
губернской думы, доктор исторических наук, профессор

В 1973 году ректором Куйбышевского государственного педагогического института стал Виктор Васильевич Рябов, наш земляк, уроженец Куйбышевской области. По-разному складывается судьба людей. Иногда я спрашиваю о каком-либо сотруднике вуза, проработавшем в нём долгое время, и его сослуживцам особенно сказать нечего. Виктор Васильевич возглавлял вуз пять лет, но и молодые преподаватели, и студенты знают ректора В.В. Рябова. Этот период стал взлётом нашего вуза, о нём заговорили как об одном из ведущих педагогических вузов страны. Выражением признательности заслуг стало вручение в 1976 году Педагогическому институту переходящего Красного Знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. Немногие вузы страны были удостоены такой чести.

Став ректором Самарского государственного социально-педагогического университета, я посетил Виктора Васильевича. Он подробно расспрашивал меня о вузе, вспоминал своих соратников. По его вопросам, реакции на ответы я понял, что он в курсе жизни университета и это было очень приятно. Виктор Васильевич много говорил о проблемах сегодняшнего образования, путях их преодоления. Его мудрые советы помогли мне в выстраивании отношений с федеральными и местными органами власти. Недавний визит В.В. Рябова в Самару ещё раз подтвердил, что Педагогический институт дорог Виктору Васильевичу. Я желаю этому мудрому человеку здоровья, новых свершений на благо нашей Отчизны.

Дорогой Виктор Васильевич! Двери нашего и Вашего Педагогического университета всегда открыты для Вас!

О.Д. Мочалов,
ректор Самарского государственного социально-педагогического
университета, доктор исторических наук, профессор

В 1973 году студенты Педагогического института живо обсуждали назначение нового ректора пединститута. И вот на одно из занятий в аудиторию вошёл подтянутый мужчина, одетый в строгий костюм. Нам представили нового ректора — Виктор Васильевич Рябов. Состоялся короткий разговор о перспективах развития вуза и месте студентов в этом процессе. Больше всего нас, студентов, поразила молодость нового ректора. Я думаю, что Виктор Васильевич был на тот момент одним из самых молодых ректоров страны. А мы, студенты исторического факультета, с гордостью говорили: наш новый ректор — историк. Вторая встреча с Виктором Васильевичем произошла, когда я размышлял над темой будущей докторской диссертации. Я поехал к Виктору Васильевичу в Российскую академию управления, где он занимал пост проректора. Казалось бы, приехал молодой кандидат наук, ну поговори, что-нибудь посоветуй, а Виктор Васильевич пригласил ведущих историков, которые обстоятельно обсудили перспективы моей научной работы. Таков В.В. Рябов во всём — помочь по полной, сделать всё от него зависящее.

Виктор Васильевич выступил и официальным оппонентом по моей докторской диссертации. На предзащите в диссертационном совете Института российской истории РАН при утверждении официальных оппонентов как уважительно смотрели на него члены Совета после того, как секретарь произнёс: «Виктор Васильевич Рябов».

Когда мой сын, Станислав, окончил исторический факультет нашего университета, вопрос о выборе научного руководителя не стоял. Став аспирантом Виктора Васильевича, он не только приобрёл научного руководителя, но и наставника в сложных жизненных ситуациях. И сейчас Виктор Васильевич постоянно интересуется своим учеником.

Дорогой Виктор Васильевич! Доброго здоровья, новых творческих побед на благо российской науки и образования!

А.И. Ретинецкий,

проректор по НИР Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор исторических наук, профессор, член Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии

Дорогой Виктор Васильевич!

Примите от меня лично и сообщества историков Самарской области сердечные поздравления в связи с Вашим замечательным юбилеем — 80-летием со дня рождения! Мы знаем Вас как выдающегося учёного-историка и педагога, внесшего громадный вклад в науку и в развитие университетского образования на федеральном и региональном уровнях. Преподаватели, сотрудники и выпускники Самарского государственного университета высоко оценивают Ваш вклад в развитие нашего вуза и неустанную заботу по созданию в университете научных

школ: философии и социологии, истории и археологии, биологии и химии, теоретической и прикладной физики, математики и механики. Желаю Вам — ревнителю просвещения — новых свершений в развитии высшего образования и в научной деятельности на благо Великой России!

П.С. Кабытов,
заведующий кафедрой российской истории Самарского университета,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Жизнь и судьба Виктора Васильевича Рябова изобилует неожиданными поворотами и масштабными перепадами. Крестьянский сын, в пять лет лишившийся погибшего на войне отца, закалив волю и характер в военное и послевоенное лихолетье, обретя уверенность и вдохновение в годы «оттепели» и романтики 60-х, он вырос и мужал в 70-е, когда Советский Союз становился мощной сверхдержавой. Впитывая дух эпохи, непрерывно работая над собой, Виктор Васильевич стал образованнейшим человеком своего времени, проявил уникальный талант организатора и уверенно вошёл в российскую интеллектуальную и политическую элиту.

Его биография изобилует яркими и насыщенными событиями, которые для нынешнего молодого поколения стали историей. За его плечами бесценная школа жизни, богатейший опыт научно-педагогической и общественной деятельности. Яркий талант ученого, руководителя и педагога, замечательные деловые и человеческие качества, мудрость, профессиональная и гражданская компетентность, целеустремленность и увлеченность, а также способность увлечь своими идеями других — все эти качества служат прекрасным примером для молодых лидеров. Политическая и партийная карьера В.В. Рябова, его общественная деятельность на посту президента Самарского землячества весьма поучительны для политологов и регионоведов. Линия жизни Виктора Васильевича, связанная с образованием, изобилует масштабными созидательными проектами и содержит бесценный опыт для педагогов и управленцев. Как историк-исследователь, член-корреспондент Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор В.В. Рябов продуктивен и многогранен, имеет сотни учеников и последователей. Как президент Московского городского педагогического университета, Виктор Васильевич хранит и развивает славные традиции, заложенные при его основании, являясь духовным и моральным камертоном коллектива.

Знаю и сотрудничаю с Виктором Васильевичем более 40 лет. Шеф, как всегда, бодр и энергичен, он еще не раскрыл весь свой творческий потенциал — продолжает поражать нас своими оригинальными суждениями, неожиданными выводами и уникальными решениями.

Глубокоуважаемый Виктор Васильевич!

В день Вашего юбилея примите самые искренние пожелания крепкого здоровья, творческого и жизненного долголетия! Продолжайте восхищать нас молодостью Вашей души, ясным умом и жизнелюбием! Огромное счастье знать Вас и двигаться в одном потоке жизни!

И.А. Носков,

профессор кафедры педагогики СФ МГПУ, доктор педагогических наук,
профессор, заслуженный учитель РФ, аспирант В.В. Рябова в 1979–1984 гг.,

Дорогой Виктор Васильевич!

Вы не были моим преподавателем, но Вы — мой учитель. Ваш безусловный авторитет, Ваша мудрость и Ваше обаяние сопровождают всю мою студенческую и профессиональную жизнь — от поступления в институт, где Вы были ректором, и до сегодняшнего дня. Ваши невзначай брошенные фразы: «Самое главное качество руководителя — это терпение», «Умение прощать — это большое искусство», «Нельзя так подробно жить» превратились, как сейчас говорит молодежь, в мемы. Я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность учиться и работать под Вашим руководством, горжусь этим. Желаю Вам здоровья и сил, чтобы, как всегда, быть абсолютным лидером университета, созданного Вами!

С огромным уважением,

А.В. Жукоцкая,

заведующая кафедрой философии и социальных наук МГПУ,
доктор философских наук, профессор

Интервью с первым Президентом Московского городского педагогического университета Виктором Васильевичем Рябовым

Уважаемый Виктор Васильевич! Сердечно поздравляем Вас с юбилейным днем рождения — 80-летием Вашей благородной и прекрасной жизни во славу нашего Отечества. Благодарим Вас за Ваше согласие дать интервью нашему журналу.

— *Прежде всего, Виктор Васильевич, расскажите читателям нашего журнала, как создавался наш университет, организатором которого Вы были?*

— Говорить о том, как создавался университет, можно долго. Но я бы хотел выбрать ряд интересных аспектов в области образования Москвы, которые характеризуют то время. К 1995 году прошлого века в результате мощного оттока учительских кадров в рыночную экономику в Москве создалась критическая ситуация. В Москве к началу учебного года образовалось порядка 5000 вакансий. Не хватало учителей не только по математике, физике, но и по истории, обществознанию, химии, биологии. Фактически по всему циклу предметов. И в Москве задумались о том, как решить эту проблему. Сначала было предложение создать при Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) педагогическое отделение, которое готовило бы учителей для Москвы. Но Министерство образования и ректорат вуза в то время не поддержали это предложение. И тогда мы с тогдашним министром образования Москвы Л.П. Кезиной посоветовались с мэром Ю.М. Лужковым, в результате чего было решено создать для Москвы свой педагогический вуз. Начали искать ректора, чтобы подготовить необходимые документы.

Отмечу интересный факт: в те годы, после работы в ЦК КПСС, я оказался в Российской академии управления, которая потом была преобразована в Академию государственной службы при Президенте РФ; я там работал три года проректором по науке. В связи со сменой ректора я ушёл с должности проректора и был приглашён Б.Г. Салтыковым, который в то время был министром науки и технической политики России, на должность начальника отдела научно-технической политики министерства. Я проработал где-то

месяцев восемь там, когда Любовь Петровна Кезина попросила меня приехать и переговорить по поводу работы ректором-организатором предполагаемого университета. До этого были только разговоры и никаких решений, были некоторые предварительные советы, рекомендации с разных сторон. Я подумал, посоветовался с женой, с друзьями, мне уже в тот момент исполнилось 57 лет. Думаю: мне через три года на пенсию... Короче говоря, к Кезиной я не поехал, и мой неприезд к ней был, естественно, своего рода отказом. Но она женщина настойчивая, позвонила мне во второй раз (потом она призналась — в её жизни это был первый случай, когда она обратилась с просьбой второй раз). Я сказал: «Хорошо, я приеду». И тогда, на первой встрече с Любовью Петровной, я дал согласие. В конце концов, я до этого уже был ректором двух вузов. А когда я советовался с женой, она меня поддержала: ну ты что? Тебе всего 57 лет, а ты уже остановился и ждёшь пенсии. То есть она во мне возбудила некую мужскую гордость, наступила на моё самолюбие. И я подумал: «Чёрт возьми, попробую, в конце концов!» Все это было в феврале – начале марта 1995 года. Мы с заместителем по кадрам В.И. Пономаревым подготовили постановление правительства Москвы, в нем сформулированы основные задачи. Это постановление есть в нашем музее. Таким образом, 23-го февраля было принято постановление, а 1 марта коллегия Департамента образования утвердила меня ректором-организатором университета. Так началась новая жизнь.

— *Какие задачи, цели ставили Вы перед собой, создавая МГПУ? Какие трудности пришлось преодолеть? Что Вам вспоминается как самое интересное и яркое в этом процессе?*

— Из первых моментов отложились в сознании несколько, которые были бы интересны. Я пришел работать в этот красный корпус. Здесь было психолого-педагогическое училище, колледж, который, кстати, заканчивала Л.П. Кезина. Было принято решение о передаче этого здания университету, а колледж ликвидировать. Конечно, колледж стал бороться. В течение двух лет Департамент образования Москвы судился с ними. Я как ректор был третьей стороной и не участвовал в этом процессе. Расположился я на первом этаже, там, где сейчас медпункт. В этой маленькой комнате я стал выполнять функции ректора-организатора. В первый день я взял на работу двух проректоров из университета им. Шолохова и из областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Затем ко мне пошли люди на должности деканов, начальников управлений. Две заметные фигуры, которые пришли из МПГУ, — это О.В. Афанасьева (она участвовала в создании Института иностранных языков) и Е.С. Романова. Её я знал еще по работе в ЦК, она входила в научный совет гуманитарного отдела. Кстати, туда входили многие известные люди, такие как В. Никонов, ставший позже депутатом Госдумы и возглавивший Комитет по образованию, директор Института психологии, директор Института истории и другие руководители. Когда я работал в ЦК, мой отдел

курировал всё образование, Академию наук, на последнем этапе — Министерство культуры и Минкомспорт, Минздрав и другие ведомства социальной сферы. Во всяком случае, руководство научно-исследовательских институтов (институтов гуманитарного и естественного профиля) я знал, потому что часто бывал на заседании Президиума СССР Академии наук.

Итак, 1 марта 1995 года меня утвердили ректором, и этот день в постановлении коллегии назвали днём основания университета. Поэтому у нас 1 марта — день основания университета. С того времени прошло 22 года. Мы создали восемь направлений подготовки: математика, психология, история, филология, иностранные языки (вначале их было три: английский, немецкий, французский, потом список расширился, и сейчас у нас изучают восемь иностранных языков, включая китайский и японский).

Далее я был введён в состав коллегии Департамента образования и Президиум совета ректоров вузов Москвы и Московской области. Это позволило мне быстро сформировать педагогический коллектив. В то время у нас было три здания. На улице Туристской находилось бывшее здание школы. Там мы основали педагогический факультет, который состоял из факультета начальных классов и факультета дошкольного образования. Потом всё это вылилось в Институт педагогики и психологии образования. Университет начал быстро набирать силу, появились возможности для обучения новым специальностям. Затем мы открыли экономический факультет. К нам пришёл академик М.Л. Левицкий (в то время он еще не был академиком), затем к нам пришел В.А. Северухин и стал деканом юридического факультета, который позже был преобразован в институт.

С самого начала я настоял на том, чтобы в постановление правительства Москвы об учреждении университета было включено не только обучение учителей, но и подготовка учителей и специалистов для народного хозяйства Москвы. Также с самого начала я просил создавать не институт, а университет. Мне были близки именно университетские принципы и традиции. Я сам закончил классический университет в г. Саратове по курсу истории, а затем аспирантуру в МГУ им. Ломоносова. Итак, наш университет начал развиваться как симбиоз классических и педагогических специальностей. Например, на факультете психологии было как классическое, так и педагогическое направление, а также клиническая психология; история развивалась и как классическая специальность, и как педагогическая специальность. В конечном счете мы открыли такие специальности, как государственное муниципальное управление, управление персоналом, менеджмент, дефектологический факультет (потом его преобразовали в Институт специальной психологии и педагогики). Это были первые шаги, которые требовали решения новых задач, особенно в укреплении материально-технической базы.

На рубеже 2000-х годов состоялся первый выпуск. Это были молодые люди, которые пришли к нам после педагогического колледжа. В 2000 году мы выпустили около 1000 человек. Затем нам потребовались новые специализированные

помещения. Правительством Москвы было принято решение о строительстве корпусов Института гуманитарных наук, Института иностранных языков. Также был построен комплекс из трех зданий для Института естественных наук.

— *Виктор Васильевич, тогда, в начале пути, Вы уже представляли будущие масштабы вуза?*

— Скорее, нет. Я не был уверен вначале. Задумки у нас были дальние, перспективные, и, конечно, в условиях Москвы, где уже существовало три педагогических вуза (МППУ, Шолоховский университет и Институт им. Н.К. Крупской), это было совсем не просто. И поэтому я считал, что мы должны превзойти всех, в особенности МППУ. Тем более что тогдашний его ректор В.Л. Матросов как-то заявил, что МГПУ долго не продержится и скоро закроется. Но мы выдержали конкуренцию и через 10 лет уже давали интервью журналу «Лидер образования», уверенно заявляя, что по ряду позиций мы не уступаем вышеназванным вузам. Конечно, одним из главных направлений своей работы я считал формирование профессорско-преподавательского состава. И нам удалось в конечном счете эту работу довести до такого уровня, что мы имели 11 диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. С самого начала в университете формировалась атмосфера второго дома. Все, кто приезжал к нам, отмечали эту добрую атмосферу. Особенно мне было важно, чтобы в университете бережно относились ко всему: и к людям, и к вещам. При этом я предпочитал просить, а не приказывать. Но я знал, что дело, которое я поручил, будет точно выполнено.

— *Вы были ректором трех вузов (классический университет в г. Куйбышеве, Самарский педагогический институт и МГПУ). Что в работе ректора самое трудное?*

— Думаю, это — найти общий язык с людьми и завоевать доверие в коллективе. Тебя должны просто почувствовать. В Самаре, когда я был ректором Педагогического института, у нас было 40 гектаров Ботанического сада в центре города. Там была великолепная оранжерея. Но денег было мало. Я добивался у руководства передачи этой земли университету. Моя работа продолжалась долго. Наконец, в конце 1976 года Ботанический сад был передан университету, а в мае 1977-го я стал ректором этого университета. И Ботанический сад опять оказался в «моих руках».

— *Виктор Васильевич, Вы как-то заметили, что главное качество руководителя — терпение. Это так?*

— Ленин бы ещё сказал: и умение привлекать к себе людей. Терпение. Оно нужно и для обычной работы, для общения с людьми, прежде всего. Я получил серьёзный урок. Когда я стал ректором Педагогического института

в Куйбышеве, ко мне приехал выпускник из Москвы. Он раньше работал в МПГУ старшим преподавателем. Пришел ко мне на прием, рассказал, что женился, появился ребенок, и спросил совета: «Как быть?». Я ответил, что в городе в очереди на квартиру стоят 200 человек, поэтому я ничего не могу сделать. Он ушел обиженным. Потом меня вдруг пронзила мысль — сам ведь я также приехал в Куйбышев после Саратовского университета. Мы с женой жили в съемной комнате, там у нас появилась дочь. Было трудно. Я вспомнил себя и понял: прежде чем отвечать человеку на вопрос, нужно встать на его место. Я пригласил его вновь на следующий день и выделил комнату в общежитии. Я всегда этим принципом руководствуюсь: действительно, нужно иметь терпение. Но если и впрямь нет возможности помочь, то нужно хотя бы растолковать, в чем дело, чтобы этот человек тоже понял, вник в ситуацию. Самое главное — не отторгать человека сразу. Человек, которого хоть как-то поддержали, и работать будет по-другому, с большей отдачей. Кроме того, я считаю, что в работе ректора должен быть определенный азарт и интерес. Когда я вижу, сколько мы подготовили и выпустили ребят, замечаю их успехи, мне очень приятно. Как я был рад, когда в течение 15 лет оказывался членом большого жюри в конкурсе «Молодой учитель Москвы», когда наши ребята становились победителями, когда многие входили в пятерку, десятку лучших учителей.

— *Что Вы думаете, Виктор Васильевич, о состоянии образования в нашей стране? Как оно отличается от советского периода? Какие изменения произошли, на Ваш взгляд, в системе педагогического образования?*

— Прежде всего, изменения произошли в самом поколении. Также и в развитии страны. Эти изменения не могли не сказаться и на системе образования. Главный недостаток этих изменений — в неспособности образования меняться так же быстро, как система. Вообще многие люди старшего поколения высоко оценивают те положительные моменты, которые давало классическое советское образование. Да, было многое гипертрофированно, искажено идеологией, образование было политизировано. Но в то же время с точки зрения эффективности образование было лучше. Ведь наши достижения в области естественных наук, математики, скажем, химии, биологии, наши успехи в развитии разных отраслей промышленности, сельского хозяйства — они же не случайны. Кто-то сказал: «Великую Отечественную войну выиграла учителя». Это они подготовили таких людей, которые победили врага. Самым главным практическим изменением сейчас стало мощное наступление информационных технологий, без которых современное образование невозможно. Надо обратить внимание и на стресс, связанный с этим процессом, на то, к чему это может привести. Сейчас реализуется проект «Электронная школа», где ученик, практически не выходя из дома, может получать знания. Но это вовсе не означает, что нужно полностью отказаться от учителя и его роли, от классической школы. Ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов полагает, что

классическая школа умрет через пять лет. Вряд ли это случится. Я не могу с этим согласиться.

Современная школа неоднообразна. Уже сейчас есть мощные школы с набором всех современных инструментов, творчества, проектирования, качественного обучения. Нельзя из каких-то единичных позиций делать выводы. Я считаю, что лучшие элементы классической школы советского времени должны присутствовать в системе образования и сейчас. В противном случае мы нарушаем традицию, нарушаем поколенческую преемственность, утрачиваем связь между поколениями. А это чревато очень серьезными последствиями для будущего страны. Поэтому нужно отбирать и сохранять все интересное и творческое, что было создано в разные годы, в разные периоды развития образования в нашей стране.

Кроме того, Россия испытывает сильное влияние извне. Сейчас в мире уже нет единого гегемона. Все страны находятся на разных идеологических позициях. Америка пытается сохранить свое величие и оказать давление на Китай, Россию. Чем это может закончиться — только Богу известно. Но я надеюсь, что разум восторжествует, и нас не постигнет драматическая участь.

— В этих обстоятельствах, на Ваш взгляд, роль учителя меняется или нет?

— Да, конечно. Роль учителя коренным образом меняется. Мне кажется, происходит постепенный отказ от урочной системы в том виде, в котором она существовала прежде. Мы привыкли давать знания. В науке мы великолепные теоретические исследования вели и ведем, но применить их на практике не можем. Сила примера, сила любви к учителю может превратиться в убежденность ученика пойти по его стопам. С другой стороны, я не верю в неурочное воспитание. Все дело в любви к учебному труду, к конкретному предмету, к философии этого предмета и к личности человека, который этот предмет ведет. Ученика надо научить учиться, научить самостоятельно добывать знания и превращать их в практическое дело. Мне кажется, что это — самая главная задача нынешнего учителя. Нельзя останавливаться только на роли передачи знаний. Сейчас в условиях информационного общества ученик найдет любые знания в Интернете, в электронном учебнике, не выходя из дома.

В нашей стране доминирует германская модель образования. Мне кажется, надо использовать свои ресурсы, свои возможности, свои традиции. Они у нас мощные. Наш духовный мир, наше учительство всегда было немеркантильным, оно всегда работало на духовной основе, на идее, т. е. учитель должен любить и уважать ученика, видеть в нем наследника и продолжателя своего дела жизни. Делом жизни является не только профессия, но и то, что ты оставляешь в мире после ухода. Осознание этого очень важно для ребят. Сейчас ребята с энтузиазмом занимаются проектными делами, если они конкретно связаны с их интересами. Мы в вузе проводили конкурс студенческих проектов. Трудно передать, как

оживлены участники, как у них горят глаза, какой в них интерес, когда они что-то делают своими руками.

— *Каков, на Ваш взгляд, современный студент? Что Вам нравится в студентах и что в их отношении к жизни и учебе Вас беспокоит?*

— Главной чертой современного студента является наличие у него большей самостоятельности, чем раньше, большего количества самостоятельных поступков, самостоятельных оценок жизни. В общении с ним важен деликатный совет, выведение его на «научную орбиту» не приказанием, не руганью, а незаметной, но повседневной сопроводительной умной педагогической тактикой. Конечно, современный студент отличается от прежних студентов тем, что он непомерно богаче вооружен информационно, чем предыдущие поколения. Конечно, существует разрыв между поколениями в понимании происходящих в мире процессов, их оценки. Старшее поколение не столь ловко управляется с огромными потоками информации и всякими гаджетами. Ребята в информационных сетях сидят постоянно, широко пользуются получаемой там информацией. Конечно, в этом есть и плюсы, и минусы. Существует и так называемая компьютерная болезнь, вред от сетей бывает непоправимым, например, появление «бригад смерти». Это ведь тоже принес Интернет. В обычной информационной среде с обычным телефоном такое не сделаешь. А Интернет это может делать. Идет мощная психологическая обработка сознания. А увлеченность, соревновательность, конкурсность? Кто сколько лайков получит под фото — это тоже своего рода болезнь, нездоровая конкуренция.

— *Виктор Васильевич, современный и учитель, и преподаватель вуза должен научить школьников и студентов ставить заслоны этим негативным влияниям, но его тоже нужно этому научить. Формирование критического подхода к благам информационного общества входит теперь в функции учителя и преподавателя вуза?*

— Конечно, что касается информационного инструментария, учитель должен подсказывать — чем пользоваться, как пользоваться, чего нельзя делать. Но надо помнить, что любой запрет для молодого человека — это порождение интереса.

Вот сейчас часто говорят о кризисе. Что такое кризис? С древнегреческого «кризис» переводится как «поворот», с новогреческого — как «фуэте». Любой кризис — начало нового этапа, новой эры. Если мы говорим о кризисе образования, то кризис когда-то приходит всему. Надо повернуться, освоить новую задачу, придать новые качества тому или иному процессу. Понять — речь идет о системе в целом или о подсистемах. На мой взгляд, самая главная проблема, которая у нас существует в образовании — мы очень «дробим» человека. Мы хотим воспитать и патриота, и гражданина, и хорошего эколога и т. п. Набор качеств бесконечен. Но мы не научились подходить к человеку, в том числе и к ребенку,

комплексно. Мы должны учитывать набор основных личностных параметров. Ученик — цельная личность, разорвать ее невозможно. Какая-то специализация нужна, но уже в старших классах. Там человек должен освоить «предпрофессию». Он должен понять, что он хочет дальше делать. Измельчение методик, измельчение технологий в обучении очень опасно. Исследователи в педагогике пытались найти некое образовательное ядро или сконструировать его, но пока этого ядра не получилось. Вот, например, идея единого учебника. Но каким может быть единый учебник в условиях свободного доступа к информационным системам? Каждый старшеклассник может зайти в магазин и по данному предмету найти десятки разных учебников. Учитель может лишь подсказать, какой именно учебник лучший, но почему ученик должен ему верить? Ученик пойдет и купит тот учебник, который его больше заинтересовал. Дай бог, чтобы он не купил учебник Виктора Суворова (Резуна), который говорит, что это мы напали на Гитлера. И здесь очень важна направляющая роль учителя.

— *Если можно, расскажите, уважаемый Виктор Васильевич, о Вашей семье, Ваших родителей, о Вашем становлении как человека и гражданина.*

— Мне повезло в жизни. Так случилось, что с моей будущей женой, Марией Михайловной, я познакомился еще в 8-м классе. Мы учились вместе, жили на соседних улицах. Началась дружба, которая продолжалась два года. Я пошел в 10-й класс, а она — в медицинское училище. После 10-го класса я уехал в Саратов. Мы постоянно встречались, приезжали друг к другу. Когда я был на 4-м курсе, мы поженились. Я работал в стройотряде, ректор дал мне комнату в общежитии. Прожили там два года. Взаимная поддержка в жизни — это очень важно. Когда ты знаешь, что у тебя есть человек, который за тебя болеет, который тебе предан. Она всегда была рядом со мной в самые трудные периоды.

В моей жизни было два самых драматических события. Первое — в августе 1991 года, когда мы с женой были в санатории «Южный» в Крыму, а рядом находились Горбачев, Примаков. Там мы и узнали о перевороте. Трудный период, когда не знаешь, как поступить. Сложно было это пережить. Казалось, вчера было все, а сегодня ты у разбитого корыта. Частично я описал эти события в своей книге «Моя жизнь в ЦК. Или ЦК изнутри». Единственный, кто тогда предложил мне работу, был Ю.В. Афанасьев. Он представлял оппозицию, а я с ним дружил. Он предложил мне руководство кафедрой, но я согласился только на профессора. Этот период длился полгода, а потом меня позвали работать проректором в Российскую академию управления.

Второе событие. Мне исполнилось 65 лет. Мне не хотелось праздновать день рождения, и я с другом уехал в Самару, на берег Волги. Там был детский лагерь, где мой друг организовал с ребятами «учебу». Он был боксером. Там мы пробыли неделю. А когда вернулся, через неделю у меня случился инфаркт. В больницу меня доставили только через 5–6 часов. Я был без сознания. В реанимации всю ночь возле меня дежурил заведующий отделением. Я ничего не чувствовал, в сознание пришел только через сутки... Пролежал

недели две, потом потихоньку стал вставать, учиться ходить. Тогда я думал, что все закончено. Но это удалось преодолеть. Попались хорошие врачи, которые меня выходили. Через год я попал в кардиоцентр. Ренат Акчурин, знаменитый хирург, сделал мне операцию на сердце, поставил четыре шунта. Я сразу бросил курить, выполняю все рекомендации врачей. И всегда жена и верные друзья были рядом.

Скоро мне 80 лет. И я хочу пожелать своим друзьям дожить до моих лет и еще работать.

— *У вас трогательное, трепетное отношение к дружбе. Чем вы это объясняете?*

— Все это идет от родителей и от той дружбы, которая была в детстве. Отец погиб в 1942 году. Я был младшим из трех братьев и единственным, кто смог поступить в университет. Мама была всегда в поле, на работе. Детство было тяжелым. Студентами жили по семь человек в комнате. Друзей не может быть много. Со студенческих лет у меня остались два друга. В течение жизни ко мне часто обращались за помощью. У меня много знакомых, товарищей. Но друзья — те, кто тебя никогда не предал и не подвел.

— *Вы легко прощаете людей?*

— Прощать — это наука. Во-первых, я выработал в себе такое качество, как признание ошибок. И во-вторых, когда я осознаю, что ошибся, то считаю должным извиниться. И я не стесняюсь это делать.

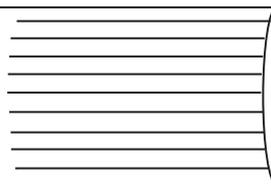
— *Виктор Васильевич, спасибо Вам огромное за этот интересный и откровенный разговор. Что бы Вы пожелали всем сотрудникам университета, всем, кто Вас знает и уважает?*

— Я очень горжусь сотрудниками университета, теми, кто этот коллектив создал. Это очень благородное дело — подготовить и воспитать будущих учителей. Я очень благодарен Ученому совету. И, конечно, следующие пять лет, на которые меня вновь избрали Президентом МГПУ, я хочу проработать достойно.

Коллективу я желаю дальнейшего развития, единства, успехов в овладении той целью, которую поставил себе университет еще 20 лет назад. Мы провели анализ: 30 % процентов учителей Москвы до 40 лет — наши выпускники. У нас сейчас огромная магистратура. Намного больше, чем бакалавриат. Сейчас у нас примерно идет один бакалавр к трем магистрантам. Подготовка их требует от коллектива очень высокого профессионализма. Хочу, чтобы наши выпускники заняли достойное место в жизни.

Интервью провела *А.В. Жукоцкая*,
главный редактор серии «Философские науки» «Вестника МГПУ»

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАФЕДРЫ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
ИГНиУ МГПУ**

**СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА**

Б.Н. Бессонов

**Некоторые размышления
о национальных проблемах в связи
с выходом монографии Э.А. Баграмова**

Рост национального самосознания, межнациональная напряжённость, конфликты, терроризм, сложная ситуация в отношениях между нациями на постсоветском пространстве, задача построения гражданского общества в России актуализируют данную проблему, требуют более глубокого анализа природы, сущности нации, национальных отношений, выявления их места и значения среди других общественных явлений, вскрытия тенденций их развития.

Ключевые слова: нация; национальное самосознание; российский народ.

Крупный учёный, специалист в области национальных отношений и национальной политики, профессор МГПУ Э.А. Баграмов издал свою новую книгу «Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов» [1]. Труд, на мой взгляд, очень своевременный. Проблема наций всегда принадлежала к числу важнейших теоретических и практических проблем, а в наше время особенно. Все эти проблемы Э.А. Баграмов глубоко анализирует, корректно сопоставляет различные точки зрения, взвешивает, оценивает исследовательские подходы и выводы, предлагает и свою точку зрения.

Э.А. Баграмов подчёркивает, что его главный методологический принцип базируется на онтологизме (бытийности) нации и может быть определён как исторический реализм, заключающий в себе как признание объективного существования нации и её атрибутов, так и плодотворную творческую деятельность общественных институтов по формированию и развитию нации [1: с. 117].

Исходя из этого, учёный обоснованно утверждает, что в историческом развитии человечества этносы предшествуют нациям; этносы — это сообщества людей, имеющих общее происхождение, обычаи, традиции, верования, психологию, язык, а также, в известной мере, и привязанность к конкретной территории проживания. Нация же характеризуется общностью экономической жизни, территории, языка, культуры. Нация, как правило, государство граждан (во всяком случае, в Европе); она базируется на тесной связи этнических и социально-политических факторов.

Э.А. Баграмов критически дистанцируется от трактовки наций как приверженцами примордиализма, так и сторонниками конструктивизма. Первые абсолютизируют объективные характеристики нации, вторые — субъективные: с их точки зрения, нация — воображаемая общность, мираж, продукт национализма. Как и Э.А. Баграмов, я отклоняю трактовку нации конструктивистами. Тем не менее разумно полагать, что в современных условиях роль субъективного, осознанного желания принадлежать к той или иной нации возрастает. Я — русский не только в силу генетико-биологических особенностей, не только потому, что живу в России, а прежде всего потому, что люблю Россию как свою родину, люблю её героическую историю, традиции, культуру, литературу, разделяю нравственные идеалы русского народа.

Ощущение общности политической судьбы, национальной истории, в конечном счете основанная на всем этом общность памяти и воспоминаний, общая гордость и стыд, радость и страдание, связанные с обща пережитым прошлым — неотъемлемая черта принадлежности к нации. В этой связи вывод Э.А. Баграмова о том, что одной из важнейших характеристик нации является национальный характер, вполне закономерен. В то же время учёный предостерегает, что особенности национального характера, при всей их важности и значимости, нельзя преувеличивать, нельзя абсолютизировать.

Я также полагаю, что, бесспорно, национальный характер — понятие, отражающее, выражающее реальные качества и особенности психологии, сознания и самосознания людей, принадлежащих к той или иной нации. Средний немец, конечно же, отличается от среднего англичанина. Все французы сходны между собой, как бы ни были велики существующие между ними индивидуальные и социальные различия. Национальный характер в известной степени определяет образ действий отдельного представителя нации даже в том случае, если он и не осознаёт своей национальности. Но национальный характер нельзя считать постоянным. Германцы времен древнеримского историка Тацита, разумеется, отличаются от современных немцев. Современные русские отличаются от своих предков, живших во времена Владимира Святого или Ивана Грозного.

Чрезмерный акцент на национальный характер опасен, поскольку может способствовать превращению своеобразия национальных духовно-культурных традиций в некую «полосу отчуждения» между нациями. Он может привести (и приводит) ко всякого рода расистским, националистическим проявлениям, к утверждениям типа: «немцы тупы и педантичны», «испанцы хитры

и жестоки», «славяне, русские ленивы, слишком терпеливы и смиренны» и т. п.

В свое время В.Г. Белинский, выдающийся литературный критик, горячо любя свой народ, вместе с тем всегда рассматривал его как часть более высокой исторической целостности — человечества: «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [2: с. 120].

Большое внимание в своей работе Э.А. Баграмов уделяет проблеме национализма. Национализм, считает он, есть такое состояние ума и психики, при котором наблюдается эмоционально окрашенная реакция на любое упоминание о ценностях данной нации. Он, как правило, связан с представлением о её исключительности и сопровождается прямо или замаскированно демонстрацией предвзятого или отрицательного отношения к другим народам и их ценностям.

С этим положением Э.А. Баграмова я, безусловно, согласен. Вместе с тем он считает необходимым различать, с одной стороны, национализм негативистский, отрицательный и, с другой стороны, конструктивный, добивающийся утверждения ценностей и интересов своей нации; болезненный национализм, пропитанный ксенофобией, и его антипод — толерантный, миролюбивый национализм, ничуть не противоречащий добрососедским отношениям; национализм традиционный, от которого веет стремлением замкнуться в этническую структуру, и национализм модернистский, готовый активно сотрудничать на равных началах с другими нациями.

Ещё в одном месте своей работы Э.А. Баграмов говорит о некоем «гражданском национализме» (тоже в позитивном смысле). Моя позиция — жёстко догматическая (скажут некоторые). Я безоговорочно отрицательно отношусь к современному национализму. Национализм, с моей точки зрения, реакционная, более того, преступная политика и идеология, направленная против той или иной страны, стремящаяся сформировать в сознании масс своей нации враждебные чувства по отношению к представителям других наций и народов.

Да, в истории были ситуации и были политические деятели, которые допускали положительную трактовку национализма. Вспомним, В.И. Ленин говорил о национализме угнетённых наций (подчёркиваю: угнетённых наций), «в котором есть общедемократическое содержание против угнетения». И сегодня можно встретить людей, которые защищая суверенитет своей страны, её культуру и духовные ценности от глобалистских поползновений правящих кругов стран «золотого миллиарда», могут остро высказаться в адрес той или иной нации. Но это эмоциональный всплеск, это взрыв протестующего чувства. Это можно понять. Национализм же — это, повторяю, преступная идеология и политика, «союз с дьяволом», по выражению видного немецкого философа К. Ясперса.

Бесспорно, принцип национальности заслуживает всякого уважения, когда речь идёт о защите суверенитета и права народа на свободное самостоятельное

развитие. Это справедливый нравственный принцип. В этой связи по-прежнему важное значение имеет право наций на самоопределение вплоть от отделения. Разумеется, справедливо отмечает Э.А. Баграмов, требование такого рода должно соизмеряться и с сохранением территориальной целостности государства, и с реальными возможностями этноса обеспечить строительство нового государства, и с тем, чтобы новое государство не оказалось гетто для населяющих его других народов. Бесспорно, это верное суждение.

Но что мы видим на практике? Правящая элита государств, в состав которых входит несколько национальных образований, в течение десятилетий неспособная установить нормальные дружеские, уважительные отношения с населением этих наций, под предлогом сохранения «целостности» государства пытается силой удержать эти нации в составе единого государства. Я ставлю право наций (и регионов) на самоопределение вплоть до отделения выше целостности государства.

Мне кажется неверным и даже глупым термин, которым оперируют наши политики и журналисты, говоря о народах, провозгласивших свою независимость и создавших независимые республики, — «самопровозглашённые республики». Народ суверенен, он и провозглашает свой суверенитет. И он не нуждается ни в чьём признании. После Великой Французской революции чванливая Англия заявила, что не признаёт Французской республики. Французские революционеры ответили гордо: «Мы и не нуждаемся в вашем признании. Солнце же восходит, не спрашивая чьего-то разрешения!». Советская Россия также не нуждалась ни в чьём признании. США не признавали нашу страну 20 лет. И вообще, на мой взгляд, величие нации, народа заключается не в величине территории, не в военной мощи, а в величии культуры. Я признаю одно поле для состязания народов — поле культуры. Нации должны демонстрировать не свою экономическую силу, а свой талант и гений, состязаться в достижениях науки и искусства. Гений, даже единственный, даже самой маленькой страны, может превратить её в великий центр культуры и искусства.

Разумеется, есть и некоторые деятели «малых» национальностей, которые, руководствуясь своими карьеристско-эгоистическими целями спекулируют на национальном сознании своего народа, разжигают в нём националистические настроения. Таким политикам должно давать решительный отпор.

Э.А. Баграмов в противовес национализму выдвигает патриотизм как «нашу общественную ценность». Но что такое патриотизм? Преданность родине, Отечеству! Да. Но в чём выражается эта преданность, эта любовь к Отечеству?

Буржуазные идеологи и в прошлом, и в настоящем обвиняли и обвиняют пролетарских революционеров и марксистов в том, что они не любят отечество, что они не патриоты. Бесспорно, К. Маркс и другие теоретики революционной социал-демократии не раз критически отзывались о буржуазной идее отечества, подчеркивали, что идея интернационального союза трудящихся выше идеи отечества. Тем не менее представители трудящихся никогда

не были безразличны к отечеству, в котором живут, первыми становились в ряды его защитников, когда ему угрожало иностранное вторжение. Вспомним: кто защищал Париж в 1870–1871 гг. от агрессии пруссаков? Трудящиеся, коммунары. Буржуазия же пошла на сговор с Бисмарком и сдала Париж врагу.

О том, что «пролетарии не имеют отечества», действительно сказано в Коммунистическом манифесте, отмечал В.И. Ленин. Но отсюда еще не следует правильность утверждения, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли он в монархической Германии или в республиканской Франции, или в деспотической Турции. Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, утверждал Ленин, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата. Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — спрашивал В.И. Ленин и сам отвечал: — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всех работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до социальной жизни... Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм» [4: т. 26, с. 107, 108].

Капитализм создал нацию, но капитализм ее и раскалывает. Эксплуатируя, угнетая большую часть народа, капитализм тормозит процесс упрочения нации как единой общности. Во всяком случае, в сегодняшней России возникла и углубляется трещина, разрывающая нашу национальную и культурную общность. Я, в частности, «культуру» новых русских богачей не принимаю.

Современные политики также постоянно и много говорят о патриотизме. Однако настоящий патриотизм всегда выражается в деятельности, труде, работе, посвящённых благу Отечества, во всестороннем улучшении качества жизни народа, в повышении его образования и укреплении его здоровья. Если бы каждый наш политик оставил бы после себя школу, детский сад, больницу, тогда бы он остался в нашей памяти, и жизнь его не канула бы в вечность бесполезно, и я бы поверил в то, что он патриот.

Э.А Баграмов убедительно разоблачает всякого рода расистские, националистические идеологические течения и экстремистские политические движения, спекулирующие на национальных и религиозных чувствах масс,

и призывает учёных, всех честных людей активно включиться в борьбу против расистско-националистического мракобесия, против любых форм экстремизма и терроризма. При этом ученый считает, что в условиях глобализма и небывалого наплыва в Европу мигрантов рецепты толерантности зачастую не срабатывают, как и разные варианты мультикультурализма.

А что же делать? С моей точки зрения, выход всё-таки есть — универсальная толерантность и мультикультурализм. Да, это тяжело. И всё же подлинный мультикультурализм — это не создание множества этнических анклавов, а именно путь к постепенной интеграции, то есть к свободному и плодотворному взаимодействию народов, их культур и языков. Этот процесс сложный, длительный, требующий выдержки и терпения. Но другого пути, на мой взгляд, нет.

Сближение наций — сегодня и в исторической перспективе — тенденция неодолимая. Примечательна диалектика истории. До Французской революции Европа в сущности была едина. Ни один ее гражданин ни в какой из ее частей не мог оказаться в изгнании, никто не чувствовал, что он за границей.

Сегодня националисты ратуют за высокие пограничные «стены и заборы», за крепкие пограничные запоры. Тем не менее, несмотря на стенания националистов, Европа, в частности, в своем устройстве идет к «Соединенным Штатам Европы»: от «Европы-отечества» к «Отечеству Европы», к «Отечеству европейских регионов». Ведь в настоящее время в Европейском союзе, по сути, сняты уже все пограничные, торговые, финансовые и другие преграды для объединения Европы. В нациях, как в замкнутых монадах без окон и дверей, нет ничего вечного. «Необщительная общительность» людей и народов, их конкуренция и соперничество неизбежно подталкивают их к сотрудничеству, взаимодействию и единению и в конечном счете приведут к созданию международной федерации государств и установлению на земле «вечного мира» (И. Кант).

Да, повторю, процесс сближения наций и народов — неизбежный, закономерный и, разумеется, прогрессивный, но вместе с тем сложный, противоречивый и длительный. И, конечно же, путь к единству наций и народов базируется на доверии наций друг к другу, на их демократических преобразованиях, на уважении и гарантии гражданских прав и социальной защищенности граждан, на ясном осознании гражданами необходимости трудиться и жить совместно. Именно такой путь к сближению, единству наций не только не приведет к их унификации, напротив, «дифференцирование» человечества в этом случае увеличивается в смысле разнообразия и богатства духовной жизни народов.

Э.А. Баграмов большое внимание в своей книге уделил жизни наций нашей многонациональной Родины — России. Это естественно. В этой связи он обратился к теории евразийства, имевшей определенное влияние в России в 20-е гг. XX века и сегодня вновь актуализирующейся: «...правомерно признать подлинным самоопределением России её самоутверждение в качестве могучей евразийской державы, — пишет ученый. — Это будет сообщество множества равноправных народов, осознающих свою принадлежность к единому

государству и скрепляемых не национально-этнической, а цивилизационной исторической общностью» [1: с. 39].

Принадлежность к евразийской цивилизации, полагает Э. Баграмов, будет «отличать россиян как гражданскую (политическую) нацию, синтезирующую многие ценности Европы и Азии, Запада и Востока. Это тот стержень, основа, без опоры на которую не будет устойчивой и цельной многоэтнической или, как говорят евразийцы, «многонародной нации». Однако, на мой взгляд, важно, чтобы идея евразийской самобытности не побуждала народ многонациональной России обособляться от других народов как Запада, так и Востока, от народов других континентов нашего взаимосвязанного мира.

Российский многонациональный народ так жить умеет, так живет он уже столетия, уважая народы других стран, сотрудничая, взаимодействуя с ними. Что касается внутренней жизни Российского государства, то его объединяет, в сущности, единый культурный код, который характеризуется стремлением наших народов к правде и справедливости, к уважению самобытных традиций и способностью интегрировать лучшие достижения всех населяющих Россию наций и народов в единую российскую культуру.

Как справедливо писал русский философ И.А. Ильин, наша родина Россия «есть не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием, этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями — духовным взаимопитанием; оно есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; оно есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и развития» [3: с. 23, 31].

Ставя задачу построения гражданского общества и правового государства, мы прежде всего должны учитывать, что российская цивилизация и культура имеют надэтнический, сверхэтнический характер. Культуры всех народов и этнических групп России встроены в общероссийскую культуру (основой которой является русская культура), составляют с ней единое целое.

Поэтому наиболее оптимальный путь развития этносов, культур, народов России — это путь региональный (областной) национально-культурной автономии (ибо в любом регионе, в любой области РФ, даже если иметь в виду национальные субъекты Федерации, мы имеем весьма пестрый состав населения; во всяком случае коренной народ в них зачастую не составляет абсолютного большинства).

Современная национальная политика (как на общественном, так и на национальном уровнях) должна быть основана на учете двух объективно существующих тенденций в жизни и деятельности наций, национальных общностей: к самоподдержанию наций и к сближению их с другими нациями. Это значит, что национальная политика должна быть, с одной стороны, ориентирована

на создание таких условий, которые позволили бы каждой национальной общности, группе сохранить свое лицо, национальное достоинство, самосознание, осуществлять свое свободное развитие, обеспечивать свои интересы и гражданские права. С другой стороны, национальная политика должна быть фактором национальной консолидации народов, проживающих в России. Она должна быть направлена на упрочнение межнационального общения, создания необходимых условий для построения сильного и жизнеспособного многонационального государства.

Более того, политика дружбы между народами и политика их независимости и свободы — это не две политики, а одна. Гармонический баланс этих двух тенденций и составляет стратегическую суть национальной политики в современных условиях. Одно не должно вступать в противоречие с другим — таковой должна быть сердцевина национальной политики России.

Сегодня, если мы хотим идти вперед, нам нужна идеология, идеология Российского государства, духовно интегрирующая общество, вбирающая в себя и общечеловеческие ценности, и специфику России с ее историческим, национально-психологическим своеобразием.

Каждый народ, нация, государство должны иметь свою идеологию, т. е. совокупность идеалов, идей, ценностей, которые выражали бы глубинные основы их жизни. Государство разваливается, нация рассыпается, когда утрачивается идеал, когда рушится вера в проект совместной жизни.

Советский народ долгие годы был одухотворен великими идеалами социализма и коммунизма, верил в них. Однако, постепенно, оставаясь у всех на устах, эти идеалы перестали воспламенять сердца людей. Деградирующая власть плохо заботилась об улучшении повседневных условий жизни людей, не поддерживала их стремления к обновлению; идеалы, оставаясь слишком далекими от земных интересов и целей людей, вырождались в догматические общие места.

Сегодня из-за боязни возродить какую-либо официальную государственную идеологию, мы рискуем отказаться от идеалов и ценностей, от идеологии вообще, что чрезвычайно опасно. Сейчас во всяком случае налицо негативные результаты тотальной деидеологизации жизни нашего общества.

Конечно, формирование целостной идеологии — дело масштабное, сложное и длительное. Но у нас есть ценности, подтвержденные историей, которые могут и должны составить фундамент этой идеологии. К ним относятся: честный труд, семья, нравственный образ жизни, социальная справедливость, солидарность, права и свободы человека и гражданина, дружба и взаимопомощь народов, живущих в нашей стране, и многое другое. Без этих ценностей не может возникнуть чувство Родины, любовь к ней.

Никто не захочет сражаться и умирать за власть, за президента, за какую-либо партию, но за родную страну люди готовы сражаться до последнего вздоха. Ведь родная страна — это семья, жена, дети, родители, отчий дом, поля, леса, место, где родился и вырос, школа, где учился, это язык, культура,

история, жизнь предков. Они — твоя судьба, твоя жизнь. Жить и жертвовать жизнью ради них — значит нравственно, духовно возвыситься.

Сегодня Россия переживает трудный, возможно, труднейший период своей истории. Но мы способны справиться со всеми трудностями, если будем едины, если будем вместе трудиться, бороться и жить.

Некоторые наши политики и ученые считают, что сегодня есть все основания говорить о российском народе как единой нации. В советское время тенденция к формированию советского надэтнического сознания была присуща многим народам России, и она постоянно укреплялась. Поэтому утверждения советских идеологов о формировании советского народа как единой социальной общности были вполне обоснованными, а насмешки псевдолибералов и псевдодемократов по этому поводу — глупыми и клеветническими. Никто из советских руководителей и идеологов не спешил утверждать, что советский народ — это якобы уже единая нация. Тем не менее и после разрушения СССР в многонациональной России по-прежнему существует единый хозяйственный комплекс, многоцветная, но единая духовная культура, за спиной народов России — их общая совместная жизнь, история, общие подвиги и неудачи, общие цели и идеалы.

Поэтому идея о российском народе как единой нации должна быть в духовном арсенале российского общества, должна быть важной перспективной задачей российских народов.

Принятая в нашей стране Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года имеет своей целью сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов нашей страны, дальнейшее упрочнение духовной общности многонационального народа России (российской нации), формирование и закрепление общероссийского гражданского самосознания.

Повсеместное утверждение взаимодействия равноправных народов в условиях гражданского общества и развитие демократических начал — вот что позволит шаг за шагом добиваться дальнейшего сплочения народов России. Речь идёт, таким образом, об утверждении интеграционной модели «Россия — нация наций», считает Э.А. Баграмов и подчёркивает, что суть дела не просто в провозглашении нашего многонационального народа единой «российской нацией», а в создании подлинно демократического гражданского общества, атмосферы, в которой этнические различия перестанут использоваться для противопоставления одного народа другому, а права человека любой национальности станут в нашей стране непреложным законом.

Каждый народ Российской Федерации должен иметь и ценить двойную идентичность — специфически-этническую и общероссийскую гражданскую, считает Э.А. Баграмов. Это бесспорно. Однако я мечтаю о времени, когда представитель любого народа, любой нации нашей страны будет ощущать, осознавать и признавать только одну — общероссийскую общегражданскую идентичность и говорить о себе кратко и гордо: «Я — гражданин Российского государства».

Книга Э.А. Баграмова — размышления учёного, ответственного гражданина, честного и порядочного человека. Она вооружает читателя глубокими и точными знаниями относительно национальных отношений в мире и в нашей стране, побуждает нас задуматься о судьбе страны, призывает к неустанной работе по укреплению дружеских, братских отношений между нашими народами, по развитию в нашей стране гражданского общества. Она призывает нас любить Отчизну, Отечество, Родину, то есть быть ее патриотами.

Литература

1. Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов. М.: МГПУ, 2016. 320 с.
2. Белинский В.Г. Избранные статьи. М.: Советская Россия, 1979. 384 с.
3. Ильин И. О России. М.: Российский архив, 1991. 32 с.
4. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. ПСС. Т. 26. М.: Политиздат, 1971.

Literatura

1. Bagramov E'.A. Nacional'naya problematika: v poiskah novy'x konceptual'ny'x podxodov. M.: MGPU, 2016. 320 s.
2. Belinskij V.G. Izbranny'e stat'i. M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. 384 s.
3. Il'in I. O Rossii. M.: Rossijskij arxiv, 1991. 32 s.
4. Lenin V.I. O nacional'noj gordosti velikorossov // Lenin V.I. PSS. T. 26. M.: Politizdat, 1971.

B.N. Bessonov

Some Reflections on National Problems in Connection with the Release of E.A. Bagramov's Monograph

The growth of national self-awareness, interethnic tension, conflicts, terrorism, the difficult situation in relations between nations in the post-Soviet space, the task of building civil society in Russia actualize this problem, require a deeper analysis of the nature and essence of the nation, national relations, identification of their place and significance among other social phenomena, the opening of trends in their development.

Keywords: nation; national self-consciousness; the Russian people.

Г.М. Гогиберидзе

Развитие межконфессиональных коммуникаций в современном образовательном пространстве

События, происходящие сегодня в стране и мире (масштабные изменения в духовно-нравственной сфере, религиозный ренессанс, активизация экстремистских религиозно-политических группировок), ставят нас перед жесткой необходимостью перезагрузки работы с молодежью в сфере межконфессиональных коммуникаций. Ведущую роль в этом процессе может и должен сыграть Московский образовательный комплекс. В образовательном пространстве столицы накоплен уникальный опыт реализации педагогической концепции диалога культур, необходимость в обобщении, распространении и развитии которого обусловлена актуальными проблемами гармонизации межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: межконфессиональные коммуникации; религиозный ренессанс; диалог культур; профилактика идей национально-религиозного экстремизма; гармонизация межконфессиональных отношений.

В отечественной и зарубежной научной литературе термины «коммуникации», «межкультурные коммуникации», «межнациональные коммуникации», «межэтнические коммуникации», «межконфессиональные коммуникации» раскрываются в различных аспектах, но исследование многогранного феномена на основе комплексного междисциплинарного подхода еще только предстоит осуществить. Недостаточная проработанность понятийно-терминологического аппарата затрудняет создание эффективного методологического инструментария, нацеленного на изучение различных аспектов и параметров коммуникации. С точки зрения доктора философских наук, профессора кафедры теории коммуникаций СПбГУ И.П. Яковлева, коммуникации — это «наука, изучающая содержание, структуру и развитие коммуникационных процессов» [13: с. 5]. Иную трактовку предлагает доктор исторических наук, профессор С.В. Бориснёв, который считает, что коммуникации — это «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств» [2: с. 6]. В отличие от С.В. Бориснёва известный немецкий социолог Никлас Луман вполне обоснованно рассматривает коммуникации как «исторически-конкретную совокупность действий, при осуществлении которых происходит не передача информации, а перераспределение знания» [3: с. 113–114]. В основу нашего исследования легло понимание коммуникаций как «формы взаимодействия разных национальных

и конфессиональных культур на основе равенства и свободы участвующих сторон, служащей сближению, взаимному обогащению и гармонизации отношений» [4: с. 11].

При определении понятия «межконфессиональные коммуникации» также необходима научно-исследовательская и экспертная операционализация. С нашей точки зрения, в данном случае за основу целесообразно взять междисциплинарную парадигму, интегрирующую исследования в области философии, социологии, политологии, религиоведения, культурологии, психологии, педагогики и других коммуникативно-ориентированных отраслей знания. Исходя из этого, «межконфессиональные коммуникации» в самом общем понимании следует рассматривать как средство, с помощью которого представители разных конфессиональных культур конструируют и поддерживают свои взаимоотношения.

Проблема межконфессиональных коммуникаций в настоящее время оказалась в центре внимания многих исследователей. Такой пристальный научный интерес объясняется, прежде всего, тем, что в религиозной сфере происходят масштабные изменения, мировое сообщество испытывает настоящий религиозный ренессанс. Один из основоположников популярной во второй половине прошлого столетия теории секуляризации Питер Бергер вынужден был отказаться от своих прежних взглядов: «предположение о том, что мы живем в секуляризованном мире, ошибочно, — признает ученый. — Мир сегодня, с некоторыми исключениями, столь же яростно религиозен, как и всегда... Доказательством этому служат статистические данные и результаты социологических исследований» [14: с. 96].

И действительно: результаты глобального международного опроса, проведенного независимой ассоциацией Gallup International, красноречиво свидетельствуют о возрастании влияния религии в обществе. Так, в соответствии с социологическими исследованиями, количество религиозных людей по всей планете в настоящее время выросло до 59 %. При этом 23 % респондентов не ассоциируют себя ни с одной религией и лишь 13 % среди жителей Земли оказались атеистами. Сопоставительный анализ общемировых тенденций и российских реалий показал, что россияне после распада Советского Союза довольно резко изменили свое отношение к религии и находятся теперь по этой позиции на среднестатистическом уровне в мире: 55 % граждан нашей страны считают себя религиозными людьми, 26 % — нерелигиозными, 6 % — атеистами [15].

Весьма показательным в этом отношении является другой факт: несмотря на различные методологические подходы и методы социологических исследований, критерии религиозности московской молодежи, полученные учёными кафедры философии и социальных наук в сотрудничестве с кафедрой социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, сопоставимы с результатами опросов, проведенных социологами из Gallup International. Так, согласно нашим исследованиям, 46 % столичных

респондентов не старше 22 лет считают себя религиозными людьми. Агностики и итсисты среди столичной молодежи — 38 %, атеистов — 16 %. В то же время 76 % из числа респондентов в возрасте от 16 до 22 лет признают себя православными [10]. Эти противоречивые цифры свидетельствуют о том, что юные москвичи легко идентифицируют себя с традиционной для России православной культурой, но по факту имеют довольно смутные представления обо всех религиях, в том числе и о православии. Кроме того, выявлена тенденция роста числа неофитов в столице, прежде всего за счет подростков и молодежи. В религиозных общинах самых разных конфессий и деноминаций количество новообращенных значительно превосходит число давних последователей культа. При этом неофиты, как правило, в большинстве своем обладают такими общими характеристиками, как склонность к агрессии по отношению к иноконфессиональным сообществам, а также к атеистам и итсистам. В то же время они слабо разбираются в основах вероучения, обрядовой практике и нормах поведения, предписываемых религиозной этикой. Более того, религиозные взгляды многих неофитов носят эклектичный характер, они поверхностны и неустойчивы. Юные неофиты проявляют не столько желание познать и приобщиться к конкретной религиозной доктрине, сколько стать такими, как все, считаться приверженцами и продолжателями религиозно-исторических традиций, соответствовать распространенному в обществе и ставшему модным стереотипу духовности [5].

Рост влияния религиозных организаций на социально-политические процессы в России отчасти обусловлен глобальными процессами. В то же время проблемы и разногласия по религиозным вопросам в российском обществе весьма специфичны. В этой связи в целях изучения феномена межконфессиональных коммуникаций целесообразно обращение к историческому опыту, накопленному нашей страной. На наш взгляд, спектр обоснований российского национального религиозного ренессанса достаточно широк: это и открывшиеся возможности непосредственного участия в жизни религиозных организаций, и поиск выхода из кризисного состояния, и возрождение традиционных духовных ценностей, и реакция общества на освобождение от давления атеистически ориентированной советской идеологии, и стремление людей восполнить фрагментарность религиозного сознания.

В конце 1980-х годов было положено начало кардинальных реформ, которые значительно повлияли и на мировоззрение, и на образ жизни советских людей. Вместе с этим изменилась роль религии в социально-политической и социокультурной жизни нашего общества. Интеграция Советского Союза, а затем и России, в мировое сообщество, утверждение политического курса открытых дверей — все это послужило мощным импульсом активизации деятельности эмигрантов из самых разных религиозных объединений. На всей территории бывшего огромного атеистически ориентированного государства после его гибели сформировалась весьма благодатная почва для распространения новых культов и вероучений. Низкий уровень религиозной грамотности

населения, с одной стороны, разрыв с конфессиональными корнями и национальными традициями — с другой, позволили новоявленным миссионерам довольно легко манипулировать сознанием целых этнических и социальных сообществ.

Религиозное невежество способствовало тому, что интенсивная миссионерская деятельность не только не вызывала никаких подозрений со стороны органов власти, безопасности и правопорядка, но и поощрялась на государственном уровне. Так, например, в 1988 году состоялась официальная встреча первого Президента СССР М.С. Горбачева с Сон Мён Муном, южнокорейским религиозным деятелем, основателем и лидером движения «Церковь объединения» и одновременно фигурантом многих уголовных дел, касающихся в том числе организации массового суицида. Другой пример: сразу после распада Советского Союза, в декабре 1991 года, Б.Н. Ельцин подписал постановление, якобы нацеленное на гармонизацию российско-японских отношений. На самом же деле в документе говорилось о создании Российско-японского университета, почетным президентом которого стал О.И. Лобов, первый заместитель Председателя Совета Министров России. Таким образом, под крылом у российского правительства в центре Москвы обосновалась японская террористическая религиозная организация «Аум Синрикё», лидер которой — Секо Асахара — пользовался особым расположением у политического руководства страны. Не остался в стороне от религиозной эйфории и МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно в стенах этого старейшего вуза России была присуждена почётная докторская степень Рональду Хаббарду, основоположнику Церкви Саентологии (экстремистская организация, запрещенная в России в 2015 году).

Еще более опасная ситуация сложилась с происламскими деноминациями и новыми религиозными движениями. В 1990-е годы на территории России обосновались ячейки салафитских и неоваххабитских организаций: «Аль-Каида», «Талибан», «Халифат», «Хизб ут-Тахрир», «Братья мусульмане» и др.

И только во второй половине 1990-х годов постепенно приходит понимание опасности распространения на территории России так называемых тоталитарных сект. В результате чего в 1997 году был принят Федеральный закон № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях». Закон, с одной стороны, ограничил распространение тех новых религиозных движений, деятельность которых может представлять собой социальную опасность, с другой — определил четыре религии, получившие статус традиционных для народов России и «составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов нашей страны»: христианство (православное вероисповедание), ислам, буддизм, иудаизм. Однако, несмотря на это, в современной России, по сведениям Министерства юстиции РФ, зарегистрировано 565 централизованных религиозных организаций, 363 из которых действуют на территории нескольких субъектов РФ. Практически все они ведут активную миссионерскую работу с использованием сети Интернет,

социальных сетей и социальных групп, столь популярных у молодежи и подростков. Но серьезную угрозу национальной безопасности представляют собой незарегистрированные подпольные экстремистские религиозно-политические группы, деятельность которых запрещена на территории России. Проповедники из этих групп умело прикрывают свои нравоучения религиозно-нравственными мотивами, благими политическими целями, желанием познакомить подростков с основами мировых религий. Такой арсенал «благородных идей» нередко срабатывает и привлекает инфантильную часть молодежи, в сознании которой не сформированы устойчивые моральные принципы, размыты представления о подлинно религиозных ценностях. Ярким примером жертвы вербовщиков от ИГ (террористическая группировка, запрещенная в России) является судьба бывшей студентки философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Варвары Карауловой, а также судьбы тысяч россиян, поддавшихся на провокационные лозунги.

Расчищает дорогу радикалам и кризис доверия к священнослужителям, особенно к официальным российским имамам и муфтиям. Сказывается явный дефицит основательно подготовленных, убежденных активных лидеров традиционных исламских организаций, способных вести за собой если не всю, то хотя бы часть российской уммы, ассоциирующей себя с исламской культурой.

В этих условиях зарубежные миссионеры, практически не встречая достойного интеллектуального отпора, чувствуют себя вполне комфортно на поле идеологической борьбы. Ситуация зашла так далеко, что сегодня следует уже говорить не о миссионерской деятельности радикалов, не о вербовке отдельных молодых людей в ряды экстремистских группировок, а об интенсивном внедрении в сознание подрастающего поколения экстремистских идей.

В целях обеспечения религиозной безопасности сделано уже многое: обсуждены и приняты важнейшие документы, нацеленные на решение обозначенных проблем. Большинство из них довольно успешно реализуются в ряде регионов РФ. Среди наиболее эффективных программных документов следует выделить Концепцию противодействия терроризму в РФ, Стратегию национальной безопасности РФ на период до 2020 года, Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. В июне 2017 года была завершена работа над проектом профессионального стандарта «Специалист в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений».

Таким образом, разработана соответствующая правовая база, накоплен ценный опыт противодействия национально-религиозному экстремизму, созданы необходимые условия для преодоления религиозного невежества. Однако события, происходящие сегодня в стране и мире, ставят нас перед жесткой необходимостью перезагрузки работы с молодежью в сфере межконфессиональных отношений. И в этой перезагрузке ведущую роль может и должен сыграть Московский образовательный комплекс. Москва обладает уникальными историческими, религиозными и социокультурными объектами, лучшими в стране памятниками

национальной культуры, располагает мощнейшим кадровым потенциалом, широкими материально-техническими, мультимедийными и технологическими возможностями. Кроме того, в многоконфессиональном образовательном пространстве столицы накоплен уникальный опыт реализации педагогического принципа диалога культур.

Диалогичность как философский принцип осмысления окружающего мира предполагает изучение каждой конфессиональной культуры изнутри и вовне. Полнота постижения чужой культуры обуславливается возможностью совмещения двух подходов: позиции вживания и позиции *внеаходимости*. «Вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир её глазами есть необходимый момент в процессе её понимания: но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего» [1: с. 334]. На основе этой мысли М.М. Бахтина другой отечественный мыслитель — В.С. Библер — разработал педагогическую концепцию диалога культур, прикладное значение которой становится все более актуальным, так как в многонациональной и поликонфессиональной стране школа не может не выступать в качестве одного из важнейших инструментов межконфессиональных коммуникаций.

События постсоветского периода свидетельствуют о том, что в обществе сформировалось некое поле межконфессиональной напряженности. Это относится в первую очередь к взаимоотношениям между христианами и мусульманами, между атеистами и религиозными людьми. Отмечается нарастание враждебности между течениями одного и того же вероучения: острые противоречия сохраняются между православными, католиками и протестантами в христианстве, шиитами и суннитами в исламе. Взрывоопасной остается ситуация во взаимоотношениях между традиционными мусульманами и деноминациями салафитского толка.

В этих условиях, как уже отмечалось, процесс духовно-нравственного воспитания в образовательном пространстве должен быть ориентирован в том числе на преодоление религиозного невежества. Такой подход вызвал необходимость изменения и уточнения содержания образования. В настоящее время идет активная работа над детализацией предметных требований в рамках федеральных государственных образовательных стандартов всех уровней. Все эти изменения нацелены на искоренение религиозного, правового и экономического нигилизма, на развитие у обучающихся качеств, определяющих такое социальное поведение, которое обеспечивало бы правовую защищенность личности в поликонфессиональном обществе.

Актуальность обозначенной проблемы подтверждается и тем фактом, что ФГОС НОО и ФГОС ООО предусматривает введение в школьную программу новой предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России». При этом распоряжением Правительства РФ № 84-р от 28.01.2012 и приказом Министерства образования и науки РФ № 69 от 31.01.2012, начиная с 2012/2013 учебного года был введен обязательный курс «Основы религиозных

культур и светской этики», предусматривающий изучение одного из шести модулей по выбору родителей обучающихся или их законных представителей. В комплексный курс вошли четыре профессиональных модуля: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры» и «Основы иудейской культуры» и два светских модуля: «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур». Несмотря на специфику, каждый модуль призван способствовать процессу консолидации российского общества, формированию мотивации к осознанному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций народов России.

Тем не менее следует констатировать, что при всем внимании, которое уделяется в последнее время проблеме гармонизации отношений, феномен межконфессиональных коммуникаций в образовательном пространстве остается по существу малоисследованным. Решению этой комплексной задачи могут помочь многие научные дисциплины. Это философия коммуникации, которая борется за то, чтобы дать самостоятельное место и равные права всем субъектам коммуникации. Это этнография и этнопсихология, которые сосредоточены на прояснении традиций видения мира определенными человеческими общностями. Это социология религии, которая, как известно, изучает взаимоотношения между религией и обществом, объединяя три уровня знаний: методологический, теоретический и эмпирический. Это религиоведение, разрабатывающее среди прочих проблему межрелигиозных коммуникаций. Это педагогика, нацеленная в том числе на реализацию методологического потенциала принципа диалога культур в образовательном пространстве.

Развитие гуманитарного знания способствовало становлению принципиально нового типа мышления, который предполагает формирование картины мира, основанной на принципе единства всемирной истории и культурного развития человечества. Такой тип мышления П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев рассматривали как «разум общения разумов». «Идея единства человеческого рода впервые осмысливается христианством. Однако, возникнув как религия вселенская, универсальная, и осознав себя таковой, христианство неизбежно должно было отождествлять себя с различными народами, с их культурным и социальным опытом. Сталкиваясь с культурным миром народов, христианство не могло просто заменить собою этот мир. Оно должно было осваивать его, следовательно, и усваивать некоторые черты, в том числе и этнокультурные воззрения» [7: с. 197–198].

И в эпоху поздней Античности, и в Средние века мы можем проследить в христианстве это взаимодействие интеграционных и универсалистских тенденций. Христианские мыслители, от Августина до Фомы Аквинского, настойчиво проповедовали идею о том, что развитие человечества должно привести к Царству Христову, которое воспримет в себя весь мир. В Новое время европейская философская мысль, развиваясь преимущественно как антитеза христианской, усваивает эту дихотомию универсальности и культурной исключительности. Просветители разрабатывают общую теорию

прогресса (Жан де Кондорсе), развивают концепцию единства исторического процесса (И.Г. Гердер). В то же время европоцентристские тенденции воплощаются, с одной стороны, в различных теориях культурного и расового превосходства европейцев над остальными народами (Э. Ренан), с другой — в концепциях цикличности истории и принципиальной несообщаемости культур (Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер).

В настоящее время нарождающиеся межконфессиональные отношения нового типа ставят нас перед необходимостью поиска таких институтов согласия и взаимопонимания, которые базируются прежде всего на достижении определенного уровня культуры. «Национальная вражда, — считал академик Д.С. Лихачев, — одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны» [8: с. 235].

Религия, не будучи включенной в национальное самосознание непосредственно, имеет значительное влияние на формирование национальной идентичности, на систему национальных морально-этических ценностей, на стереотипы поведения. Интерпретация религиозного сознания явно или неявно включена в ту или иную философскую систему миропонимания. Вот почему очень важно выявить ценностные основы межконфессиональных коммуникаций. И если в широком смысле, например, исламо-христианский диалог можно рассматривать как историю взаимоотношений между мусульманами и христианами на протяжении 14 веков их сосуществования, то в настоящее время складывается иное, более глубокое понимание межконфессиональных коммуникаций, рассматриваемых как императив, требующий концептуальной разработки и институционального оформления. История такого рода межконфессиональных коммуникаций исчисляется всего лишь двумя десятилетиями. Конечно, невозможно охватить всю сложную и неоднозначную проблематику таких коммуникаций, но культурологический аспект представляется в данном случае наиболее оптимальным. В гуманитаристике встречались и порой встречаются два крайних способа решения проблемы: либо отрицается правомочность культурологического противопоставления конфессий, либо утверждается их полная культурная взаимонепроницаемость. Обе позиции, по мнению российского востоковеда-япониста Т.П. Григорьевой, — только отдаляют нас от реального решения проблемы [6: с. 244].

Трагический опыт последнего десятилетия показал, какую огромную опасность таит в себе любая идея национальной или конфессиональной исключительности. Этот опыт убеждает нас в необходимости решения проблемы взаимопонимания между людьми. Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Герман Гессе подчеркивал: «Плодотворное взаимопонимание между Востоком и Западом — великое, еще не осуществленное требование не только в области социальной, это насущно важное требование и в духовной области, и в области культуры. Речь идет в наше время уже не о том, чтобы обратиться японцев в христианство, а европейцев в буддизм или даосизм. Наш долг

и желание — не обращать и не обращаться в какую бы то ни было веру, но достичь как можно большей открытости и широты: в мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь» [3: с. 217].

Межконфессиональные коммуникации охватывают широкий круг вопросов, в том числе и тему вероисповедания, рассматриваемую в духе тенденций экуменизма и направленную на богословско-теологическое сближение конфессий. Такое направление, безусловно, может быть вполне полезным, но с позиции рассматриваемой нами проблемы целью является попытка преодоления идеологической зашоренности конфессий, непроницаемости моральных и этических установок. Это значит, что каждая из сторон должна преодолеть претензии на монопольное положение, отказаться от идеи своей исключительности, найти общую ценностную основу и стремиться решать конкретные практические проблемы, опираясь на принцип равенства. При всех обрывах исторических нитей межконфессиональных отношений, при всех зигзагах и потрясениях всегда оставалась непрерывность межконфессионального культурного взаимодействия. Любая религиозная культура страдает от искусственной изоляции, от давления привнесенных обстоятельств, но не зависит от них полностью, сохраняя свое духовное ядро и долговременные интересы, устремленные в будущее поверх барьеров любой политической, социальной, идеологической конъюнктуры.

Обращение к феномену межконфессиональных коммуникаций является не только вопросом теории, но и актуальным требованием общества, которое стремится возродить традиционные «духовные скрепы» через образовательный процесс. Такой подход, с точки зрения профессора Л.А. Шеймана, имеет конечной целью подготовку «человека, в необходимой мере владеющего принципами оценки, характерными для разных конфессиональных культур, которые вступают в педагогический контакт» [12: с. 24]. Тщательно продуманная методика преподавания истории, обществознания, литературы, МХК, ОРКСЭ на основе педагогического принципа диалога культур может обеспечить эффективное постижение как родной, так и иноконфессиональной культуры.

Особую значимость в данном случае приобретают знания педагога в области религии. Ведь у многих обучающихся уже сложились определенные стереотипы, фиксированные установки на ту или иную иноконфессиональную культуру. При этом, по словам Д.Н. Узнадзе, нравственно-эстетическая система реципиента может вступить в конфликт с уже сложившейся фиксированной установкой [11: с. 82]. Чтобы этого не произошло, в процессе обучения необходимо использовать позитивные примеры взаимодействия разных религиозных культур. Не менее важно выявлять типологически сходные и конфессионально специфические черты. Постигание реалий иноконфессиональной культуры через их сопоставление с реалиями родной культуры способствует возникновению познавательного интереса к другим религиям. Такой подход позволяет разъяснить моменты конфессионально обусловленных различий

и, напротив, акцентировав сходные типологические черты, выявить общие духовные ценности.

Даже в условиях, когда все участники коммуникативного акта говорят на одном языке, встречается немало препятствий, обусловленных недостаточностью общей культуры, нечеткостью религиозных и бытовых представлений, распространенностью ложных стереотипов. Тем более что даже в федеральных СМИ нередко тиражируются неточные представления о религиозных культурах, согласно которым образ верующих загоняется в этнографическую нишу, в паранджу и ватные халаты, в средневековые тюбетейки. Журналистам и педагогам в первую очередь следует уяснить: религия — настолько чувствительная сфера, что любая вольная интерпретация догматики неизбежно ведет к её неверному пониманию, а нередко — к сектантским, сепаратистским и ксенофобским представлениям. Не случайно свобода интерпретации религиозных текстов всегда была довольно жёстко регламентирована четырьмя возможными смыслами: буквальным, моральным, аллегорическим и анагогическим. А в христианстве возникла целая научная отрасль — экзегетика (прародительница герменевтики), предназначение которой исчерпывалось точным и правильным толкованием библейских текстов. Все эти сложности, несомненно, необходимо учитывать в процессе межконфессиональных коммуникаций, которые в условиях образовательного пространства должны контролироваться педагогом, обладающим соответствующими компетенциями.

Таким образом, педагогический принцип диалога культур, помимо достижения конкретных образовательных, воспитательных и развивающих целей, призван сыграть исключительную роль в профилактике идей национально-религиозного экстремизма и укреплении духовных связей между представителями разных национальных и религиозных культур.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
2. Бориснёв С.В. Социология коммуникации: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2013. 270 с.
3. Восток-Запад: исследования, переводы, публикации. М.: Наука, 2008. 301 с.
4. Гогиберидзе Г.М. Диалог культур в системе образования. М.: Наука, 2003. 184 с.
5. Гогиберидзе Г.М. Инновационные подходы к профилактике национально-религиозного экстремизма в молодежной среде // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Уфа: БГПУ, 2017. С. 39–45.
6. Григорьева Т.П. Еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 2006. № 7. С. 240–249.
7. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 2009. № 4. С. 195–201.
8. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1987. 342 с.
9. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиции, 2009. С. 113–114.
10. Ткаченко А.В. Отношение московской молодежи к религии и нравственности // Системная психология и социология: Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2012. № 5. С. 97–107.

11. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Мецниереба, 2011. 270 с.
12. *Шейман Л.А.* Искусство сопряжения художественных культур // Литература в школе. 2002. № 6. С. 22–29.
13. *Яковлев И.П.* Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб.: Авалон, 2006. 230 с.
14. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / ed. by Berger P. Grand Rapids. Mich.: William B. Erdmans Publishing Co., 1999.
15. Мир становится менее религиозным // Исследовательский холдинг Ромир | Исследования [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/370_1343678400 (дата обращения: 08.06.2017).

Literatura

1. *Baxtin M.M.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
2. *Borisnyov S.V.* Sociologiya kommunikacii: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Yuniti-Dana, 2013. 270 s.
3. Vostok-Zapad: issledovaniya, perevody', publikacii. M.: Nauka, 2008. 301 s.
4. *Gogiberidze G.M.* Dialog kul'tur v sisteme obrazovaniya. M.: Nauka, 2003. 184 s.
5. *Gogiberidze G.M.* Innovacionny'e podxody' k profilaktike nacional'no-religioznogo e'kstremizma v molodezhnoj srede // Protivodejstvie rasprostraneniyu ideologii e'kstremizma i terrorizma sredi molodezhi. Ufa: BGPU, 2017. С. 39–45.
6. *Grigor'eva T.P.* Eshhe raz o Vostoke i Zapade // Inostrannaya literatura. 2006. № 7. S. 240–249.
7. *Kon I.S.* Psixologiya predrassudka // Novy'j mir. 2009. № 4. S. 195–201.
8. *Lixachev D.S.* Izbranny'e raboty': v 3 t. T. 1. M.: Nauka, 1987. 342 s.
9. *Nazarchuk A.V.* Teoriya kommunikacii v sovremennoj filosofii. M.: Progress-Tradicii, 2009. S. 113–114.
10. *Tkachenko A.V.* Otnoshenie moskovskoj molodezhi k religii i npravstvennosti // Sistemnaya psixologiya i sociologiya: Vserossijskoe periodicheskoe izdanie nauchno-prakticheskij zhurnal. M.: MGPU, 2012. № 5. S. 97–107.
11. *Uznadze D.N.* Э'кспериментал'ны'е osnovy' psixologicheskoy ustanovki. Tbilisi: Meczniereba, 2011. 270 s.
12. *Shejman L.A.* Искусство сопряжения художественных культур // Литература в школе. 2002, № 6. С. 22–29.
13. *Yakovlev I.P.* Klyuchi k obshheniyu. Osnovy' teorii kommunikacij. SPb.: Avalon, 2006. 230 s.
14. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / ed. by Berger P. Grand Rapids. Mich.: William B. Erdmans Publishing Co., 1999.
15. Мир становится менее религиозным // Исследовательский холдинг Ромир | Исследования [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/370_1343678400 (дата обращения: 08.06.2017).

G.M. Gogiberidze

**The Development of Inter-Confessional Communications
in the Modern Educational Space**

The events taking place today in the country and the world (large-scale changes in the spiritual and moral sphere, religious renaissance, activation of extremist religious and political groups) put us before the rigid necessity of restarting work with young people in the sphere of inter-confessional communications. A leading role in this process can and should be played by the Moscow educational complex. In the educational space of the capital, a unique experience has been accumulated in the implementation of the pedagogical concept of the dialogue of cultures, the need for generalization, dissemination and development of which is conditioned by pressing problems of harmonization of interfaith relations.

Keywords: inter-confessional communications; religious renaissance; dialogue of cultures; prevention of ideas of national and religious extremism; harmonization of interfaith relations.

Н.М. Мамедова

Философский дискурс традиции: генезис и современность

В статье прослеживаются идеи В. Дильтея, Э. Гуссерля, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, которые оказали влияние на формирование представлений о преемственности культуры и традиции как способа ее реализации. Выявляются основные парадигмы понимания традиции, на основе которых она трактуется как способ самоопределения в культуре, канал миграции культурных смыслов из одной культуры в другие. Устанавливая преемственную связь между различными культурными феноменами, традиция обеспечивает культуре целостность.

Ключевые слова: герменевтика; «жизненный мир»; язык; смысл; исторический континуум.

Вопрос о сохранении культурно-исторической преемственности, удержании неразрывной связи между звеньями и стадиями культурного процесса актуализируется в общественном сознании в переломные периоды развития. Происходящие процессы модернизации, угрожающие самобытности культур, все более органично включают в себя элементы культурного традиционализма [4: с. 10]. В связи с этим особую значимость приобретает рассмотрение целостности культуры, роли традиций в накоплении и трансляции совокупного опыта. Темы эти глубоко укоренены в европейском историко-философском сознании.

Джамбаттиста Вико (1668–1744) одним из первых ставит проблему воссоздания прошлого, понимания и расшифровки исторических культурных смыслов. Он предпринял попытку обоснования единства мировой истории, в значительной степени определил интенции развития последующей философии, культурологии. Философия жизни, философская антропология, герменевтика, структурализм в той или иной мере вращались в круге проблем, поднятых итальянским философом. Нас интересует та преемственность идей, которая послужила основой для формирования философского дискурса культурно-исторической традиции.

Вильгельм Дильтей (1833–1911) — основоположник понимающей психологии и школы «истории духа» — выдвигает метод «понимания» как способ постижения культурно-исторической целостности. Мир культуры у Дильтея — объективный дух — среда, из которой личность получает импульсы своего развития, это мир человеческого духовного опыта, традиций, являющийся предпосылкой и посредником для понимания других личностей. Мир культуры открыт для постижения, для диалога, связывает общечеловеческое

и индивидуальное, вследствие чего обуславливает возможность понимания людей. Под объективным духом Дильтей понимает разнообразные формы культуры, в которых объективируется общность, существующая между индивидуумами, возникает мир смыслов. Понимание выступает у Дильтея как метод интерпретации, названный им герменевтикой. В «Описательной психологии» [3] Дильтей называет основой сознательной жизни людей непосредственно переживаемую каждым целостность и полноту «духовной жизни». Но для историка сама по себе эта «целостность» духовной жизни людей прошлого не доступна: он имеет дело с «объективациями», с опредмеченными результатами деятельности. Поэтому исследователь должен действовать герменевтическим способом. «Объективации духа» — это вся культура народа и его эпохи, и проблема состоит в том, чтобы в индивидуальных фрагментах сознания неповторимых личностей раскрыть общий или «объективный дух», общее «понимание» культуры. Это возможно только через герменевтическое осмысление письменных текстов, что позволяет не только «описывать события», а видеть их глазами современников, глазами авторов этих текстов, истолковать их в изначальной «целостности». Герменевтика стала для Дильтея ключом постижения феноменов человеческого духа как прошлых, так и настоящих, «искусством понимания письменно фиксированных жизненных проявлений». Достоверным источником познания культуры являются репрезентации, воплощенные в знаковой и языковой форме. Таким образом, культурный опыт, традиция, данные в объективированных знаковых формах, растворялись в субъективной неповторимости актов интерпретации, градации психологически ориентированных типов познания (переживания, понимания, интуиции), герменевтического, конгениального искусства толкования. Сложность текстовой интерпретации отодвигает на второй план необходимость исследования исторического фона создания текста. Проблема объективации и интерпретации творческих воплощений и интенций автора, в разрешении которой большую роль играет «конгениальность» интерпретатора, замещает собой проблему актуализации культурных смыслов и воспроизводства культурных традиций.

Необходимость выявления общезначимых оснований познания и культуры требует выхода за пределы индивидуальности, и в этом направлении развивалась феноменология Э. Гуссерля. Исследуя «чистое сознание», он выделил в нем неосознаваемые интенциональные акты — некий горизонт, дающий «предварительное знание» о предмете. Горизонты отдельных предметов образуют единый горизонт — «жизненный мир», — который и создает основу взаимопонимания. Идея редукции привела Гуссерля к выводу, что единственным путем проникновения в сферу трансцендентального является анализ жизненного мира, так как он источник и место всех предпосылок сознания. Так как жизненный мир историчен по своей сущности, то редукция означает раскрытие исторических предпосылок, представляющих перед нами в форме традиций. Традиции — это исторические предпосылки и горизонты

жизненного мира. При исследовании любой культуры нужно реконструировать «горизонт», «жизненный мир» этой культуры, в соотношении с которым раскрывается смысл отдельных ее феноменов. «Рассматривая всеобщую историю человеческого существования во всех его общественных формах, мы обнаруживаем, что по существу определенная установка является изначальной, определенный нормативный стиль человеческого существования составляет первичный образ, внутри которого конкретный нормативный стиль культурно-творческого бытия в каждый момент, будь то рост, упадок или стагнация, остается формально тем же самым» [2: с. 3]. Из этой первичной установки культуры, по Гуссерлю, развиваются все остальные установки — «универсум всех норм». Акт феноменологической редукции превращается в акт исторической рефлексии.

М. Хайдеггер пытался выявить объективные основы традиции: «...что есть и изначально определяет всякую традицию и всякое развитие, само оставаясь от них независимым» [6: с. 186]. Традиция, по Хайдеггеру, бессильна держаться сама на себе, она восстанавливается в меру настойчивого возвращения к истокам. «Подлинная традиция в столь малой мере борется с грузом прошлого, которое мы тащим за собой, что она, наоборот, освобождает нас в настоящем, становясь так главным путеводителем в дело мысли» [6: с. 381]. Традиция выполняет роль культурного ориентира в мыслительной деятельности. А так как реальность «жизненного мира» — это языковая реальность, «язык — это дом бытия», то встает задача «прислушивания к языку», через который открывается истина бытия, исток всякой традиции, не мы говорим языком, а язык «говорит людьми», поэтому герменевтика — это не просто истолкование текстов, как у Дильтея, а свершение бытия. По Хайдеггеру, далее традиция связана не только с языком-хранителем традиций, но и со временем. Человек мыслит себя, общество и природу «как существующих во времени». И то, как человек понимает и истолковывает свое прошлое, во многом определяет то, как он будет представлять себе будущее и что он будет делать ради будущего.

Продолжая хайдеггеровскую концепцию языка, Х.-Г. Гадамер считал, что носителем традиции является язык. Конечность человеческого опыта, проявляющаяся в его историчности, имеет в качестве предпосылки традицию. Традиция задает «предварительное понимание», являющееся основой исторического познания. Гадамер придает пониманию универсальный характер. Герменевтика — это способ бытия рефлексиирующего человеческого сознания. Как и у Хайдеггера, герменевтика — не только понимание, но и свершение бытия, ему придается онтологический статус, всему человеческому опыту присущ диалогический характер понимания. Вся культура носит диалогический характер — узнавание в чужом своего и возвращение к себе через традицию и язык. Стремление обосновать универсальные характеристики культуры, не поддающиеся релятивизации, избежать деформаций сознания, ориентированного на изменчивость, диктует необходимость обращения

к традиции. Традиция — основа постоянства в истории, она укоренена в языке, чем определяется изначальная погруженность человека в универсум традиций. «Чистое сознание», лишённое предрассудков своего времени, — это иллюзия. С традицией соотносятся такие формы диалогического знания, как «предрассудки», «предание», «предпонимание». Как нечто укоренившееся, длящееся предрассудки транслируют традицию, обеспечивают преемственность. Традиция освящена преданием и обычаем — то, что Гадамер называет «безымянным авторитетом традиций» [1: с. 333]. Традиция — это постоянное в изменчивом, устойчивое в непостоянном. В принятии традиции и заботе о ее сохранении присутствует элемент свободы, несмотря на стихийность складывания и спонтанность самосохранения традиции. Она возникает в точке пересечения свободы и истории. Актуализация традиции обеспечивается нахождением человечества «внутри традиции». Традиция пронизывает и определяет человеческую жизнь, образуя исторический континуум, в котором осуществляется, по Гадамеру, «непредвзятое слияние с преданием», фактическое свершение традиции. Процессуальное движение живой традиции, ее постоянная реализация — сущность ее бытия. Транслируемое традицией наследие прошлого — это и есть осуществляющаяся, свершающаяся история. Традиция — это, с другой стороны, событие смысла, поскольку средой его развертывания является язык, способ самораскрытия истины бытия, проявляющий себя как игра. История подобно произведению искусства есть своеобразная игра в стихии языка. Герменевтика — самый адекватный способ постижения истории и традиции, проявляющейся как открытие и создание смысла, в чем и состоит ее свершение. Диалог прошлого и настоящего осуществляется в процессе интерпретации традиции, «вопрошании предания». Герменевтическая ситуация предполагает осознанную историческую дистанцированность участников диалога: текста и интерпретатора. Интерпретация задается горизонтом исторического видения, означает слияние горизонтов понимания. С помощью интерпретации реконструируется в своей непрерывности исторически распавшаяся традиция, через которую происходит встреча прошлого и настоящего. Культура и традиция — полифония значений, смысловой универсум, раскрывающийся в акте интерпретации. Традиция у Гадамера — языковая, знаковая, текстовая реальность, а текст — всеобщая модель осмысления действительности. В герменевтике Гадамера, основанной на поисках универсальных смысловых критериев истолкования феноменов духовной культуры, традиция выступает основополагающим понятием, основой преемственности горизонтов видения различных культурных эпох.

Теоретическая ретроспектива основных установок концепции традиции, преемственности культуры позволяет говорить, по крайней мере, о существовании двух познавательных парадигм в их понимании. Согласно классическому толкованию традиция принадлежала к числу качественных характеристик культуры, служила одним из ее нормативных регуляторов, раскрывала закономерности ее функционирования в диахронном и синхронном аспектах [5].

Она понимается как форма встречи прошлого и настоящего, структура, придающая культуре стабильность, определенность.

В основе современной мировоззренческой парадигмы находится не реконструкция объективных закономерностей культуры, а рефлексия субъекта, осмысляющего бытие как субъективную реальность, образованную соотношением множества индивидуальных и коллективных миров, суть постижения культуры видится не в объяснении, а в понимании, направленно не на поиск истины, а на поиск смыслов. Герменевтика ввела в научный обиход принцип органического включения точки зрения современника в реконструкцию проблемы традиции. Современность как осуществленное настоящее не сводима к прошлому, которое находит в современности историческое оправдание. История не может рассматриваться как простая предпосылка человеческого существования, о чем свидетельствует преемственный континуум истории, связанный с феноменом социальной памяти. Внегенетическая наследственность культуры передает через механизм традиции накопленный опыт и формирует природно не задаваемые способности индивидов осваивать и развивать его. В ментальном пространстве происходит объединение разнонаправленных проекций исторической памяти, воплощенных в традициях, универсальных ценностях, через которые осуществляется механизм преемственности культуры.

В современных исследованиях культуры делается акцент на антропологическую основу историко-культурного процесса, в соответствии с которым за языком культуры стоит человек, а сама культура предстает как способ его духовно-практического самоосуществления. Из такого подхода вытекает необходимость обнаружения механизмов представления человека как целостного феномена. Вследствие чего понятие традиция ставится в ряд с такими категориями, как деятельность, творчество, преемственность, стиль. Однако применительно к постмодернистскому состоянию культуры понятие традиция несколько утрачивает былую значимость вместе с размыванием классических представлений о культуре как об организованном целом, что является данью новой категориальной парадигме коммуникативной плюральности, снижающей значимость категорий целостности и упорядоченности. В постмодернизме деконструкция и интертекстуальность превращаются в общий культурный код. Особенность ситуации постмодерна проявляется в отказе от метанарративов истории. Тем не менее смысловое пространство действия традиции — вся история культуры, поэтому концепция традиции должна включать, как микроисторический, так и метаисторический уровень анализа и не ограничиваться герменевтическими процедурами. Традиция — способ самоопределения в культуре, форма включения конкретного явления культурной деятельности в целостность процесса культуры. Являясь результатом взаимодействия множества значений в культурном пространстве, традиция играет в культуре роль универсального посредника. Через нее индивидуальное входит в сферу культуры, а сама она воплощается в индивидуальной практике. Традиция является посредником в пространстве интересубъективности, так как, выявляя

границы позиций, создает драматургию диалога субъектов культуры. Традиции, являясь аккумулятором смысла и формотворчества в социальном опыте, становятся каналами миграции культурных смыслов из одной культуры в другую. Играя посредническую роль в культуре, устанавливая связь между ее элементами, значениями, традиция обеспечивает культуре целостность.

Литература

1. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Общество. Культура. Философия: материалы к XVII Всемирному философскому конгрессу. М., 1976.
3. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.
4. Мамедова Н.М. Традиция и культурная идентичность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1 (17). С. 10–15.
5. Мамедова Н.М. Традиции в социокультурной ретроспективе // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 56–61.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Literatura

1. Gadamer G.-X. Istina i metod: osnovy' filosofskoj germenevtiki: per. s nem. / obshh. red. i vstup. st. B.N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.
2. Gusserl' E'. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya // Obshhestvo. Kul'tura. Filosofiya: materialy' k XVII Vsemirnomu filosofskomu kongressu. M., 1976.
3. Dil'tej V. Opisatel'naya psixologiya. SPb.: Aletejya, 1996. 160 s.
4. Mamedova N.M. Tradiciya i kul'turnaya identichnost' // Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki». 2016. № 1 (17). S. 10–15.
5. Mamedova N.M. Tradicii v sociokul'turnoj retrospektive // Nauchny'j vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2014. № 203. S. 56–61.
6. Hajdegger M. Vremya i by'tie: stat'i i vy'stupleniya: per. s nem. M.: Respublika, 1993. 447 s.

N.M. Mamedova

Philosophical Discourse of Tradition: Genesis and Modernity

The article traces the ideas of V. Dilthey, E. Husserl, G.-H. Gadamer, M. Heidegger, who influenced the formation of ideas about the continuity of culture and tradition as a way of its realization. The basic paradigms of understanding traditions are revealed, on the basis of which the tradition is interpreted as a means of self-determination in culture, a channel for the migration of cultural meanings from one culture to another. Establishing a continuum connection between different cultural phenomena, tradition provides the culture with integrity.

Keywords: hermeneutics; «life world»; language; meaning; historical continuum.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Бирич

О профессионализме педагогического образования, или о рыцарях гуманной педагогики

В статье раскрывается генезис педагогической антропологии, постулаты которой тесно связаны с социальным заказом образованию в ту или иную эпоху: от народной школы К.Д. Ушинского до «школы жизни» Ш.А. Амонашвили. Гуманная педагогика как последний оплот современного воспитательного процесса.

Ключевые слова: педагогическая антропология; человек как предмет воспитания; воспитание; педагогическая герменевтика; гуманная педагогика.

ЧАСТЬ 1

1. Немного истории

Сегодня вновь заговорили об актуальности воспитательного процесса в отношении подрастающего человека. Но мы ничего не сделаем в этой области хорошего, пока не разберемся с его целевыми установками. Сегодня большой разброс в понимании понятий «моральный», «нравственный», «духовный», «религиозный человек». На наш взгляд, религиозное, нравственное и шире — духовное, состояния сознания человека представляют из себя различные уровни или «ступени» его поступательного развития по освоению им своей собственной природы. Они тесно переплетаются друг с другом и потому взаимосвязаны, поддерживая и корректируя друг друга: у них общая — ЦЕННОСТНАЯ (аксиологическая или метафизическая) — почва. Данные уровни по-разному проявляют себя в течение всей жизни человека, но несомненно одно: их смена в процессе индивидуального становления личности (онтогенезе) означает качественный скачок в развитии человека и сопровождается, как правило, духовным потрясением. Не без помощи воспитателя.

«Воспитание» — красивое русское слово, испокон веков сопровождавшее взросление дитяти и отрока на Руси, было условием его становления как человека. Воспитывало все: отношение людей к природе и друг к другу, культурные традиции, характеры окружающих и любимых и, конечно, сам процесс просвещения, включающий в себя как эталоны образованности, так и понимание цели воспитания.

Эталоны могли расходиться согласно требованиям сословий, но цель воспитания понималась всеми однозначно: по возможности вырастить нравственного человека. В русском языке есть замечательный синоним слову «нравственный» — это «порядочный», то есть человек, который содержит, реализует и хранит в порядке свое предназначение.

Речь в статье пойдет об этом предназначении. Первым в мире, кто научно заговорил о человеке как предмете воспитания, был замечательный русский педагог-мыслитель XIX века, «учитель русских учителей» К.Д. Ушинский (1823–1871). Ну кто ж, казалось бы, не знает Константина Дмитриевича?! Знают, знают, особенно студенты наших педвузов. Они ведь проходят курс истории педагогики и могут назвать имена наших гениальных педагогов-мыслителей — от М.В. Ломоносова до В.А. Сухомлинского (с учителями-новаторами 80-х гг. XX столетия уже сложнее). Однако тексты их читают в адаптированном виде в хрестоматиях и не принимают как современное руководство к действию, так как не понимают эти тексты и знание их считают формальной обязанностью.

И действительно, как понять современный вклад Ушинского в теорию воспитания и образования, который покоится на двух ведущих идеях всего его педагогического наследия: народность и антропологизм? Первая выражена им во всех его педагогических статьях, посвященных народной школе. Вторая — в капитальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

А все дело в том, что педагогическая классика, описывающая жизнь под углом зрения педагогики, не является примером научной теории, как это принято в естественнонаучных текстах — с отточенным понятийным аппаратом и однозначными примерами. Перед нами тексты гуманитарные. Чтобы их адекватно понять, необходимо совершить герменевтическую процедуру и углубиться в смысловой контекст эпохи, который придаст значениям известных научных категорий аксиологическую окраску и сделает возможным принять их лично [7], как это сделано в каждом томе «Антологии гуманитарной педагогики». К сожалению, подобной процедуре ни будущих, ни современных педагогов не учили и не учат.

Как мы поняли, ключевое слово для Ушинского — это «воспитание». Главное, что он сам ни на минуту не сомневался, что его читатели понимают значение и смысл этого слова так же, как и он. А вот мы сегодня значение знаем, а смысл потеряли, и потому тексты Ушинского для нас перестали быть актуальными, осмысленными.

Чтобы исправить эту оплошность, давайте сами совершим герменевтическую процедуру с такой, казалось бы, ясной категорией педагогической теории, как «воспитание». В любом педагогическом словаре с разными вариациями прочтем: воспитание — формирование у подрастающего человека качеств, необходимых для гражданина страны. В предельном обобщении — верно и предельно абстрактно, как и положено для теории. Каких качеств,

какой страны — эта дефиниция не определяет и, значит, для практического использования здесь и сейчас «не работает».

А давайте «спросим» у самого слова, какой процесс был зафиксирован в нем, когда оно с незапамятных времен закрепилось в русском языке? Попробуем подойти к значению и смыслу слова с точки зрения его этимологии. Разберем морфологию слова.

«ВОС-ПИТ-АНИЕ»

Корень «-пит-» означает и «питать», и «пить». И сразу возникает образ «мамушки», у которой есть четкое отношение к тому, кого она кормит, — это любовь и забота.

Приставка «вос-» сразу вносит поправку в понимание реального физического процесса кормления, придавая ему духовный характер: это питание для «вос-хождения» (подъем), «вос-становления» (по фрагменту целое), «вос-создания» (реализация замысла), «вос-соединения» (преодоление розни), наконец, «вос-кресения» (укрепление духа после падения) — везде приставка «вос-» фиксирует развитие действия в сторону духовного подъема.

Суффикс «-ан» с окончанием среднего рода (субстантивированное существительное) дает слову временную характеристику — это процесс бесконечный: начало есть, а конца нет.

А вот теперь пусть каждый читатель этих строк самостоятельно совершит синтез значений отдельных элементов слова «воспитание» и поймет его заново, то есть интерпретирует, переосмыслит по-своему — совершит «герменевтический круг». Процесс этот творческий, и никто не пресечет его, мол, так думать неправильно. Он обращен к языковой интуиции каждого из нас. Мы видим, что за морфологией как за разделом языкознания стоит история становления народного менталитета, имеющего мировоззренческий и аксиологический характер. И тогда мы догадываемся, что в русском слове «воспитание» свернута целая духовная концепция человека.

К духовным ориентирам людей в христианской стране среди прочих относилось и понимание человека, созданного Богом по своему образу и подобию, до которого необходимо развить и поднять естественную природу человека. На это нацелены такие его способности, как ум, самосознание, свобода действий (воля), совесть, нравственность (жертвенность), доброта, потребность творить, воображение, чувства веры, надежды и любви — эти три чувства в русском сознании вообще были подняты на уровень духовных даров. Этим жил русский человек! И даже когда нарушал заповеди, знал ведь, что нарушает, и совесть его мучила.

Теперь попробуем изнутри подобного мировоззрения понять К.Д. Ушинского заново. Признавая значение природных предпосылок в развитии человека, он возлагал огромные надежды на возможности воспитания. Он полагал, что его результаты достижимы, только если воспитание соответствует природе человека и его истинным потребностям.

В основу своей теории Ушинский как русский ученый положил основные понятия — тело, душа и дух, кои есть специфическое человеческое образование. Знание особенностей этих категорий является необходимым звеном для успешного осуществления процесса воспитания. Двумя ведущими потребностями детской психики он считал стремление к деятельности и стремление к совершенству. Вот почему, веря в присутствие активного начала в ребенке, Константин Дмитриевич видел основными воспитателями ребенка природу, семью, опыт, учителя и его самого, его сознательное участие в своем самосовершенствовании.

Подчеркивая сложность процесса воспитания, Константин Дмитриевич различал воспитание в широком и узком смысле слова, в зависимости от факторов, влияющих на результат воспитательных действий: «Мы ясно сознаем, что воспитание, в тесном смысле этого слова, как преднамеренная воспитательная деятельность — школа, воспитатель и наставники... — вовсе не единственные воспитатели человека, и столь же сильными, а может быть и гораздо сильнейшими, воспитателями его являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык, словом, природа и история в обширнейшем смысле этих обширных понятий» [9: с. 18].

Ушинский впервые привлек внимание к проблеме единства различных воспитывающих факторов. В частности, не должно быть расхождений между общественным мнением о целях и задачах воспитания и организацией учебно-воспитательного процесса (!). Школа — мощный фактор духовного развития ребенка, но школа может выполнять свою функцию только в том случае, если три основных ее элемента — административный, учебный и воспитательный — соединены воедино, подчинены одним и тем же целям.

К.Д. Ушинский указывал на решающую роль в воспитательном процессе личности педагога: «...влияние личности воспитателя составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений. Многое, конечно, значит дух заведения» [9: с. 32].

Ушинский стремился связать педагогику с системой других наук, прежде всего с философией, физиологией и психологией, стремился связать ее с жизнью, с решением потребностей общества. И все же педагогика не наука, писал Ушинский, а искусство, самое обширное, сложное, высокое и самое необходимое из всех искусств. Искусство воспитания опирается на науку, но кроме знаний требует от человека особых способностей и склонностей. И как искусство педагогика стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда не достижимому, — идеалу самосовершенствования, прописанному в Нагорной проповеди, данной в Евангелиях. Так понималось в середине XIX века нравственное воспитание. Имя Господа всеу не поминалось, но нравственный идеал был известен всем.

Теория Ушинского в свое время оказалась мощным прорывом в развитии педагогической антропологии и одновременно идеальной сферой

для педагогической практики, то есть соединила в себе убедительность научной аргументации и абсолютную веру в ценность цели воспитания. Тогда все — от царя до крестьянина — знали, что на воспитательном процессе молодого поколения держится основа живой истории государства. Единый русский язык и православная культура удерживали единство ментального пространства страны. Духовные ориентиры и приоритеты были едиными, даже если они содержались в других религиях.

Когда цивилизационные основы страны закачались? Когда была подвержена сомнению духовная природа человека, и батюшки-царя в том числе. Помните фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар» о разворачивании в России гражданской войны? Мальчишка-подмастерье из маленького городка на Волге спрашивает молодого юнкера, которому он симпатизирует и которому решил доверить страшное сомнение, что его мучает, о теории Дарвина: «Правда, что люди произошли от обезьяны?» И тот беспечно отвечает, что раз такое пишут в учебниках, то значит правда. У мальчишки от ужаса округляются глаза: «И царь Николай Александрович произошел от обезьяны?!» И в ответ слышит: «И царь тоже».

Финал фильма двусмыслен. Его главным персонажем оказывается не юнкер, не его прекрасная, но распущенная спутница, а этот мальчик. Он вырос и стал командиром Красной армии. Именно он сажает целый взвод пленных белых офицеров, и нашего юнкера в том числе, на гнилую баржу, которую решено было затопить в водах Черного моря. Но напоследок он передает юнкеру, которого узнал, часы с запиской, что возвращает ему вещицу, когда-то забытую им в маленьком городке на Волге, так как не хочет остаться в его глазах вором. Красные командиры — честные люди. Так маленькая правда заслонила собой большую: часы вернулись к хозяину, да только сам хозяин со своим хозяйством ушел на дно. На дно истории.

Итак, разрыв поколений в начале XX века в России — это разрыв мировоззрений. Как же стала складываться система образования в молодой советской республике? Отказавшись от Бога как религиозного эталона совершенствования человека, Совет народных комиссаров торопился с реформой образования. По инициативе А.В. Луначарского и Н.К. Крупской в 1918 г. он принимает для руководства к действию концепцию Единой трудовой школы, разработанной психологом П.П. Блонским при участии школьного организатора К.Н. Вентцеля.

Философия образования начала XX в. в Европе очень тесно соприкасалась с социальными идеями, в том смысле, что реализацию мечты о демократическом государстве тесно увязывала с положением ребенка в государстве, его качественным образованием, обращенным к развитию личности. Идеи педоцентризма были распространены не только на Западе, но и в России, ярким представителем которого был Константин Николаевич Вентцель — оригинальный мыслитель и педагог, лидер отечественного течения в педагогике, известного как свободное воспитание, продолжавший и развивавший

педагогические идеи Л.Н. Толстого, П.Ф. Каптерева. Он активно боролся против насилия над личностью ребенка еще в условиях царской России, последовательно выступал за свободу ребенка и автономию школы. Впервые в мире он разработал «Декларацию прав ребенка», составленную им в период Февральской революции 1917 г. и которая не публиковалась после 1918 г. [6].

Представление о педагогике как о гуманитарном фундаменте образования, естественно, порождало совершенно новую и непривычную модель школы — **школы человечности**, направленной на развитие в ребенке целостного мировосприятия. Так, П.П. Блонский подчеркивал, что образование есть не набор готовых знаний и умений, а развитие постоянного стремления к образованности, так же как, подлинная нравственность, есть постоянное стремление к ней. Сравнение образованности с нравственностью не случайно: и там, и там велика сила идеала. «Идеал преобразовывает действительность, а действительность без идеала умирает», — настаивал Блонский [5]. Будучи современником великих русских философов и великих русских педагогов, он, конечно же, связывал со школой реальное преобразование общества. Многие в этой школе опережали реальности окружающего мира. Она была пронизана идеями демократии, самоуправления и сотрудничества.

Но хорошая школа невозможна без хорошего учителя. Блонский афористически выразил это так: «Настоящий учитель — не энциклопедический словарь, но Сократ!» И потому новая школа — это образовательная школа и для самого учителя, она должна дать возможность ему стать своим человеком для детей и жить с ними интересной человеческой жизнью. В школе должно быть гораздо больше простора для личного творчества учителя: точно регламентированная программа, учебник и вопросно-ответная форма обучения обезличивают его.

Единая трудовая школа — это школа мысли, человечности, социального труда и поэтического чувства. Блонский назвал ее **школой жизни**. И не напрасно. В этой школе совершенно иное наполнение учебного дня. Вечно живая жизнь требует создания новых форм и умения приспосабливаться к изменяющейся среде. «В школе ребенок не учится, а упражняется в самостоятельных занятиях», — записано в Концепции. Ученый предложил отказаться от дробления школьного дня на отдельные уроки, школьной программы — на отдельные предметы. Школьный день — это сложное и постоянное погружение ребенка в методы познания и труда, но имеющее, безусловно, системный характер. К чему же тогда сводится роль учителя? К сотрудничеству, помощи и руководству работой детей по самовоспитанию [4: с. 86–88]

У Блонского много точек идейного соприкосновения и пересечения не только с русскими воззрениями на свободную школу, но и с мыслями европейских педагогов — С. Френе, М. Монтессори, Г. Дьюи, Х. Кей, с педагогической практикой индийского духовного лидера Махатмы Ганди. Такое ощущение, что идеи новой педагогики были разбросаны в первой трети XX в. по всему миру — она ставила перед собой задачу создания самостоятельной

трудовой детской **общины** в качестве **прообраза** грядущего идеального социального строя! Насколько же надо было верить в потенциал детской личности и в потенциал новой власти, которая пришла в Россию в образе **народной власти!**

Социальный заказ социалистического общества образованию звучал немного по-библейски — «формирование нового человека» — и включал в себя необходимость развития определенных нравственных человеческих качеств, таких как: рыцарь идеи, честный труженик, активист и бессеребряник, не трус, уважает товарищей, любит новую Родину. Слово «воспитание» продолжало быть в приоритете, но, конечно, потеряло свой возвышенный смысл, зато приобрело смысл «дисциплинарный».

Принципы и идеи Единой трудовой школы, опиравшиеся на широкую гуманистическую платформу и научно-психологическую основу, начали реализовываться и нашли свое практическое применение прежде всего в школах-коммунах или колониях — школах, в которых были собраны дети и подростки, лишенные семьи, потерявшие родителей, не прошедшие опыта нормальной социализации.

Эти школы вызвали к жизни особый образ педагога-руководителя — не только гения школьной организации, обладавшего высочайшим педагогическим талантом, но и наделенного чудодейственной силой родительской любви, равно устремленной ко всем подопечным и таким «трудным» детям. Речь идет о великих учителях, составивших славу советской педагогики: С.Т. Шацком, А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинском, В.А. Сухомлинском, которых также вдохновляла мысль о том, что они готовят своих воспитанников для жизни, имеющей совершенно новые — гуманные — социальные черты. И в этом плане их всех можно назвать романтиками от педагогики, открывшими **педагогику сотрудничества** (подробно см. [4]).

После войны и разрухи в педагогической теории и практике все надо было начинать заново. Педология, и значит, модель Единой трудовой школы были запрещены еще в конце 30-х гг. Но тем не менее в 50–70-х гг. внимание государства к образованию было активным. Именно в те годы сложилась его концепция, направленная на развитие научно-технической революции и подготовку научно-технических кадров. Оценка советского образования этого периода в мире очень высокая. Но в педагогической теории произошел крен, разделивший процессы обучения и воспитания: в обучении победила ленинская теория отражения, в воспитании — теория формирования всесторонне развитой личности, своего рода «воспитательная утопия».

Однако пока в стране существовали единые ценностные ориентиры, связанные с разоблачением культа личности, представления о нравственности и порядочности в народе сохранялись и выполнялись (хрущевская оттепель, романтическая эпоха шестидесятников, научные и литературные открытия, повсеместное молодежное творчество, неприятие мещанства).

При Л.И. Брежневе стали легальными двойные стандарты жизни. Недаром это время было названо эпохой застоя. В народный менталитет были

заброшены семена сомнений в правильности выбранной идеологии и в молодежную среду — страшное любопытство к западным нормам жизни и ценностям, к обществу потребления. Кумирами золотой молодежи (пока еще детей номенклатурной элиты) становились фарцовщики.

Педагогическая антропология как научное направление отошла в историю, перестала быть актуальной. А ведь педагогическая антропология демонстрировала добровольный союз философии, психологии и педагогики. Теперь дисциплины «разъехались» в разные стороны, каждая рассматривала становление человека в своем понятийном аппарате, не заглядывая друг к другу. Про воспитание в первоначальном смысле слова забыли, в теории оно заместилось понятием «социализация» — безо всяких подтекстов, однозначным, легко исполняемым на практике, легко измеряемым для отчетов. Качества личности, о чем так радел В.А. Сухомлинский, заменились среднестатистическими знаниями, умениями, навыками — ЗУНами. Между учителем и учеником появилась трещина формализма.

Последний всплеск педагогического романтизма пришелся на 80-е гг. XX столетия, когда проявился феномен педагогов-новаторов, которые под эгидой «Учительской газеты» («УГ») выступили с манифестом «Педагогика сотрудничества». В стране был организован Творческий союз учителей под руководством главного редактора «УГ» В.Ф. Матвеева и главного новатора, грузинского учителя начальных классов, доктора психологических наук Ш.А. Амонашвили. Недаром он, пытаясь реанимировать версию многих понятий педагогической теории (школа, воспитание, обучение, образование, урок, учитель), прибегал к герменевтическому методу их переосмысления [1]. Но был для коллег-ученых тогда не убедителен.

Выяснилось, что теоретики и практики по-разному рассматривали участие обучаемого в самом процессе образования. При сильнейшем сопротивлении Академии педагогических наук начались дебаты по поводу проблемы: ученик — объект или субъект обучения и воспитания. В дебаты включились психологи (В.В. Давыдов, В.П. Зинченко) и философы (Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, А.С. Арсеньев и др.). Недаром Ш.А. Амонашвили называл официальную педагогическую науку «бездетной».

После развала Советского Союза конкретное Министерство просвещения превратилось в отчужденное Министерство образования и науки, Академия педагогических наук была реформирована в Российскую академию образования, перестал существовать и Творческий союз учителей как организация. Однако сами учителя в 90-е гг. многое сделали для гуманизации образования. Началось проведение Всероссийского конкурса «Учитель года». Стали выходить запретные прежде книги русских философов. Многие школы подхватили их идеи, стали работать по авторским альтернативным моделям (школы Д.З. Арсентьева в г. Орле, Ш.А. Амонашвили, В.В. Караковского, А.Н. Тубельского, Е.В. Ямбурга, Вальдорфская школа в Москве, Центр комплексного воспитания подростков М.П. Щетинина в Краснодарском крае и др. — (см. [2]). «УГ» объявила конкурс на лучшую

такую модель, проводила семинары по педагогике сотрудничества для учителей. Социального заказа внятно никто образованию (с 1991 по 2003 гг.) не предъявлял, если не считать гуманно-личностного подхода как альтернативу авторитарному. Но это было затишье перед бурей.

В 2003 г. «грянул» Болонский процесс. Прошло чуть более 10 лет, а уже можно подсчитывать убытки — прежде всего нравственные! Украинским правителям, чтобы в корне изменить менталитет молодого поколения, понадобилось 25 лет. Кажется, нам и 10 хватило. Когда Россия давала согласие на вступление в Болонский процесс, возможно, чиновники предполагали, что это выльется лишь в структурные изменения высшего образования (бесплатный бакалавриат — платная магистратура — отказ от специалитета), но суть останется прежней. Теперь выясняется, что именно суть советско-русского образования (забота о человеческом облике молодого поколения) была и есть мишенью реформаторов. Идет глобальная атака на мировоззрение российских молодых людей в вузах, «зачистка» последних новаторов-идеалистов в школе. Только что закрыли («слили») школу в Ясенево, где научным руководителем был Ш.А. Амонашвили, расформировали уникальный педагогический коллектив. Общественная мысль в России и педагогическая общественность уже назвали этот процесс **диверсией** против молодого поколения [10].

КАК реализовывать сегодня, в условиях двойных и тройных нравственных стандартов, воспитательный процесс, никто толком не знает.

Вот мы и вернулись к началу статьи. Трижды за 150 лет менялось господствующее мировоззрение в России, и трижды менялся социальный заказ для образования. Дважды (1861 г. и 1917 г.) в громадном напряжении страна удерживала преемственность поколений (не без потерь, конечно), демонстрируя единство ценностных ориентиров и устремленность в будущее. Сегодня мы переживаем третью попытку власти вмешаться в изменение национального самосознания, запустившей западные стандарты в наш образовательный процесс, но не подумав о преемственности идей. Никогда в России экономическая составляющая не была стержнем образовательной политики.

2. МГПУ — остров гуманной педагогики

Наш университет оказался единственным педагогическим вузом в России, в котором вот уже 20 лет существует лаборатория гуманной педагогики (сейчас она называется лабораторией педагогических инноваций), возглавляемая известным новатором, доктором психологических наук, академиком РАО, писателем Ш.А. Амонашвили, которого в 90-е гг. пригласил на работу ректор В.В. Рябов. Начали с отдельных семинаров для учителей Москвы, студентов МГПУ. Потом эти семинары вылились в создание Международного педагогического общества гуманной педагогики, филиалы которого есть во многих городах России и ближнего зарубежья, куда Шалва Александрович приезжал

и приезжает с лекциями. Можно сказать, что у Амонашвили есть последователи и своя научная школа, прописанная в МГПУ.

Совместная с Д.Д. Зуевым, известным советским издателем школьных учебников и почетным профессором МГПУ, родилась грандиозная идея об издании Антологии педагогов-мыслителей всех времен и народов, чтобы в каждой школе собралась подобная библиотека мудрых мыслей. И они это сделали, издав в 1996–2007 годы 55 томов «Антологии гуманной педагогики»!

Не надо думать, что идеи гуманной педагогики, основанные на феномене детской личности и педагогической антропологии, легко пробивают себе дорогу в современном образовательном процессе. Чтобы их воспринять и принять, необходимо прежде всего отказаться от позитивизма в понимании отношений «учитель – ученик». Недаром Педагогическое общество под руководством Ш.А. Амонашвили награждает своих последователей почетным знаком «Рыцарь гуманной педагогики». Ее идеи надо поддерживать и защищать. Такой знак есть и у первого президента МГПУ Виктора Васильевича Рябова.

Хотим мы этого или не хотим, но философия спонтанно присутствует в труде творческого педагога, потому что он формирует то, что изначально существует лишь как возможность. Такой педагог методично создает образ человека, который проявится только в конце всего учебного процесса. Понятие масштаба личности и удержание его в самосознании — это **философская процедура, и образ будущего человека — философский образ, включающий в себя ценностный аспект.**

Философско-педагогические тексты, собранные в «Антологии гуманной педагогики», оставляют после их прочтения удивительное впечатление: как будто они пришли к нам из вечности. Если философские системы мудрецов, их воззрения на мир со временем, в силу их привязки к исторической эпохе, географическому региону, приобретают некую музейную ценность — их надо охранять и изучать как памятники культуры, то педагогические воззрения этих же великих мыслителей **актуальны всегда.** Что может быть важнее в жизни общества, чем забота о молодых, чем связь поколений?!

Всем известно: данная связь держится на общем фундаменте. Вот только что считать таким фундаментом? И здесь оказывается, что педагоги-мыслители всех времен и народов по сути **совпадают**, говорят на разных языках об одном: о необходимости **очеловечивания человека.** Если из ребенка вырастет человек, а не просто двуногое животное, то он обязательно будет естественным образом развивать творческий потенциал общества. Как понятно!

Нам в назидание оставлено страстное обращение представителей русской философской мысли с призывом обновить свое педагогическое искусство для того, чтобы пробудить в ребенке, по выражению И. Ильина, «духовность его инстинкта», ведь человек много больше, чем его мышление или рассудок. Образование должно сообщить ребенку **новый способ жизни**, зажечь его сердце. В этом «живая тайна» воспитания: «Если дух в глубине бессознательного будет пробужден и если инстинкт будет обрадован и осчастливлен

этим пробуждением, то в жизни ребенка совершится важнейшее событие, и дитя справится со всеми затруднениями и соблазнами предстоящей жизни» [8: с. 207]. Вы думаете, это утопия? Сегодня это обращение, например, реализует педагог-новатор М.П. Щетинин, который взял за основу своего Центра все передовые концепции наших великих педагогов.

Реализация духовного потенциала ребенка, развитие его индивидуальности, вырывание из тисков массового сознания, его самораскрытие и радостное самочувствие, масштаб его счастья — вот что должно стать сегодня мерилом истинности и наших философских, и педагогических, и социальных построений.

Не политики, не экономисты выведут нас из кризиса, а УЧИТЕЛЯ! Тем более что в русском слове «ЧЕЛОВЕК» отражен древнейший санскритский корень «чела», означающий не только место, где помещается разум, но и понятие «ученик». Человек — это и лик времени, и вечный ученик Вселенной. А вы говорите «стандарты»!

Литература

1. *Амонашвили Ш.А.* Школа жизни. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000.
2. *Бирич И.А., Бирич В.Г.* Традиции гуманной педагогики в российском образовании: История и современность. М.: Жизнь и мысль, 2000. 64 с.
3. *Бирич И.А., Музафарова Н.И., Панченко О.Г.* Философия образования и воспитания. По страницам Антологии гуманной педагогики: Запад, Россия, Восток: учеб. пособие: в 3 ч. М.: МГПУ, 2005.
4. *Бирич И.А., Панченко О.Г.* В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы: монография. Москва – Екатеринбург: Урализдат, 2010. 256 с.
5. *Блонский.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2001. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
6. *Вентцель.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1999. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
7. *Закирова А.Ф.* Педагогическая герменевтика: монография. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2006. 328 с.
8. *Ильин.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2005. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
9. *Ушинский.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1998. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
10. *Четверикова О.Н.* Разрушение будущего. Кто и как разрушает суверенное образование в России. М., 2015. 128 с.

Literatura

1. *Amonashvili Sh.A.* Shkola zhizni. M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2000.
2. *Birich I.A., Birich V.G.* Tradicii gumannoj pedagogiki v rossijskom obrazovanii: Istoriya i sovremennost'. M.: Zhizn' i my'sl', 2000. 64 s.
3. *Birich I.A., Muzafarova N.I., Panchenko O.G.* Filosofiya obrazovaniya i vospitaniya. Po straniczam Antologii gumannoj pedagogiki: Zapad, Rossiya, Vostok: ucheb. posobie: v 3 ch. M.: MGPU, 2005.

4. *Birich I.A., Panchenko O.G.* V poiskax novoj metodologii otechestvennogo obrazovaniya: istoriya, sovremennost', prognozy': monografiya. Moskva – Ekaterinburg: Uralizdat, 2010. 256 s.

5. *Blonskij.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2001. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

6. *Ventcel'.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 1999. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

7. *Zakirova A.F.* Pedagogicheskaya germenevtika: monografiya. M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2006. 328 s.

8. *Il'in.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2005. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

9. *Ushinskij.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 1998. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

10. *Chetverikova O.N.* Razrushenie budushhego. Kto i kak razrushaet suverennoe obrazovanie v Rossii. M., 2015. 128 s.

I.A. Birich

**On the Professionalism of Pedagogical Education,
or on the Knights of Humane Pedagogy**

The article reveals the genesis of pedagogical anthropology, the postulates of which are closely related to the social order to education in this or that era: from K.D. Ushinsky's folk school to Sh.A. Amonashvili's "school of life". "Humane Pedagogy" as the last bulwark of the modern educational process.

Keywords: pedagogical anthropology; man as an object of education; upbringing; pedagogical hermeneutics; humane pedagogy.

**А.В. Жукоцкая,
С.В. Чёрненькая**

Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство

В статье рассматриваются компетентностный и знаниевый подходы в образовании, утверждается их непротиворечивость, отмечаются слабые стороны компетентностного подхода в отрыве от знаниевого. Авторы утверждают необходимость сохранения универсальности знания как фундаментальной характеристики университетского образования.

Ключевые слова: компетенции; знания; образование; университет; модели образования; профессионализм.

Модернизация образования в России сегодня тесно связана с переходом от знаниевой модели к компетентностной. Компетентностный подход олицетворяет инновационный путь развития отечественного образования. Мы не ставим своей задачей опровергать этот общепринятый тезис. Лишь отметим, что в различных формах и различными темпами, но модернизация образования в любом обществе происходила всегда, хотя бы потому, что образование — это социальный институт, который призван, так или иначе, но отвечать запросам общества и государства. Другое дело, что эти изменения не всегда называли модернизацией. Многие в этом процессе зависят и от способности самой системы образования к изменениям. Конечно, надо принять во внимание, что колоссальное ускорение темпов развития общества, техники, технологий принципиально изменяет общество и все его институты. «В результате школа должна готовить своих учеников к жизни, о которой сама школа мало что знает. Дети, которые пришли в первый класс в 2004 г., будут продолжать свою трудовую деятельность примерно до 2060 года. Каким будет мир в середине XXI века, трудно себе представить не только школьным учителям, но и футурологам. Поэтому школа должна готовить своих учеников к переменам, развивая у них такие качества, как мобильность, динамизм, конструктивность» [1: с. 2], — трудно не согласиться с О.Е. Лебедевым, автором этих строк.

Сегодня образование тесно связывается с трудоустройством, и компетенции жёстко не связаны с конкретной профессией, они могут быть использованы в ряде профессий. Владение компетенциями, подобно способностям, может обеспечить успех во многих областях деятельности, но заметим, не гарантирует его. Мы не можем согласиться с другим тезисом того же исследователя: «исследования в области рынка труда привели к формуле, которую

можно определить таким образом: необходим переход от хорошего специалиста — к хорошему сотруднику» [1: с. 2]. Мы даже не считаем нужным обсуждать странное противопоставление «хорошего специалиста» и «хорошего сотрудника», полагая очевидным, что во все времена «хороший специалист» был и будет предпочтительнее «хорошего сотрудника». Само понятие «хороший сотрудник» имеет размытые, неустановленные границы, критерии «хорошего специалиста», на наш взгляд, всегда могут быть достаточно четко определены. Вот именно о том, как компетентностный и знаниевый подходы формируют будущего «хорошего специалиста», нам и хотелось поговорить.

Итак, действительно, с помощью компетентностного подхода можно решить ряд таких актуальных проблем в образовательном процессе, как: развить способность к самоопределению, готовность к самореализации, коммуникативные навыки, креативность, повысить ответственность будущих специалистов и качество их подготовки в системе профессионального образования. Компетентностный подход располагает такими возможностями. Многие исследователи в области компетентностного подхода и его горячие сторонники, например Д.А. Иванов, В.К. Загвоздкин, И.А. Зимняя, А.Г. Каспржак и др., утверждают, что компетентностный подход является способом достижения нового качества образования¹. Он определяет направление изменения образовательного процесса, приоритеты, содержательный ресурс развития. С этим тезисом тоже спорить не будем.

Сталкиваясь с различными исследованиями компетентностного подхода, мы встречались с вполне лояльной позицией по отношению к знаниевому подходу. «Следует подчеркнуть, что подход, основанный на компетенциях, ни в коей мере не принижает роль знаний. Наоборот, знания необходимы как для осуществления деятельности, так и для дальнейшего обучения, что является неотъемлемым фактом существования в обществе, основанном на знаниях, в котором нам предстоит жить» [2]. «Компетентностный подход характеризуется личностным и деятельным аспектами, т. е. он имеет и практическую, прагматическую, и гуманистическую направленность. Практическая направленность компетентностного подхода была задана материалами симпозиума Совета Европы, где подчеркивается, что для результатов образования важно знать не только ЧТО, но и КАК делать. В этом прагматическом смысле он не может быть противопоставлен знаниям, умениям и навыкам, так как он только специально подчеркивает роль опыта, умений практически реализовывать знания, решать задачи на этой основе. Но он и не тождественен ЗУНовскому подходу, так как фиксирует и устанавливает подчиненность знаний умениям, делая акцент на практической стороне вопроса» [2].

¹ *Иванов Д.* Компетентности и компетентностный подход в современном образовании. М.: Чистые пруды, 2007. 32 с.; *Загвоздкин В.К.* Теория и практика применения стандартов в образовании. М.: Народное Образование, 2010. 344 с.; *Зимняя И.А.* Компетентность и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // *Иностранные языки в школе.* 2012. № 6.

А вот здесь уже начинаются некоторые наши возражения. Мы хорошо понимаем, что необходимость перехода к новой модели обусловлена рядом факторов, в том числе и вхождением России в Болонский процесс, предъявляющий единые требования к участникам этой системы и требующий прозрачности для работодателя умений и навыков, полученных обучающимся. Кроме того, в нашем понимании компетенция — это синтез взаимосвязанных и взаимообусловленных знаний, умений и навыков, обеспечивающих выполнение одной конкретной, именно профессиональной, а не любой задачи. Мы подчеркиваем, именно знаний, умений и навыков. Да, сегодня меняются технологии, становится гибким производство, требуются активные, мобильные, творческие специалисты, способные быстро и адекватно реагировать на изменения. Именно этим вызвана необходимость обращения к компетентностному подходу, охватывающему наряду с конкретными знаниями и навыками такие категории, как способности, готовность к познанию, социальные и коммуникативные навыки и др.

Но та же практическая направленность компетентностной модели порождает проблему связи и взаимодействия так называемого предметного знания с практическими умениями и навыками. Если обратимся к истории образования, то отметим, что вопрос этот далеко не новый. Можно иметь предметное знание, не умея его применять, или иметь практические навыки без предметной, знаниевой, основы. В истории образования последний подход замечательно на практике продемонстрировали софисты. Будучи, безусловно, самым образованным слоем древнегреческого общества в V в. до н. э., они основное внимание уделяли не предмету обсуждения, а умению отстаивать определенную точку зрения. Если нет незыблемого основания, то можно доказать всё, что угодно. А основание составляет предметное знание плюс те принципы и ценности, которые связывают это знание в единое целое.

Одним из слабых звеньев компетентностной модели, на наш взгляд, является разрыв, возникающий между знанием и практическими навыками. Это парадоксально, так как вся компетентностная модель заточена на развитие практических навыков. С этой проблемой столкнулись многие преподаватели высшей школы. Например, логика, одна из практико-ориентированных учебных дисциплин, считается почему-то далекой от практики, читается в первом семестре первого курса. Но выработка логического мышления невозможна без активного действия, без приобретения самостоятельных навыков в решении задач, в том числе связанных с предметным, профильным знанием, которые студенты получают позже. Логика исследует два основных вопроса: истинность посылок и способы рассуждения, выведения из посылок следствий. Если второй вопрос целиком находится в компетенции логики, то для решения первого логика «нуждается» в базе — конкретных научных дисциплинах. Выработка навыков применения формально-логических операций к содержанию предметных знаний позволила бы студенту понять практическую важность соблюдения тех или иных логических процедур в оперировании с понятиями и т. д. Но предметное знание

студент будет получать на старших курсах, к тому времени уже позабыв о логике. Другими словами, студенты уже должны обладать каким-то предметным знанием, прежде чем изучать логику. Допустим, тема «Понятие и операции с понятиями» — одна из самых сложных в рамках учебного курса логики, так как для того, чтобы выделить понятие, определить его, нужно знать предмет, фиксируемый в понятии, его признаки: существенные, несущественные, существенные с данной точки зрения и т. д. У студента-первокурсника таких знаний пока еще нет.

Вспоминается опыт преподавания логики у математиков-третьекурсников, с удивлением обнаруживших на занятии, что они не могут с ходу дать определение науки математики. Получив это задание на дом и приведя на следующем занятии ряд определений, студенты остановились на определении А. Колмогорова, которое ранее они, к сожалению, не вспомнили: «Математика — наука о форме и числе». Но стоит отметить, что ссылки на ряд других математиков, конечно, были. Изучение данной темы на первом курсе протекает совсем иначе.

О. Лебедев, автор, с которым мы часто не соглашаемся, отметил, что «в одной из педагогических дискуссий по вопросам компетентного подхода было предложено следующее определение: компетентность — это способность действовать в ситуации неопределённости» [1: с. 10]. Может, по существу это и так, но для того, чтобы действовать в ситуации неопределённости надо как минимум: оценить и понять, что это есть ситуация неопределённости (а это не всегда просто); выстроить логику дальнейшего возможного развития этой ситуации; логику своих возможностей и вариантов своего поведения в случае различных сценариев развития событий; и наконец, принять решение о стратегии и тактике своего действия. Это в том случае, если субъект ответственен лишь за себя, а не несет ответственности за других. Если же он несет ответственность за других, то задача усложняется. Вы полагаете, все эти операции можно проделать без знания логики и навыков логического мышления?

В компетентной модели образование квалифицируется как способ приращивания человеческого капитала. У истоков теории человеческого капитала стояли известные экономисты так называемой чикагской школы (Т. Шульц, Г. Бэккер), выделившие само понятие «человеческий капитал» и рассматривавшие образование как инвестиционную отрасль, в дальнейшем призванную обеспечить конкурентоспособность обучающегося на рынке труда. В условиях экономики знания меняется сама трактовка качества образования. В отличие от термина «квалификация» (в знаниевой модели образования) «компетенции» (в компетентной модели) предполагают наличие как профессиональных знаний и умений, так и сформированность ряда качеств, необходимо сопутствующих профессиональному росту, таких как инициатива, сотрудничество, способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия, коммуникативные способности и т. д. Возникает, с одной стороны, вопрос о корреляции между

составляющими компетенцию профессиональным знанием и личностными характеристиками, с другой — о способах формирования и критериях оценивания личностных характеристик. Новый стандарт высшего образования предусматривает значительное сокращение часов на аудиторную работу в пользу самостоятельной работы студентов, соотношение аудиторного времени и самостоятельной работы студентов приблизительно 1 : 3. Как в этот временной минимум уложить не только предметное знание, но и формирование личностных качеств? Каковы критерии оценивания личностных качеств, и могут ли эти критерии быть объективными?

Поскольку знание рассматривается как товар, и ставится задача формирования экономики, основанной на знаниях, то оценка эффективности и качества образования осуществляется с позиций настоящего и будущего состояния социально-экономической системы. Не фундаментальные науки выступают основанием университетского образования, а дисциплины прикладного характера, отвечающие запросам сегодняшнего времени. Всегда в российской традиции высокое качество образования было связано с систематическим изучением прежде всего фундаментальных естественно-научных, математических, гуманитарных дисциплин. В современном образовании взаимосвязь науки и образования меняется: фундаментальность противопоставляется профессиональной (практической) направленности обучения. Это противопоставление не декларируется открыто, не констатируется документально, но оно очевидно. И в этом, на наш взгляд, кроется существенная концептуальная ошибка. О. Лебедев полагает, что: «знаний» подход ориентирован на накопление строительных материалов. В результате мы получаем склад таких материалов и кладовщиков, способных отпустить нужные материалы по требованию. Компетентностный подход ориентирован на строительство дома, на развитие умения эффективно использовать строительные материалы. В результате мы получаем строителей, способных построить дом. Конечно, это сравнение некорректно, но существенные различия в постановке целей образования оно отражает» [1: с. 10].

На наш взгляд, и сравнение некорректно, как сам автор отмечает, и существенных различий в подходах здесь не раскрывается просто потому, что если говорить о действительно существенных различиях, то их нет. Есть просто различия. Прикладное знание, равно как и прикладное образование, конечно, необходимо, но оно быстро устаревает, особенно в современном обществе. Фундаментальное знание как отражение основ фундаментальной науки всегда было и останется тем основанием, на котором всегда можно возвести любое новое здание прикладного знания. И самое разумное — не идти по пути противопоставления этих подходов, а искать все возможные способы их продуктивного синтеза. С одной стороны, безусловно, уровень образованности, особенно в современных условиях, не определяется только объёмом и энциклопедичностью знаний. Образованный человек должен уметь решать проблемы различной сложности, но решает-то он их основываясь на имеющихся знаниях и умениях.

Введение в образовательную систему релятивистских установок на постоянную смену знания и компетенций, на наш взгляд, также один из уязвимых моментов компетентности модели образования. Эти релятивистские установки во многом рождаются от включения современного образования в бизнес-контекст, что ведет к массовому распространению прагматического отношения к знанию. Проявляется это в пренебрежительном отношении студентов к знанию, в данный момент кажущемуся им ненужным. Таким «ненужным» знанием часто выступают, например, социальные и гуманитарные дисциплины для студентов, обучающихся по другим профилям, или курсы естественнонаучного цикла для студентов-гуманитариев. Но уже на высшей ступени образования, в аспирантуре, вчерашние студенты сталкиваются с последствиями такого отношения. Читаемый аспирантам курс по истории и философии науки и следующий за ним обязательный экзамен требуют хотя бы минимальных, но фундаментальных естественнонаучных базовых знаний, усвоенных из школьного, а затем и университетского курсов, но такими знаниями они (аспиранты не профильных специальностей), к сожалению, не обладают [3: с. 49].

Наш постоянный оппонент пишет: «Уровень образованности человека тем выше, чем шире сфера деятельности и выше степень неопределённости ситуаций, в которых он способен действовать самостоятельно, чем более широким спектром возможных способов деятельности он владеет, чем основательнее выбор одного из таких способов. С этой точки зрения способность ученика воспроизвести в учебной ситуации большой объём сложного по своему содержанию материала нельзя рассматривать как признак высокого уровня его образованности» [1: с. 6]. На наш взгляд, О. Лебедев пытается сопоставить и сравнить категории разного порядка: «большой объём сложного по своему содержанию материала» — это информационная характеристика, а не знания. Разумеется, количеством информации нельзя измерять уровень образованности, но основательно выбрать один из способов деятельности в ситуации неопределённости он сможет не только в случае овладения компетенциями, но и в том случае, если будет обладать достаточными знаниями в той сфере, в которой ему необходимо принять решение.

Заметим, что в образовании естествознание, математические науки в не меньшей степени, чем гуманитарные, выполняют воспитательную роль. В английских частных школах XVIII–XIX веков, воспитывавших джентльменов, учили школьников по дословным переводам «Начал» Евклида не для того, чтобы они потом хорошо вычисляли площади и объёмы, а для того, чтобы школьники на примере геометрии учились логике рассуждения, для того, чтобы они потом могли красноречиво и логично выступать в суде или в парламенте. Евклид специально и демонстративно не уделял никакого внимания возможности практического применения доказанных лемм и теорем. Его цель — развить в читателях логику и (частично) эстетические чувства. Трактат Евклида был предназначен для тренировки ума в логических построениях и для воспитания чувства прекрасного от созерцания идеальных

геометрических форм. Поэтому старательное «вымывание» чиновниками и менеджерами от образования из содержания образования фундаментальных основ наук ведет к формированию функционера, «хорошего сотрудника», но востребованного лишь в данный момент на рынке труда. Будет ли такой работник профессионалом? И нужен ли будет завтра работник, напичканный компетенциями? Конечно, главнейшая компетенция — это умение самому добывать знания.

Вот мы опять и вернулись к тому, с чего начали, — к знаниям. Все-таки сама идея университета связана, прежде всего, с формированием интеллектуальной элиты общества. Через академическую структуру — университет — происходит как бы «собрание» знания в единое целое, универсализация знания. Обучение в университете — это не эклектизм и не энциклопедизм, а постоянное углубление профессиональных специальных знаний и навыков. Именно такой путь мы и понимаем как «метод высшего образования». Университетское образование — это не продуцирование сугубо утилитарного знания и навыков в рамках той или иной узкой специальности, а способность интегрировать это узкое знание в более широкий контекст. Эта задача, скорее даже миссия университета, вполне совместима с компетентностным подходом, но никак при этом не противоречит и не отрицает знаниевого подхода.

В этом контексте совершенно непонятны все манипуляции последних лет по элиминированию, либо сокращению дисциплин гуманитарного, логико-философского профиля из программ бакалавриата и магистратуры. Тогда не очень понятно, на какой методологической, мировоззренческой, концептуальной базе будет происходить у студентов интеграция полученных знаний в систему, собственно из чего вырастет тот, кто должен называться «современный образованный человек»? Вряд ли он может получиться из ансамбля одних, пусть даже самых замечательных компетенций. Развитие, формирование компетенций — это дополнение к традиционным целям образования, пусть важное, востребованное временем, современное, но — дополнение.

Цель и логика образования всегда была и останется одна и та же: обучение (и здесь без знаний не обойтись), развитие обучающегося и воспитание (и здесь необходимо формирование компетенций). Поэтому, на наш взгляд, может быть, исследователям и практикам от условной дихотомии «знания» — «компетенции» переключиться на поиски эффективной методики формирования ключевых компетенций и главное — адекватных средств реализации компетентностного подхода? Компетентностный подход только набирает силу и нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 1–18.
2. Осипова Г.В. Компетентностный подход в образовании. URL: <http://www.informio.ru/publications/id1961/Kompetentnostnyi-podhod-v-obrazovanii> (дата обращения: 11.03.2017).

3. Чёренькая С.В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в ВУЗе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии: тезисы докладов. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2015. С. 48–51.

Literatura

1. Lebedev O.E. Kompetentnostny'j podxod v obrazovanii // Shkol'ny'e texnologii. 2004. № 5. S. 1–18.

2. Osipova G.V. Kompetentnostny'j podxod v obrazovanii. URL: <http://www.informio.ru/publications/id1961/Kompetentnostnyi-podhod-v-obrazovanii> (data obrashheniya: 11.03.2017).

3. Chernen'kaya S.V. Nekotory'e voprosy' prepodavaniya kursa po filosofii nauki v VUZe // III Vserossijskaya konferenciya po naukovedeniyu i naukometrii: tezisy' dokladov. M.: ООО NICz «Inzhener», 2015. S. 48–51.

*A.V. Zhukotskaya,
S.V. Chernenkaya*

Competence and Knowledge Approaches in Education: Fight or Unity

The article deals with the competence and knowledge approaches in education, their consistency is asserted. The authors note the weaknesses of the competence approach in isolation from the knowledge one. The authors affirm the need to preserve the universality of knowledge as a fundamental characteristic of university education.

Keywords: competence; knowledge; education; university; models of education; professionalism.

В.М. Кондратьев

Рынок образовательных услуг как внешний по отношению к образованию человека мир

В статье предпринята попытка философского осмысления противоречий развития высшего образования в рыночных условиях.

Ключевые слова: образование; университет; реформа; рынок; человек.

Исследованию влияния рынка на образование посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных учёных. Ещё в начале XX века американский социолог Торстейн Веблен (1857–1929) в работе «Высшее образование в Америке. Меморандум о том, как бизнесмены управляют университетами» следующим образом характеризовал ситуацию в сфере образования: «В основе современной академической политики лежит соперничество различных университетов на рынке образовательных услуг, мало чем отличающееся от конкуренции между торговыми фирмами на потребительском рынке» [2: с. 23]. В 1986 году увидела свет книга американского педагога и исследователя Бертона Кларка «Система высшего образования: академическая организация вкросс-национальной перспективе». В ней автор исследует устройство высшего образования и способы управления им в различных странах [3]. Эта же задача решается Б. Кларком в работе 2004 года «Поддержание изменений в университетах. Преимущество кейс-стади и концепций». В 2003 году в Америке была издана книга «Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования» Дерекы Бока, президента Гарвардского университета с 1971 по 1991 год. К положениям этой книги мы ещё обратимся.

Исследованию роли гуманитарного знания в жизни современного общества посвящены работы американского философа Марты Нуссбаум «Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки» (2010 г.), английского историка Стефана Коллини «Зачем нужны университеты?» (2012 г.), американского педагога Гэри Томаса «Образование. Очень краткое введение» (2013 г.). Изданию указанных книг в нашей стране мы обязаны инициативе Высшей школы экономики, за что мы им благодарны.

Среди отечественных исследователей современных процессов управления университетами в России мы выделяем публикации доктора экономических наук, профессора Е.В. Балацкого. Именно его статья «Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе» (2015 г.) стала предметом нашего обсуждения за круглым столом. По мнению исследователя, «генеральный

парадокс реформы высшего образования в постсоветское время... полностью подпадает под хиршмановское понятие “извращение” реформ» [1: с. 125]. Это извращение выразилось, в частности, в том, что «создать полноценный рыночный сегмент частных вузов, способных конкурировать с государственными университетами, за 25 лет так и не удалось» [1: с. 125]. Согласимся с констатацией отсутствия в нашей стране полноценного рыночного сегмента частных вузов. Но если бы он был создан, как в зарубежных странах, изменилась бы логика реформ? Полагаю, что нет, поскольку не отсутствие сегмента частных вузов служит причиной неудачи реформ.

«Извращение» — понятие, характеризующее сам процесс, но нас интересует и результат. Если воспользоваться термином В. Парето, речь идёт о *нелогических действиях* реформаторов отечественного образования, т. е. используемые для осуществления реформ средства не ведут к достижению цели. Более того, они негативно влияют на образовательный процесс и в конечном счёте на качество образования. Акцент в осуществлении реформ сделан на формализацию образовательного процесса, без которой, конечно, невозможно управление образованием. Но реформаторы явно переборщили: недооценили значение содержания образовательного процесса, которое обеспечивается личностью преподавателя, его педагогическим мастерством, что не является секретом ни для кого в мире, за исключением российских реформаторов. Аргументация критики формализации учебного процесса в вузах в виде введения образовательных стандартов, приводимая Е.В. Балацким, весьма убедительна. «Во-первых, никакие чиновники и даже никакое экспертное сообщество не могут правильно определить структуру состава специальных дисциплин. Это должны делать сами лекторы, которые следят за развитием своей специальности. Во-вторых, все читаемые дисциплины должны постоянно модифицироваться, обновляться и корректироваться. Фиксация их содержания заведомо контрпродуктивна. В-третьих, состав и содержание читаемых дисциплин является фактором конкуренции между вузами, следовательно, стандартизация здесь неуместна. В-четвертых, существуют международные образцы — курсы, читаемые в ведущих университетах мира, которые и выступают в качестве прогрессивных ориентиров для остальных вузов; этого вполне достаточно» [1: с. 128]. Образовательные стандарты как ориентиры разработки учебных курсов, конечно, нужны; но реализация их в учебном процессе определяется и количеством отводимых на курс часов. Таким образом, речь должна идти о совершенствовании учебных планов подготовки студентов по различным специальностям.

О приспособлении вузов к формализации отчётов по научной деятельности хорошо известно каждому преподавателю по личному опыту. Нам нет необходимости в данном случае цитировать авторитетного исследователя. Скажем лишь, что адаптация преподавателей вузов к реформам образования воспринимается нами как основная идея статьи Е.В. Балацкого. Правда, остаётся без ответа вопрос о смысле вечного приспособления. Невольно всплывают в памяти

известные с детства некрасовские строки: «Да не робей за отчизну любезную... / Вынес достаточно русский народ, / Вынес и эту дорогу железную — / Вынесет всё, что господь ни пошлет!»

В начале своей статьи Е.В. Балацкий отмечает, что «нами не ставится под сомнение необходимость подавляющего большинства реформ высшей школы и преследуемые ими цели. В исследовании мы делаем акцент именно на ошибках в части конкретных методов реализации поставленных реформаторских задач. В этом контексте мы считаем нужным отделить замыслы реформ от их реализации» [1: с. 126].

Нас же, преподавателей вузов, интересует и направление, и способы осуществления реформ. Мы стремимся понять логику действий реформаторов. Почему наши реформаторы не учитывают зарубежный опыт организации образования? Достигнутый зарубежными теоретиками и практиками уровень понимания образования, закономерностей его организации? Понимания, прежде всего, роли преподавателя в учебном процессе.

Предпошлём демонстрации уровня понимания образования зарубежными учёными некоторые пояснения. Напомним, что образование есть процесс обретения человеком осознанной самостоятельности в освоении пространства его жизни, его внутреннего и внешнего миров. Внешний мир — это экономическая, политическая, культурная, управленческая, образовательная системы. А внутренний мир человека — это система его мыслей и чувств, его души и ума, нравственных, интеллектуальных, рациональных и иррациональных ценностей. Достижение гармонии во взаимодействии внешнего и внутреннего миров — ключевая задача образования. Зарубежное образование со времён Сократа ориентировано на решение этой задачи. Знают ли о ней наши реформаторы, судить не берусь.

Все согласны с тем, что в наше время (начало XXI в.) роль экономической системы возрастает. Но одна система может господствовать лишь над другой системой, не над человеком. Именно поэтому существуют вечные ценности жизни. И, позволим себе заметить, в истории человечества постоянно возрастает степень самостоятельности работника. Раб, крепостной, наёмный и свободный работник различаются именно степенью самостоятельности. Задача образования — способствовать этому процессу, повышению уровня осознанной самостоятельности ребёнка, школьника, студента, аспиранта, молодого учёного и т. д. В решении этой задачи западное образование значительно превосходит российское. Прислушаемся теперь к высказываниям зарубежных теоретиков и практиков образования.

Вот пример высказываний Дерек Бока — президента Гарвардского университета с 1971 по 1991 год. «Профессора — источник жизненной силы этих учебных заведений. От талантов преподавателей зависит способность университета привлекать лучших студентов, получать исследовательские гранты, поддерживать и укреплять свою репутацию. <...> Гораздо легче найти замену ректору университета, чем первоклассному учёному» [2: с. 116]. Приведём небольшое пояснение об организации Гарвардского университета.

«Гарвард — независимая корпорация, сложно устроенная с точки зрения сочетания управления и академической самостоятельности. Выдающиеся учёные, занимающие профессорские позиции, имеют контракты пожизненного найма (tenure) и не могут быть уволены, за исключением каких-то экстраординарных обстоятельств. Основной состав преподавателей, таким образом, совершенно независим от администраторов, которые должны руководить факультетами и всем университетом. Но, с другой стороны, эти профессора не выбирают ни деканов, ни президента университета, который формально даже им не подотчётен, — президент назначается независимой группой попечителей, своего рода Управляющим советом Гарвардского университета» [2: с. 7].

Любой университет должен ясно отдавать себе отчёт в том, на какие ценности нужно ориентироваться для всестороннего и качественного решения стоящих перед ним задач.

«Поначалу некоторые попечители, ориентировавшиеся исключительно на интересы бизнеса, действительно пытались навязать свои представления университетам... Однако преподавательский корпус вскоре единодушно выступил против подобных посягательств. Членам попечительских советов пришлось изменить свой образ действий и отказаться от вмешательства в академические дела...» [2: с. 29].

Таким образом, пытаясь совершенствовать свою деятельность, исследовательские университеты не могут во всём полагаться на рыночные методы, но и не должны их с ходу отвергать. Именно в этом заключается сложность проблемы коммерциализации, считает Д. Бок. Перечень предметов и содержание учебных программ, продолжает он, должны определяться самими профессорами университета. Разумеется, они должны учитывать законные интересы студентов и потребности общества, не преследуя посторонних целей.

«Коммерциализация ставит этот принцип под угрозу, поскольку желание заработать деньги коренным образом меняет ценностные ориентиры... <...> Со времён Платона и Аристотеля целью педагога было воспитание добродетели и формирование характера питомцев. Университеты годами пренебрегали этой целью, но теперь повсеместно столкнулись с необходимостью готовить студентов к решению моральных проблем, с которыми они могут встретиться в своей личной и профессиональной жизни. Занятия по практической этике ныне входят в учебные программы всех колледжей и профессиональных школ» [2: с. 129–130].

Из приведённых цитат хорошо видно, что профессиональная самостоятельность профессоров лежит в основе организации университета. Значительна роль академического сообщества в жизни университета. Так, в 2006 году после череды тяжёлых конфликтов с преподавателями университета выдающийся экономист Лорен Саммерс вынужден был оставить пост президента Гарварда. Уважительное отношение к ценностям (внутреннему миру человека) явно выражено в следующем высказывании Дерека Бока: «Почти для всех академических учёных уважение коллег и радость открытий по-прежнему дороже всего остального» [2: с. 83–84].

В оценке влияния рынка (внешнего мира) на университетскую жизнь Д. Бок мыслит диалектично. Похоже, что минусы коммерциализации в целом намного существеннее, чем плюсы. Однако в каких-то отдельных случаях это соотношение может быть иным. Почему бы российским реформаторам не ориентироваться на принципы организации Гарвардского университета? Может быть потому, что у нас, как писали классики, «человек дешёв».

Конечно, далеко не идеально обстоят дела с образованием и в США, и в других странах. Американский философ Марта Нуссбаум признаёт наличие всемирного кризиса в образовании. «Практически во всех странах мира в начальной и средней школе, в колледжах и университетах сокращается объём изучаемых гуманитарных наук и искусств. Политики считают эту область знаний бессмысленным и ненужным излишеством; в эпоху, когда ради сохранения конкурентоспособности на мировом рынке государства обязаны избавляться от всего ненужного. Эти знания быстро теряют свои позиции в учебных программах, а заодно в умах и сердцах родителей и детей» [3: с. 16].

Похоже, мы вновь наблюдаем описание конфликта системы и личности, столкновение внешнего и внутреннего миров человека. Основание для разрешения этого конфликта М. Нуссбаум видит в формировании способностей к критическому мышлению и рассуждениям. «Одна из причин, по которым в университетскую программу обязательно включены философия и другие гуманитарные науки, заключается в том, что содержание и методика преподавания таких курсов должны научить студентов самостоятельно думать и аргументированно спорить, а не полагаться на общепринятое или авторитетное мнение» [3: с. 69–70]. С М. Нуссбаум солидарны многие зарубежные и отечественные исследователи. Однако условия реализации её предложений, как и взглядов Д. Бока, в каждой стране различны. Какова же специфика этих условий в России? Условий, которые побуждают действовать отечественных реформаторов, похоже, вопреки здравому смыслу.

Одна из причин данного процесса, полагаю, заключается в различном понимании целей бакалавриата в России и за рубежом. В Америке, как и в Европе, бакалавриат считается предпрофессиональной подготовкой, у нас фактически — профессиональной. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (статья 10) допускает трактовку бакалавриата и как профессиональную, и как непрофессиональную. Соответственно поставленной цели разрабатывается учебный план. Основной объём учебных часов планируется на специальные предметы, остальные предметы считаются вспомогательными, относящимися ко внешнему миру историка или филолога. К их числу относятся социальные и философские науки. В результате бакалавры филологи и историки не изучают логику, этику, эстетику, не говоря уже о политологии. На курс философии выделяется 36 аудиторных часов. Так формирует ценности современный учебный план. Такой подход фактически лишает выпускников возможности успешного обучения в магистратуре и аспирантуре по причине методологической неграмотности. Да и профессиональное становление

педагога вряд ли возможно без знакомства с этикой и эстетикой. Таким образом, во-первых, должен быть скорректирован учебный план. Во-вторых, пока план не скорректирован, можно скорректировать учебные программы изучения профессиональных и других гуманитарных дисциплин, исходя из понимания того, что исторический подход реализуется в профессиональных, социальных и в философских дисциплинах.

С этой целью в ИГНиУ нами организуется межкафедральный методологический семинар. Успех в его работе будет зависеть от степени взаимопонимания преподавателей разных дисциплин. Хочется верить, что междисциплинарное взаимодействие окажется всем полезным, будет способствовать достижению гармонии во взаимодействии внутреннего и внешнего мира настоящих и будущих педагогов.

Литература

1. Балацкий Е.В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 124–149.
2. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики, 2012. 224 с. (Теория и практика образования).
3. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. М. Бендет; под. науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 192 с.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Проспект, 2013. 160 с.

Literatura

1. Balaczkiy E.V. Upravlencheskie paradoksy' reform v universitetskom sektore // Zhurnal Novoj e'konomicheskoy associacii. 2015. № 2 (26). S. 124–149.
2. Bok D. Universitety' v usloviyax ry'nka. Kommercializaciya vysshego obrazovaniya / per. s angl. S. Karpa; Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki, 2012. 224 s. (Teoriya i praktika obrazovaniya).
3. Nussbaum M. Ne radi priby'li: zachem demokratii nuzhny' gumanitarny'e nauki / per. s angl. M. Bendet; pod. nach. red. A. Smirnova; Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki». M.: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 2014. 192 s.
4. Federal'ny'j zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». M.: Prospekt, 2013. 160 s.

V.M. Kondratyev

The Market of Educational Services as a World External to Education of a Person

In the article the author makes an attempt of philosophical comprehension of contradictions in the development of higher education in market conditions.

Keywords: education; university; reform; market; person.

**К.К. Бегалинова,
М.С. Ашилова,
А.С. Бегалинов**

Медиавоспитательное пространство как взаимодействие традиционных и медийных сторон воспитательного процесса

В статье рассматривается сущность и содержание медиавоспитания, процесс взаимодействия традиционных и медийных сторон в медиавоспитании, исследуется соотношение традиционного и инновационного воспитания, традиционных и медийных «линий» воспитательного воздействия, показываются пути его оптимизации с целью повышения эффективности и качества воспитания молодежи как в системе образования, так и вне ее. Отмечаются позитивные и негативные аспекты использования медиатехнологии в воспитательном процессе.

Ключевые слова: субъект воспитания; личность; медиавоспитательное пространство (МВП); медиаобразование; информатизация; традиция.

Важнейшим компонентом в развитии любого общества выступает воспитание, которое носит конкретно-исторический характер. Под воспитанием в широком смысле можно понимать всю сумму воздействий, весь процесс формирования личности и подготовки его к активному участию в общественно-политической, культурной и производственной жизни. В узком смысле воспитание есть не что иное, как целенаправленная деятельность, призванная утверждать идеалы, принципы и ценности общества.

Путём воспитания осуществляется процесс передачи отдельными людьми и целыми поколениями своих чувств, убеждений, знаний, своих способов и стилей мышления, своего социально-психологического опыта и индивидуальной жизненной позиции. Глубокие идеи в этом отношении высказывает французский психолог Анри Пьерон (1881–1964). Им красноречиво описана проблемная ситуация: что может произойти в жизни общества, если прервётся преемственность в передаче знаний, опыта, традиции. Он пишет, что если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой погибло бы всё взрослое население и остались в живых только маленькие дети, то хотя человеческий род и не прекратил бы своего существования, культурная история человечества оказалась бы отброшенной к своим истокам, ибо некому было бы привести в движение культуру, приобщить к ней новые поколения людей. Всё пришлось бы начинать сначала, так как вместе со взрослым

населением были бы навсегда утрачены секреты воспроизводства культуры, выработанные в течение всей истории человечества. Не случайно, в фольклоре разных народов бытует поговорка: «Когда умирает старый человек, стораает целая библиотека». Действительно, воспитательный процесс усиливает экзистенциальное содержание в формировании человека как личности. «Воспитывает всё — люди, вещи, явления, но, прежде всего и дольше всего люди», — говорил А.С. Макаренко [1: с. 151]. Безусловно, под влиянием семьи, школы, ближайшего окружения, обстоятельств жизни и т. д. воспитывается личность обучаемого. И основой воспитания является преемственность в передаче социального опыта от учителя к ученику, от отца к сыну, от старшего к младшему, благодаря которому приобретаются взгляды, убеждения, привычки, навыки, знания.

В наш интернет-компьютерный, информационный век меняется характер, содержание воспитания, формируется медиавоспитательное пространство. Под медиавоспитательным пространством (МВП) понимается медиапространство, органически «вписанное» в воспитательное пространство. Медиавоспитательное пространство структурно и содержательно иерархизировано не только по объему (учебного заведения, региона, страны и др.), но и по содержанию, наличию разновидностям воспитательных подпространств. В зависимости от цели, степени развития и интересов субъектов воспитания медиавоспитательное пространство реально может функционировать в трех основных разновидностях:

- с превалированием традиционных форм воспитания и использованием медиа лишь как средства коммуникации;
- с превалированием или полным господством медиавоспитательных средств и методов воздействия;
- как гармонично выстроенное медиавоспитательное пространство с оптимальным соотношением традиционных и медиальных средств и методов воспитательных воздействий.

Информатизация воспитательного пространства, построение МВП изменили не только сущностные характеристики воспитания, но и роль воспитательной функции образования в формировании личности, характер взаимоотношений субъектов воспитания, усложнили многоуровневые как внутренние, так и внешние связи воспитательного пространства, его роль и функции в воспитании личности. Качество уже созданного МВП и эффективность его функционирования определяются имманентно присущими ему *свойствами, характерными чертами*, среди которых следует выделить самые, на наш взгляд, существенные:

- наличие и единство гуманистической цели и прогрессивной педагогической концепции как теоретико-методологической основы функционирования МВП;
- уровень медиаобразованности, подготовленности индивидуальных и коллективных субъектов воспитания, объединенных единством воспитательных интересов и цели, возможности включения всех потенциальных участников воспитательного процесса в освоение и развитие МВП;

- целостность и стабильность, многомерность и полифункциональность, наличие многосторонней системы отношений между элементами структуры как основа гибкости и управляемости пространства;
- открытость, возможность постоянного расширения во внешнюю социальную, природную и предметную среду, наличие воспитательных возможностей, превосходящих запросы субъектов в данный момент времени, что обеспечивает высокую значимость и привлекательность для субъектов, возможность выбора и саморазвития;
- мозаичность, подвижность, динамичная событийность и согласованные темпы эволюции элементов структуры (включая субъектов) как условие их единства, целостности и возможности саморазвития;
- достаточное количество средств и каналов приема-передачи информации, открытость, высокая насыщенность информационного поля, его безграничность, интерактивность и динамичность, многообразие потребляемой информации с возможностью индивидуального выбора, богатство и прогрессивность системы ценностей, их соответствие ценностям общества, широко развитая база данных воспитательного материала, контента с наличием и разнообразием привлекательных для субъектов воспитания образов, несущих значительную эвристическую воспитательную нагрузку;
- возможность широкого использования медиатехнологий для получения, аккумуляции и передачи информации воспитательного характера (идеалы, ценности, позитивные примеры и стереотипы поведения и др.) из центральных и местных источников, опосредованность и интерактивность получаемой информации с возможностью расширенного воспроизводства и распространения профильтрованных и усвоенных образов, норм, ценностей;
- достаточная степень интеграции медиасредств и традиционного воспитательного пространства, всех воспитательно-образовательных ресурсов с возможностью как непосредственных воспитательных воздействий воспитателя, так и через медиасредства;
- возможность асинхронного использования во времени и пространстве различных источников медиавоспитательного воздействия (кино, телевидение, интернет и др.);
- наличие «своих» (школьных, вузовских и др.) специальных воспитательных сайтов с функциями просвещающего, ценностного, убеждающего содержания;
- гибкость медиавоспитательного пространства, обеспечение свободы выбора места потребления мировоззренческо-воспитательной информации воспитуемым, возможность использования различного содержания воспитывающей информации с учетом интересов, возрастных, гендерных, ментальных и других особенностей субъектов воспитания;
- возможность свободного перемещения воспитательных субъектов в пространстве без прерывания воспитательного процесса;
- субъект-субъектная (горизонтальная) направленность коммуникации с наличием синхронной обратной связи.

Как видим, здесь присутствуют три группы свойств МВП: свойства, относящиеся к традиционной стороне воспитания; свойства, которые характеризуют медийную сторону МВП; свойства, определяемые соотношением, взаимовлиянием той и другой стороны МВП.

Рефлексия этих сторон функционирования медиавоспитательного пространства поможет разрешить одно из противоречий между социальными требованиями, структурными элементами традиционного воспитательно-образовательного пространства и новыми возможностями развития воспитания — образования с использованием медиа-ресурсов. Предварительно согласимся с мнением Т.Н. Каменевой, что практическое решение этого противоречия «возможно только при условии создания и постоянного расширения общего электронного образовательного пространства» [2: с. 610].

Соотношение традиционных и медийных сторон (и компонентов) МВП практически не отрефлектировано философией образования, поэтому в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что они соотносятся как общее и особенное. Цели, средства, формы и методы традиционного воспитания являются основными как по объему, та и по значению в диалектике взаимодействия с медийной стороной воспитания. Медийные компоненты выполняют роль поставщика воспитательного контента и «усилителя» традиционных воспитательных средств. Отсутствие тесного взаимодействия между традиционными и медиакомпонентами нарушает целостность медиавоспитательного пространства, резко снижает эффективность процесса воспитания. С другой стороны, чрезмерное увлечение мультимедийными технологиями воспитания может привести к формированию опосредующих воспитательный процесс микрогрупп по субкультурным интересам (киноманы, меломаны, геймеры и пр.), дезинтегрирующих медиавоспитательное пространство с риском девальвации абсолютных социальных ценностей и возникновения иммунитета личности к традиционным воспитательным воздействиям. Дело в том, что мировоззрение, генеральная линия и парциальные акты поведения человека, его отношения к действительности — функция не биологического, но социокультурного «Я», принятых в обществе норм и ценностей, всех отношений с окружающим миром. Однако культуuroобразующей доминантой поведения человека в условиях переизбытка медиа в МВП становятся медиасредства, создающие и внедряющие «свои», переработанные и растиражированные образы действительности и образцы социальных норм и типов поведения.

Рассмотренные нами свойства МВП позволяют утверждать, что успешное его функционирование, достижение заявленных здесь рубежей качества и эффективности воспитания может быть обеспечено выполнением трех основополагающих требований. Во-первых, наполнение традиционного подпространства (стороны) МВП, использование достижений национальной и мировой теории и практики воспитания — образования. Во-вторых, наполнение медийного подпространства современными медиасредствами и технологиями, использование возможностей информатизации.

В-третьих, обеспечение эффективного руководства МВП медиаподготовленными субъектами по взаимодействию его подпространств. Здесь важно оптимизировать деятельность субъектов по реализации единства традиционных и медийных воспитательных средств и методов, обеспечению приема — передачи воспитательного контента, регулированию коммуникативных каналов, использованию целевой и содержательной стороны задействованной информации, соблюдению соответствия ее норм и ценностей заявленным целям и общественным потребностям. Функционирование медиавоспитательного пространства организуется так, чтобы через расширение способов передачи личного социально-нравственного опыта воспитателя, разумную интеграцию традиционного и электронного содержания создаваемого пространства нейтрализовать последствия возможной «роботизация сознания» под влиянием массмедиа, не допустить потери самоидентификации под воздействием глобализации и информатизации.

Традиционная система воспитания имеет длительную и богатую историю функционирования и не собирается сдавать своих позиций под натиском информационных воздействий, медийных средств и методов, использует их положительные свойства для достижения «своих», оправдавших себя, воспитательных целей. Положительный пример в этом отношении подает Республика Казахстан, вся история развития образовательно-воспитательной системы которой свидетельствует о сохранении гуманистического начала в педагогике, несмотря на деструктивное влияние современного бытия. И это начало, в частности этнопедагогика Ибрая Алтынсарина¹, мы должны сохранить и развивать ее в новых условиях, наполняя ее позитивным содержанием.

Литература

1. Макаренко А.С. Флаги на башнях // Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 809 с.
2. Каменева Т.Н. Педагогические технологии в электронном образовательном пространстве: традиции и инновации // Образовательные технологии и общество. М., 2013. № 1. С. 609–626.

Literatura

1. Makarenko A.S. Flagi na bashnyax // Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. Т. 6. М.: Pedagogika, 1984. 809 s.
2. Kameneva T.N. Pedagogicheskie texnologii v e'lektronnom obrazovatel'nom prostranstve: tradicii i innovacii // Obrazovatel'ny'e texnologii i obshhestvo. М., 2013. № 1. S. 609–626.

¹ Ибрай Алтынсарин (1841 г. Костанай, Российская империя — 1889 г. Костанай, Российская империя) — казахский педагог-просветитель, писатель, фольклорист, общественный деятель, учёный-этнограф. Автор казахских учебников: «Казахская хрестоматия» и «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку», автор басен и рассказов, а также переводов Л.Н. Толстого, И.А. Крылова. Родоначалник светского образования для казахских детей.

K.K. Begalinova,
M.S. Ashilova,
A.S. Begalinov

**Media-Educational Space as Interaction
between Traditional and Media Sides of the Educational Process**

The article examines the essence and content of media education, the process of interaction between traditional and media aspects in media education. The authors examine the relationship between traditional and innovative education, traditional and media «lines» of educational influence, show the ways of its optimization with the goal of increasing the effectiveness and quality of education of young people, both in the system of education and outside of it. Positive and negative aspects of the use of media technology in the educational process are noted.

Keywords: subject of upbringing; personality; media educational space (MES); media education; informatization; tradition.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Ю.В. Ярмак

**Интеллектуальный контекст
Российской революции 1917 года¹**

По мнению ряда исследователей российской драмы февраля-октября 1917 года и последующей Гражданской войны, ее события являются неразрывно связанными между собой частями Великой российской революции. Наряду с Великой французской революцией конца XVIII века она стала одной из крупнейших вех мировой истории. Исследование интеллектуального наполнения Российской революции помогает в объяснении характера многих ее событий и оценках предопределенности или случайности их в политическом контексте.

Ключевые слова: революция; политический интеллект; лидеры, вожди группы, организации, партии; политическое просвещение; политический интеллектуализм; политический процесс.

Из числа фундаментальных причин, породивших революционную ситуацию и тогдашние события в нашей стране, условно можно выделить четыре, каждая из которых предполагает самостоятельный анализ, выходящий за рамки формальной аналитики текста: сложное социально-экономическое положение в обществе; высокая острота борьбы за политическую власть при кардинальном ослаблении режима монархии; активное привнесение в российское общество революционных идей, ведущих к пересмотру его традиционных ценностей и классовым потрясениям; втягивание России в геополитические и военно-экономические столкновения между европейскими державами. Во всех случаях постоянным и существенным вопросом, играющим роль катализатора революционных процессов, являлся вопрос об интеллектуальных ресурсах, величине и качестве интеллектуальных сил участников данных процессов.

Ныне это предполагает возможность проводить неформальную аналитику происшедших событий, каждое из которых может быть проинтерпретировано в широком смысле слова как исторический «текст», предоставляющий исследователю соответствующие материалы.

Отметим, что политический интеллект (ПИ) влиял на ход событий на всех стадиях зарождения и развития Российской революции — от времен размышлений, теоретических обоснований и приготовлений её со стороны

¹ Исследование ведется при поддержке РФФИ, проект «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход», № 17-03-00772.

А.И. Герцена, М.В. Петрашевского, Н.Г. Чернышевского до установления нового порядка по всей территории страны. Но особенно радикально место и роль ПИ как комплекса теоретической и организационно-пропагандистской деятельности проявлялись:

- а) при зарождении социально-политического противостояния между акторами политических процессов в российском обществе начала XX века;
- б) в ходе развития и достижения политической кульминации на стадии смены политических институтов власти в государстве;
- в) в процессе реализации идей и собственно целей, которые были выдвинуты противоборствующими сторонами в ходе революции.

Термин «политический интеллект» (ПИ) используется нечасто и исследуется недостаточно. Его связывают в основном с описанием политического портрета той или иной личности, указанием психологических свойств политических субъектов. Между тем ПИ как определенное понятие, явление и структурное образование гораздо более сложен. Он проявляет себя неоднозначно в разных обстоятельствах, имеет порой совершенно неожиданные результаты, включая итоги своей оценки.

Особенно трудно оценить ПИ в процессе развития серьезных социально-политических конфликтов и рубежных исторических событий. Например, зарождения революционных процессов, когда внутренняя система когнитивно-психологических свойств отдельных личностей, групп и организаций испытывает повышенное воздействие и внутренних, и внешних факторов. В таких условиях субъект может проявлять свой ПИ в самом широком диапазоне качеств, неожиданном и противоречивом формате. Как следствие — усложняется возможность его правильно распознать, оценить широту горизонта, на котором он себя проявляет, заметить свойства, которые конкретный субъект благодаря своему ПИ обнаруживает в политических процессах. Комплексные оценки ПИ порой требуют того, чтобы на шкале времени они были отнесены за пределы происходивших когда-то событий. Такой подход не всегда адекватно соотносится с действительными заслугами или провалами в деятельности участника политических событий. В силу действия «фильтра времени», оценки могут оказаться ближе к истине или, наоборот, размыты и неточны. Но в текущем, конкретном времени, в малоисследованных исторических обстоятельствах ПИ актора может не соответствовать объективным оценкам своей эффективности. И наоборот, через время картина для оценок ПИ проявляет свои ранее скрытые черты, смыслы, масштаб. Тогда мы отступаем от наших прежних взглядов на субъектов — участников политических событий, не прощаем их ошибки или оправдываем ранее известные действия по новой шкале верификации.

Оценивая и сравнивая политический интеллект субъектов революционных событий 1917 года, мы должны опираться на документы, тексты речей, запечатленные в стенограммах устные дебаты и другого рода архивные источники, которые составляют контент для верифицированных суждений о тех

событиях и их участниках. Вместе с тем, каковы бы ни были архивные источники, артефакты социокультурного характера, появляющиеся в новых условиях и позволяющие адекватно оценивать уровень политического интеллекта своих создателей, ключевым показателем эффективности ПИ остается все же та практика, которой он выражался в организационно-деятельном виде. Такие «следы» и результаты действия ПИ выступают достаточно объективным текстом-носителем информации об уровне состоятельности берущихся за революционные изменения России людей, партии, организаций.

История свидетельствует о том, что интеллект во все времена выступал базисом критического осмысливания человеком своего места и роли в социальных отношениях и, в частности, в политической системе. Интеллектуальный напор критического характера формировал обстоятельства и порождал революционные процессы в отдельных государствах и мировом сообществе. Например, эпоха Просвещения и просветители XVIII века подвели общественно-политическую жизнь ряда стран Европы к возникновению идей практического характера, в частности — к необходимости помимо критической оценки в теоретическом плане подвергнуть практической переоценке существующие обстоятельства и условия общественного устройства. Всё сущее подвергалось интеллектуальному суду критической мысли с практическими вариантами изменений этой сущности. В 1793 году левые якобинцы даже решили отменить во Франции христианство, предложив взамен гражданский культ разума [4: с. 253].

Интеллектуальная устремленность приводила к мысли, что если власть не позволяет изменить ситуацию, то её свергают. Великие люди, которые во Франции просвещали головы народа, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, загадки природы, общество, государственный строй — все подвергалось беспощадной критике и должно было предстать перед судом разума. Все прежние формы общества и государства, традиционные представления об их функциях должны были быть признаны неразумными. Суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место справедливости и равенству, вытекающим из самой природы и части ее — человека.

Формирование сознания общности жизни, востребованности свобод и прав гражданского порядка в отношениях между людьми, вели к пониманию передовыми умами необходимости солидарных действий. Социально-интеллектуальные качества отдельных индивидов с их ощущениями и образами в представлениях о связях между друг другом помогали людям понимать эту социальную общность, и одни умы проникали в другие.

Исследования человеческого интеллекта с течением времени привели к дифференциации данного толкования: эмоциональный интеллект, социальный интеллект, военный и практический интеллект, сенсомоторный, искусственный, спортивный и другие. В каждом из исследовательских направлений возникли полезные идеи, способствующие глубокому рассмотрению

и собственно ПИ. Но следует заметить, что при этом функциональные особенности и проявление политического интеллекта по-прежнему несут на себе отпечатки частных, особенных, индивидуальных характеристик участников политических процессов. Особенно это заметно у тех, кто непосредственно включен в политические баталии теоретического или организационно-практического порядка.

Политический интеллект относится к ресурсам политического управления и эффективного участия субъектов в революционных преобразованиях. В таком плане можно говорить о ПИ как о политическом ресурсе, который обеспечивает поиск возможностей для власти использовать различные факторы социальной энергии и по существу определяет *принципы* использования этих возможностей со стороны акторов. Тогда собственно ПИ следует рассматривать как *вид комплексного управленческого ресурса* держателей власти. Он «говорит» свое веское слово в сложных и неустойчивых обстоятельствах борьбы за власть, в прогностике и планировании действий, при столкновении с оппонентами, принятии разных управленческих решений.

Автор рассматривает весь интеллектуальный контекст Российской революции 1917 года как производную, минимум, трех источников. Два первых более-менее различимы и понятны: противостоящие друг другу политический интеллект царского самодержавного субъекта и политический интеллект другого участника революционных процессов — партий и движений, оппонирующих царизму. Но важно не упустить вопроса и о политическом интеллекте третьего субъекта политических процессов, часто отвергаемого как интеллектуального игрока баталий 1917-го и последующих революционных лет. Имеется в виду политически активная часть российского общества. Это феномен не менее важный, чем вышеупомянутые два первых.

При анализе развивающихся в России революционных событий того времени лакмусовой бумажкой для определения уровня политического чутья и интеллектуального мышления политических лидеров и вождей, политических партий и пассионарных групп, включенных в революцию, являлось реагирование их на активность масс. Оно показывало уровень восприятия этими политическими субъектами российских проблем, состояния настроений и житейских интересов простых людей. В целом же на почве функционирования политического интеллекта у этих сторон формировался контекст общего порядка: реагирование социальных масс, заряженных на изменения в обществе и отклик на адекватные их интересам действия, лозунги политических вождей и партий, поддержка сторонами друг друга в революционных акциях. Одним словом, разнообразие революционных процессов и величина революционных политических ресурсов у лидеров, вождей, партий и революционных масс опосредованно определялись продуцированием ПИ тех, кто был вовлечен в революцию и собственно составлял основной политический контекст революционных событий 1917 года.

Социальные группы, обладавшие политическим чутьем и прозорливостью, практической сметкой и способностью к распознаванию своей выгоды

или справедливому разрешению политических проблем, порой насыщали своей энергией десятки партий и объединений, которых насчитывалось в России до полусотни. Они несли в себе элементы практического интеллекта. Это позволяет нам рассмотреть ПИ в виде социально-духовной, идеологической, мировоззренческой и политико-прагматической почвы, на которой существует такой феномен, как *политический интеллектализм* общества.

Использование ресурсов революционной энергии, которые содержались в политическом интеллектализме народных масс, являлось проверочным оселком способностей политических лидеров, политических партий и элит возглавить революционные преобразования. Это же помогало им в организационной активности или выжидании благоприятных обстоятельств для выстраивания своей деятельности. Одним словом, ПИ играл одну из своих фундаментальных ролей — роль навигатора в теоретических баталиях и реальных революционных событиях.

Сложные проблемы, ожидавшие сто лет назад своего разрешения в российской реальности, требовали системных и теоретически глубоких проработок, продуманных и нестандартных решений, политической воли и высокого уровня организационных способностей, иногда интеллектуальных озарений политических лидеров. Всеохватывающая неудовлетворенность положением дел в стране подавляющего числа представителей просвещенных общественных слоев, рождала большое количество как плодотворных, так и утопических идей, манифестов и программ переустройства России. Теми, кто был носителем такой энергии, желающими материализовать общественные запросы и мысли о социальном реформировании России, выступали порой диаметрально противоположные вожди-идеологи, партии и социальные группы. За полгода 1917 года Россия прошла сложный путь зигзагов, шатаний и противоречивых событий.

Условно сгруппировав элементы системы политического противостояния, в котором просматривалась идейная основа оппонирующих друг другу сторон, можно увидеть пеструю и сложную картину. В ней были представлены ярые сторонники самодержавия и сторонники его реформирования в конституционную монархию; носители идей глубоких капиталистических реформ при господстве финансовой олигархии, сросшейся с помещичьими хозяйствами, и радикалы — сторонники максимально свободного рынка; приверженцы парламентской республики и сторонники анархизма, мечтавшие о разрушении государственности, создания взамен её ассоциаций свободных трудовых артелей; стойкие государственники-либералы и носители социалистических идей с определенными различиями в оценках социальных приоритетов и характера движущих сил революции (эсеры, социал-демократы меньшевистского и большевистского толка).

Кадетский либеральный курс с лозунгами о войне до победного конца, но в вопросе о земле и рабочем контроле — ни шагу не предоставлявший уступок трудящимся, был сменен социал-демократическими проектами

с разными окрасками, где лозунг о «войне до победного конца» был заменен на идею о победе без аннексий и контрибуций. Свое разумение революционных событий имели торговцы, банкиры и промышленники. П.П. Рябушинский накануне Февральской революции 1917 года выступил инициатором создания Всероссийского торгово-промышленного союза с целью объединения всех пробуржуазных сил страны. После Февральской революции он доказывал преждевременность социализма в России, настаивал на долговременной перспективе частнокапиталистической системы хозяйства, организовал при Всероссийском торгово-промышленном союзе специальный Политический отдел для ведения агитации в массах (с июня 1917 г. издавал журнал «Народоправство»), а также комитет «старобрядческих согласий».

Утратив надежду на мирное развитие событий, 3 августа 1917 года на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде Рябушинский выступил с критикой коалиционного Временного правительства и призвал представителей социалистических партий в правительстве и Советах к отказу от политики огосударствления экономики. «С болью в сердце» он констатировал, что густой сумрак навис над страной, а Временное правительство — пустое место; призывал «торговый люд спасать землю русскую»; оказал финансовую поддержку генералу Л.Г. Корнилову, готовившему выступление с целью установления в России военной диктатуры.

Активно участвовали со своим ПИ в обострении социально-политических процессов в России зарубежные правительства, их институты разведки и дипломатии, рассчитывающие на свержение Николая II. В воспоминаниях Л.Д. Троцкого о том времени говорится, что Петроград кишел тайными и полутайными офицерскими организациями, пользовавшимися высоким покровительством и щедрой поддержкой зарубежной дипломатии. Дипломаты Антанты активно «заботились» о скорейшем пришествии к власти в России сильной группировки [6]. Во многих случаях противодействие им и нигилистически настроенной либерально-демократической интеллигенции оказывали офицеры и генералы Главного управления Генерального штаба, видевшие свою миссию не в разрушении страны, а в сохранении достойного места России в мире.

По-своему реагировали на революционные процессы и военно-стратегическую обстановку офицеры армии и флота. Бывший военный министр Временного правительства А.И. Гучков уволил из армии около 50 % русских боевых офицеров, что усложняло морально-интеллектуальную атмосферу на фронте и повышало социальную напряженность в стране. Непонятное будущее России подталкивало офицеров к более широкому взгляду на окружающий мир. С одной стороны, значительной их частью руководил поведенческий импульс благородного служения Отчизне: «Наши деды за Россию кровь проливали и нам наказали». С другой стороны, офицерству и генералитету надо было определяться в ситуации, когда Февральская революция 1917 года и самоустранение императора от управления страной, развал по всем швам государственности подвели их к необходимости интеллектуального и политического выбора.

Думающим людям в погонах Русской армии стало очевидным: приближается катастрофа. Об этом можно найти интересные воспоминания у А.И. Деникина — русского военачальника, политического и общественного деятеля, активного участника военных съездов 1917 года, противника демократизации армии, сторонника корниловского выступления. Позже он стал автором ряда произведений о революционной эпохе в России.

По мнению А.И. Деникина, большевизм не был главной причиной развала армии, «он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме» [3]. Интеллектуальный цвет офицерства, антиолигархически настроенные генералы и офицеры Генерального штаба, артиллерийского, оперативного, разведывательного и контрразведывательного управлений первыми оценили обстановку. Они знали, что за спиной кричащих о своем патриотизме заводчиков и фабрикантов стоят британские банки, немало вложившиеся в их дела и в «революцию», а за крупноземельными собственниками стоят французские и бельгийские банки, обладающие большинством закладных на российские земли. Так, генерал А.И. Верховский, командовавший в июльские дни 1917 года Московским ВО (совсем не большевик), отмечал, что в то время необходимо было, чтобы массы верили в свое правительство, а солдаты — своему командному составу. Но, кроме того, для успеха нужно было, прежде всего, идти на широкие реформы: дать землю крестьянам, заключить мир. Однако этого монархия, а потом Временное правительство не делали [9: с. 326–330].

Одним словом, социально-экономическая и политическая наэлектризованность российского общества начала XX века, помимо объективных факторов, дополнялась существованием активных групп и слоев, которые готовы были энергично действовать в революции. Их можно называть политическими элитами тогдашней России, при этом не забывая, что качественные параметры как отдельных представителей, так и более-менее общих элитных групп, могли серьезно друг от друга различаться. В начале XX века при жесткой антиземской позиции высшей и региональной бюрократии, негибкости самодержавия вызрели новые обстоятельства. Левая часть формирующейся либеральной представительной элиты становится союзником революционного движения, а либералы, примкнувшие к Союзу освобождения П.Б. Струве, утратили свое либеральное лицо и свои либеральные идеи [1: с. 132].

Здесь нельзя не указать еще ряда обстоятельств. Первое из них — существование когорты тех *интеллектуалов и талантливых организаторов*, которые выполняли роль катализатора в повышении энергии и активности масс, вдохновителя процесса превращения идей и революционной идеологии в социальные выступления, протестные демонстрации, решительные акции против существующей системы власти.

Вторым обстоятельством являлось то, какой степени была подготовленность той социально-духовной почвы среди населения, которая практически всегда выступает главенствующим фактором взаимопонимания лидеров и масс, политических партий и слоев населения, обеспечивает практический

успех политических программ и принятых решений. Ранее мы определились и назвали это обстоятельство *уровнем политического интеллектуализма* общества. В условиях взбудораженного российского социума, развития процессов его дисперсии и распада на социальные фракции, политическая интеллигентизация делает возможным себя оценивать через *поведение политических элит и околоэлитных групп*. Последние состоят не из прямых политических пропагандистов и активистов-теоретиков, идеологов и агитаторов, а тех, кто в общественном сознании выглядит авторитетом при оценках ситуации социального противостояния и предположений о будущем. К ним я отношу творческую интеллигенцию, литераторов, поэтов, ученых. Чего стоят только работы и подвижничество А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского и др.

Сюда следует приобщить представителей пролетарской литературы и поэзии. И если первая для нас не может представить достаточно выразительных и глубоких образцов своего участия в революционных процессах, кроме работ А.М. Горького, то пролетарская поэзия как определенное направление в русской литературе обозначилось довольно ясно с 90-х годов XIX века. Более того, в период организации В.И. Лениным пролетарской партии, возглавившей рабочее движение в России, пролетарская поэзия вносила в него живой язык при разъяснении идей социализма и сути классовой борьбы. Она росла, крепла и мужала вместе с подъемом освободительного движения, выражала его особенности, вносила свою лепту в борьбу народа против самодержавия. Её развитие было весьма сложным (цензура, преследования), но со временем все нагляднее осуществлялось известное положение В.И. Ленина о том, что литературное дело должно стать частью общего пролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом рабочего класса. Поэтам, вышедшим из рабочей среды, подчас не хватало профессионального умения и опыта. Но они выдвинули из своей среды таких одаренных мастеров, как Д. Бедный, А. Богданов, Л. Радин, А. Коц, Е. Тарасов, Е. Нечаев, И. Привалов, Ф. Шкулев, А. Гмырев. Литературное дело для них органически сливалось с делом революции, одновременно свидетельствуя о многообразии форм проявления политического интеллекта. Такие издания, как «Звезда», «Правда», «Просвещение», «Работница» печатали стихи и других получивших известность рабочих-поэтов П. Арского, В. Александровского, М. Артамонова, Я. Бердникова, И. Воинова.

Что касается тех лиц из числа вождей, которые более 100 лет назад пришли в России к революционному 1917 году, то отметим ряд особенностей, связанных с их ПИ и деятельностью в условиях российской революции. Прежде всего, следует признать, что на их ПИ значительную степень влияния оказали передовые умы зарубежной и российской философско-социологической и политической мысли. Может, по этой причине многие из них, как на этапе революционных событий 1905–1907 годов, последующих лет реакции

и гонений самодержавия, так и в период последующего противостояния с царизмом и создания институтов политической власти (февраль-март 1917), представляли революцию со значительной долей романтизма и утопизма. Но без такого представления о социальном переустройстве в принципе не существуют серьезных планов и намерений революционного характера. В немалой степени это связано было с тем, что в их выборе позиций и действиях преобладал теоретический политический интеллект.

Трудно представить, что значительная часть вождей не была знакома, хотя бы в общем плане, с идеями таких утопистов, как *Томазо Кампанелла*, *Адам Смит*, *Клод Анри Сен-Симон*, *Роберт Оуэн*, *Шарль Фурье*, *Генрих Гейне*. Свое место в представлениях о принципиальных направлениях дальнейшего устройства российской политической системы, занимали у российских партийных лидеров, представителей революционной политической элиты и другие европейские мыслители-авторитеты, в числе которых можно обозначить *Джона Локка* и *Шарля Монтескье*, *Франсуа Мари Аруэра* (псевдоним Вольтера) и *Жан-Жака Руссо*. Например, разве могли оставлять безучастными людей такие мысли последнего из названных, как необходимость ставить в центр всех оценок положение человека в обществе или заявление о том, что социальное неравенство приводит к отчуждению людей, их моральному оскудению, деградации. По мнению Руссо, отсюда закономерно возникает оправдание революционных действий против абсолютизма и создание республики. Или его идеи о праве народа, при нарушении государством общественного договора с народом, этому народу, на правах владения суверенным правом власти, насильно менять власть с помощью восстания. Не менее серьезным авторитетом у многих пользовались идеи известных анархистов П. Прудона, М. Бакунина и П. Кропоткина, народников П. Лаврова и П. Ткачева.

Коммунистические и социал-демократические идеи вносились через рабочие кружки и работу в институтах образования и армии теми, кто симпатизировал работам К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля и Г. Плеханова, позже В. Ленина (Ульянова). Проанализировав биографии около 300 представителей того революционного времени, можно сделать вывод об их глубоком понимании вопросов повестки дня Российской революции и событий начала XX века, видение того, как их разрешить а контексте определенных теоретических убеждений. В конечном итоге любые теоретические представления о будущем России должны были бы когда-нибудь проявиться в практической форме, практическом революционном интеллекте. Он достаточно определенно рассматривался в любопытном учебном пособии 1910 года «История революционного движения в России» для абитуриентов офицерских курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. В 180 вопросах и ответах на них давались характеристики революционных течений и раскрывалась деятельность революционеров — потенциальных противников для царя и Отечества. В пособии излагались различия между теоретическими основами партий, давались инструкции о порядке ведения учебных занятий [5: с. 351–378].

Никогда прежде стремление большинства общественных сил и движений одним броском наверстать упущенное в прежние столетия не обретало форму крайне решительных действий. В каждой партии были свои политические интеллектуалы, кто считался успешным выразителем партийных идей, а через это и чаяний большей части народа, кто по своему видел решение проблем и вопросов, накопившихся в России к началу XX века огромное количество. Вопросы вызывали у теоретиков революции и «практических» политиков, представлявших свои партии и движения, политическую активность, мировоззренческие дискуссии и порой бескомпромиссную политическую борьбу. Вот некоторые из этих вопросов: гражданское согласие и мир или социальная борьба, включая её вооруженные формы, как средство разрешения общественных противоречий; капиталистический или социалистический вектор развития страны, и примыкающий сюда вопрос — монархия, республика или революционная диктатура; каковы должны быть принципы и формы перехода к новому политическому устройству; как поступать с многовековым национальным вопросом, какова должна быть степень допустимости самоопределения и к чему приведет региональный сепаратизм; отношение к аграрному вопросу, земле, судьба помещичьего землевладения; каково содержание, права и функции, как должен работать рабочий контроль на предприятиях; какой должна быть степень национализации в сфере банковского дела и т. д.

Вожди и лидеры революции 1917 года, при всей их далёкости от идеала, несли с собой образы народных героев, ореол выразителей чаяний низов, смелости, дерзновенности политических лозунгов и преданности народу. Но все они по-разному представляли будущее России и выстраивали свою работу в сложившихся обстоятельствах. Автор предложил лишь ориентиры для составления той социально-политической картины, которая может как-то состояться для описания интеллектуального потенциала, ресурсов политического интеллекта, которые существовали в революционных событиях бурлящей России 1917 года. Ключевыми на то время показателями были не только политический интеллект, но и политическая воля, решительность и организованность. Среди партий в большей мере обладали ими те, кто называл себя большевиками. Если в феврале-марте они мало чем выделялись в бушующем революционном океане, то к осени 1917 года указанные черты, помноженные на интеллектуальный багаж их лидеров, безоговорочно вывели большевиков в авангард революционных событий.

Литература

1. Административно-политические элиты в дореволюционной России // Российская историческая политология / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. С. 94–137.
2. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М.: Воениздат. 1959. С. 120–123.
3. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Париж: Издательство Поволоцкого. 1921. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (дата обращения: 10.06.2017).

4. Мышление: от сверхчеловеческого к человеческому порядку // Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д.: Город N., 1994. С. 251–255.
5. Революционное движение в России // Неизвестная Россия. XX век. Т. II. М.: Изд-во «Историческое наследие». 1992. С. 351–378.
6. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl009>
7. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
8. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 1994. С. 129–130.
9. *Шацлло К.Ф.* Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 326–365.

Literatura

1. Administrativno-politicheskie e'lity' v dorevolucionnoj Rossii // Rossijskaya istoricheskaya politologiya / otv. red. S.A. Kisliczy'n. Rostov n/D.: «Feniks», 1998. S. 94–137.
2. *Vexovskij A.I.* Na trudnom perevale. M.: Voenizdat. 1959. S. 120–123.
3. *Denikin A.I.* Oчерки russkoj smuty'. Krushenie vlasti i armii. Parizh: Izdatel'stvo Povoloczko. 1921. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (data obrashheniya: 10.06.2017).
4. Мы'шление: ot sverxchelovecheskogo k chelovecheskomu poryadku // Shkuratov V.A. Istoricheskaya psixologiya. Rostov n/D.: Gorod N., 1994. S. 251–255.
5. Revolyucionnoe dvizhenie v Rossii // Neizvestnaya Rossiya. XX vek. T. II. M.: Izd-vo «Istoricheskoe nasledie». 1992. S. 351–378.
6. *Troczkij L.D.* Istoriya russkoj revolyucii. T. 2. Ch. 1. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl009>
7. Filosofiya. E'nciklopedicheskij slovar' / pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2006. 1072 s.
8. *Shkuratov V.A.* Istoricheskaya psixologiya. Rostov n/D.: Feniks, 1994. S. 129–130.
9. *Shacillo K.F.* Nikolaj II: reformy' ili revolyuciya // Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Oчерки istorii Rossii IX – nachala XX veka. M.: Politizdat, 1991. S. 326–365.

Yu. V. Yarmak

The Intellectual Context of the Russian Revolution of 1917²

According to the opinion of a number of researchers of the Russian drama from the February Revolution of 1917 to the October coup of the same year and the ensuing Civil War, its events are inextricably linked parts of the Great Russian Revolution. Along with the French Revolution of the end of the XVIII century, it became one of the largest milestones in world history. The study of the intellectual content of the Russian Revolution and the coup helps in explaining the nature of many of its events and estimates of predetermination or randomness of them in a political context.

Keywords: revolution; political intelligence; leaders, leaders of the group, organizations, parties; political education; political intellectualism; political process.

² The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project «Informal text analytics: philosophical and methodological approach», № 17-03-00772

О.А. Сухорукова

Русское самодержавие или бюрократический абсолютизм

Главная проблема статьи — оценка русского самодержавия через противопоставление ему идеи парламентаризма в общественно-политическом дискурсе России в XIX в. На основании трудов Л.А. Тихомирова, Д.К. Кавелина, А.Ф. Смирнова, М.В. Шахматова, С.Г. Пушкарева рассматривается проблема трактовки принципа Верховной власти, ее источника.

Ключевые слова: Верховная власть; церковная идеология; самодержавие; абсолютизм; бюрократия.

История русского дореволюционного парламентаризма была недолгой. Начавшийся в ходе первой русской революции политический опыт ограничения российского абсолютизма закончился 1917 годом. Страна не смогла пережить революционный кризис, и историческая наука, исследуя эту проблему, указывает ряд причин, среди которых неудавшийся, запоздавший опыт государственного преобразования: реформы государственного управления начались только под воздействием первой русской революции, а Первая мировая война не дала времени и возможности завершить этот преобразовательный процесс в области государственного строительства. Но может быть стоит посмотреть на эту проблему с другой стороны? Насколько преобразования, происходившие в России, соответствовали отечественной традиции вообще и политико-правовой в частности. «Мы не доросли до умения думать по-русски... отсюда — политические и социальные иллюзии, — пишет русский «либеральный консерватор» К.Д. Кавелин в своей статье «Политические иллюзии» [1: с. 123].

И в самом деле, согласимся с утверждением о том, что незнание или отрицание отечественной политико-правовой традиции привело к неверному выбору в области преобразовательной политики страны. Оценивая свое прошлое, используя критерии, понятия, категории, ценностные ориентиры не отечественной, а европейской культуры, образованная часть русского общества выстраивала неверный алгоритм модернизации России, который привел к крушению русской государственности в 1917 г.

Что лежало в основе отечественной политико-правовой традиции и какие идеи ей противостояли? Анализируя передовую общественную мысль XIX – начала XX вв., можно сформулировать главный вопрос оппозиционного отечественного мейнстрима в области политической и правовой мысли: главным врагом объявляется самодержавие, с ним связаны все беды страны.

«Со времен Радищева и декабристов обозначилась односторонность, сложившаяся и окрепшая к началу XX в. и принявшая форму идеологического оппозиционного штампа, когда самодержавие полностью отождествлялось с царским самовластием, тиранией, деспотией» [5: с. 38], — отмечает современный исследователь исторического опыта российского парламентаризма А.Ф. Смирнов.

Этому штампу и этой однобокости не помешали важные, но в историческом либерально-революционном контексте не слишком значимые голоса отечественных историков и публицистов Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, Л.А. Тихомирова, которые заявили о неверном понимании и, следовательно, неверной интерпретации понятия «русское самодержавие» в общественно-политической мысли России.

Непонимание сущности самодержавной власти не изжито и сегодня. А.Ф. Смирнов отмечает, что в научной и публицистической литературе «государственный строй императорской России определяется обычно как “царское самодержавие”, “абсолютная монархия”, разновидность восточной (азиатской) деспотии, как дикое самовластие, империя зла» [5: с. 37]. Подобная трактовка, отмечает он, некорректна, она не учитывает накопленный опыт отечественной историографии, в котором термин «самодержавие» определялся в зависимости от исторической эпохи по-разному. Вначале он означал «независимость» или «суверенность» государства. Со временем смысл этого термина будет меняться, к суверенности добавится идея о единстве и неделимости верховной власти — власти монарха.

Напомним, что три самых распространенных варианта единоличной неограниченной власти — абсолютизм, самодержавие и восточная деспотия — принципиально отличаются друг от друга по причине идейного расхождения. Восточная деспотия обожествляет саму верховную власть, а ее представитель является источником закона и власти — это цельный вариант сакрального типа правителя, в котором нет разделения на светское и религиозное начало. В идеологии самодержавия нет обожествления правителя. Принимая политическое наследие Византии — теорию о «симфонии властей», русское Средневековье усваивает идеи «священства власти» и «священного царства». Согласно им царская власть рассматривается как одна из важнейших форм воцарения общества. Здесь мы видим союз светской и церковной властей, а не их слияние, как было в восточной деспотии. То, что власть правителя освящается, а не обожествляется, пишет один из теоретиков царской власти Иосиф Волоцкий: «Царь есть Божий слуга, для милости и наказания людей. Если же царь царствует над людьми, а над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего неверие и хула, такой царь — не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель» [3: с. 189]. Философ В.В. Зеньковский, ссылаясь на слова И. Волоцкого: «Царь, по своей природе, подобен всякому человеку... а по своей должности и власти подобен Богу Всевышнему», уточняет: «Царь... ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за всякого

человека в его царстве. <...> Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией» [1: с. 48–49].

Став церковной идеологией, самодержавие не замыкается на политической самости. Власть царя рассматривается через союз с церковью в их общем деле по христианизации культуры и народа. С течением времени к этому союзу добавится третий — социальный элемент — земский собор, который станет главной опорой верховной власти и одним из механизмов по управлению страной.

Однако такая политико-правовая формула, состоящая из трех элементов, не будет реализована до конца. В конце XVI – начале XVII в. Смута на время приостановит воплощение ее идей в историческую реальность и, несмотря на ее частичное возрождение в годы правления Михаила Федоровича, уже во второй половине XVII в. она прекращает свое существование, и уже в годы правления Алексея Михайловича формируется доктрина абсолютизма. В политико-правовом учении Симеона Полоцкого мы видим первый шаг к началу европейского абсолютизма. В своих сочинениях он критикует трактовку царской персоны, характерную для отечественной мысли XVI в.: «природного» равенства царя и подданных. Вместо этого Царь и Бог у Полоцкого почти равные величины, а царь и государство отождествляются. *В XVIII в. в трудах Ф. Прокоповича теория «Русского Левиафана» окончательно заменяет идею «Священного царства».*

Смещение ценностей в области политико-правового пространства, при котором власть государства приоритетна — с одной стороны, и соединение церковного и светского начала в одном лице (монархе) — с другой, определяло главный вектор в формировании европейского абсолютизма. В отличие от русского самодержавия абсолютизм как европейская форма единовластия имел еще одну особенность: власть монарха опиралась на бюрократическую административную систему. И все же, несмотря на эти отличия, сравнение самодержавия и абсолютизма не будет полным, если мы не рассмотрим их сквозь призму понятия «Верховная власть».

Обратимся к пояснениям Л.А. Тихомирова о том, что такое Верховная власть, каковы ее особенности и главные принципы. Тихомиров справедливо считает, что в вопросе о Верховной власти возникло много путаницы. Возникновение государства сопряжено с возникновением Верховной власти, которая олицетворяет единство общества и дает возможность для сосуществования в нем разных социально-политических сил. «Смысл Верховной власти, — пишет Тихомиров, — состоит в общем обязательном примирении» [6: с. 55]. Но главное значение и понимание Верховной власти заключается в том, что она не может быть никем и ничем ограничена кроме собственного принципа, на основе которого создана. «По прекрасной формулировке Б.Н. Чичерина Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присутствующая и есть источник всякой государственной власти. <...> всякие ее ограничения могут быть только нравственные,

а не юридические...» [6: с. 52]. *Главный вывод о сущности Верховной власти, по Тихомирову, гласит: в ее основе лежит всегда один принцип — один источник власти. В зависимости от него субъектом власти может быть либо монарх, либо народ, либо аристократия.* Отсюда учение юристов о разделении верховной власти ошибочно, а все, что относится к специализации, разграничению или какой-либо функциональной деятельности власти — все это уже не Верховная, а управленческая система (суд, правительство и другие политические институты). Поэтому говорить об ограничении Верховной власти нет никакой возможности, а формула конституционной монархии или ограниченной монархии есть фикция, за которой стоит либо власть монарха, либо власть аристократии, либо власть народа. Впрочем, об этом задолго до Тихомирова пишет в своей статье «Политические призрак» К.Д. Кавелин: «Везде и всегда Верховная власть остается единой и нераздельной. То же самое видим мы и у нас. Но в Европе существовали сильные аристократические элементы, присвоившие эту власть себе...» [2: с. 15]. Другими словами говоря, в Европе по названию может быть конституционная монархия, а по существу — власть аристократии.

Принцип Верховной власти дает нам возможность сравнить два идеала государственного устройства, лежащих в основе политико-правовой традиции России и Европы. Как уже говорилось, главным источником Верховной власти Российского государства в период Средневековья являлась воля Бога, которую должна была осуществлять власть царя при поддержке народа. Исходя из этого принципа, в идеологии Древней Руси отсутствует противоборство между властью (вначале княжеской, затем царской) и народом. Здесь у народа нет борьбы за свои права или за осуществление своей воли. В европейской политико-правовой мысли проблема усовершенствования государственного устройства выводится из природных прав человека, иначе говоря, главным источником Верховной власти выступает воля народа.

Интересное сравнение политико-правовых традиций России и Европы сделали «ранние» представители евразийского движения — М.В. Шахматов и С.Г. Пушкарев, обратив внимание на ключевые моменты, разделяющие эти традиции.

М. Шахматов идет по стопам Л. Тихомирова, уделяя внимание принципу Верховной власти. В работе «Государство Правды» он пишет, что своеобразие европейской правовой мысли заключается в том, что главный принцип Верховной власти — это воля народа, и совсем неважно, как эта воля может быть оформлена юридически. Это может быть и монархия, и республика. Но, как ни называй, по существу Верховная власть определяется одной идеей. Сравнивая два государственных идеала — западноевропейский и древнерусский — Шахматов пишет: «“Правда”, как своеобразная система русского идеального права, развивавшаяся отдельными путями, отчасти сходными с западными средневековыми, стремится достичь усовершенствования государственного строя совершенно иными средствами, нежели западноевропейское естественное право

XVII–XVIII столетий. Последнее выводит из прирожденных прав человека и гражданина целый список гражданских свобод и требует в их пользу ограничений прав монарха ... старые права ранее абсолютного монарха и выведенные из естественного права гражданские свободы права народа становятся друг против друга как два враждебных начала...» [7: с. 16].

Проблему сопоставления развития России и Европы продолжает С. Пушкирев в статье «Россия и Европа в историческом прошлом». Рассматривая происхождение и идеологическое обоснование Верховной власти в Европе, Пушкирев пишет: «...через всю теорию и практику европейской политической жизни проходит принцип избирательного договорного происхождения высшей светской власти, и католическая церковь, со своей стороны, подчеркивает ее зависимый и условный характер» [4: с. 141]. На Западе, резюмирует Пушкирев, власть короля, императора выглядит как власть чиновника высшего ранга, который получил свои полномочия по воле народа и согласно заключенному с обществом договору. Католическая церковь в борьбе со светской властью, в своем стремлении принизить институт государства считает его «делом рук человеческих», а в целом в Европейской цивилизации «существует единая линия развития... — от средневековых католических писателей до Жан-Жака Руссо и «Декларации прав» 1789 г. Монарх, вообще носитель Верховной власти, является здесь уполномоченным и приказчиком народа [4: с. 142].

Как уже говорилось, русское самодержавие до XVIII в. как отечественный вариант монархии, сформировавшийся в российской политико-правовой традиции, характеризовался двумя важными социально-политическими институтами: земским собором и церковью. Каждый из них имел определенную независимость от Верховной власти, и в отдельных случаях они могли оказать значительное влияние на принятие того или иного решения. Оформление абсолютизма при Петре I лишило церковь самостоятельности и независимости, а земский собор де-юре был ликвидирован указом Петра I. Образовавшийся политический и социальный вакуум был заполнен бюрократической системой. Таким образом, Верховная власть — власть монарха — оказалась автономной, никем и ничем не ограниченной, а вместо независимых социально-политических институтов сложилась мощная административная система.

Интересно, что именно с этого времени мы видим формирование интеллектуальной оппозиции власти, которая достигнет своей кульминации в XIX в. Такое отрицание монархии стало следствием распространения идей Просвещения, поспособствовавших обмирщению культуры правящей элиты.

Начиная с XVIII в. восприятие идеи самодержавия происходило уже секулярным сознанием, в котором нельзя не заметить следующего парадокса: западники критикуют самодержавие, называя его тиранией и деспотизмом, болезнью российской государственности, которая стала проклятием России, ее тяжелым историческим прошлым. При этом они не замечают, что все их стрелы направлены в одну цель — европейский абсолютизм, политико-правовая формула которого, начиная с XVII века, утверждается в России,

а ее бюрократическая опора становится главной доминантой в политическом развитии Российского государства. В такой ситуации логичней было бы требовать ограничения бюрократии, выступать против ее всевластия, а не уповать на ограничение Верховной власти.

Реформы 1860-х гг. должны были модернизировать систему государственного управления, во всяком случае, это была одна из целей преобразований Александра II. Однако создавшиеся новые политические институты власти — земства — не привели к созданию подлинных органов самоуправления, в России по-прежнему большую роль играет бюрократическая система. Не случайно именно в 1878 г. выходит работа К. Кавелина о кризисе политического преобразования. Интересно, что критикует реформы человек, с «исторической записки» которого они начались. Голос публициста диссонирует с общественным мнением: «Русский Бог избавил нас от конституционной лжи ограничения царской власти народным представительством» [2: с. 32]. Кавелин пишет не об ограничении самодержавия, а о том, что в России в результате деформации исторической формы власти оформился абсолютизм, который способствовал становлению тотальной власти бюрократии. «Вся администрация, на всех ее ступенях, представляет собою верховную власть, проведена у нас с железною последовательностью. Административная власть в России громадна» [2: с. 23]. Исторически так сложилось, замечает ученый, что в такой огромной стране, как Россия, не оформились социальные группы, в том числе аристократические, способные помочь в управлении страной. Поэтому в связи с невозможностью решить все вопросы Верховной властью произошло перераспределение ее полномочий в пользу администрации и даже «освящение» ее функций именем царя. «Администрация, во имя царской власти, заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки» [2: с. 32]. Следовательно, делает вывод мыслитель, ограничивать нужно не Верховную власть — власть царя — путем введения конституционных норм и изменения формы власти на европейский лад. Реформировать необходимо систему управления, создать правильный механизм подотчетности и работы чиновников, в рамках закона дать свободу слова, ввести принципы выборного земского начала сверху донизу, дать большую самостоятельность местным органам власти, опираться на коллегиальность управленческих структур и ротацию кадров при участии образованных людей и специалистов.

На проблему российского абсолютизма, при котором существует иго администрации над всем обществом, указывают отечественные мыслители, имена которых трудно соотнести с каким-либо одним общественно-политическим течением. Их объединяет одно мнение, одна мысль о том, что *в России существует неверное, искаженное представление о монархии. Всесилие бюрократии, а не всесилие монархии — главная болезнь политической системы страны.* Усиление бюрократии и снижение, уменьшение, а затем и вовсе отсутствие органов местного самоуправления, выборных начал — эти процессы

взаимосвязаны, приводят к правовому бесправию населения и социальным проблемам общества. Механизм верховной власти работает плохо или вообще не работает.

Л. Тихомиров, поддерживая идею ограничения бюрократии, писал о необходимости вернуть «русские начала» общественного самоуправления, которые должны, во-первых, отражать интересы общества, его большей части и, во-вторых, решать проблемы, связанные с этими интересами. «Если России суждено создать истинное народное представительство, то это возможно исключительно путем организации социальных слоев и выборами лиц от них» [6: с. 393].

Принципы самоуправления отстаивал и юрист Б.Н. Чичерин, который считал, что только так можно ограничить произвол бюрократии, «которая сеет рознь между обществом и царем, что только врагам России на руку, отечеству же против земства грозит смутой и раздором» [6: с. 14].

Однако эти мнения стали «гласом вопиющего в пустыне». Наша интеллигенция, оторванная от русской традиции, воспитанная на либерально-революционных идеях европейской культуры, была воодушевлена борьбой за Конституцию, за ликвидацию самодержавия. Секулярное сознание не принимало идею монархии — идею консервативную, которая может быть понята религиозным сознанием, через религиозные ценности. Человек, воспитанный в лоне светской культуры, воспринимает идеи консерватизма, в частности идеи монархии, формально, упрощенно. Вследствие этого кризис общественного сознания в конце XIX – начале XX в. был кризисом отрицания того, что составляло главные основы политико-правовой традиции России. «Духовная диктатура западников» [5: с. 46] не способствовала пониманию и правильной оценке отечественной политико-правовой традиции, а слова К.Д. Кавелина: «Когда мы, наконец, пойдем, что в России власть и народ, аристократия и демократия, консерватизм и прогресс совсем не то значат, что они выражают в устах наших западных соседей» [2: с. 176] не были приняты во внимание.

Литература

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1 Ленинград: ЭГО, 1991. 222 с.
2. *Кавелин К.Д.* Политические призраки. Верховная власть и административный произвол. Берлин: В. ВЕНRS BUCHHNDLUNG (Е. БОСК), 1878. 126 с.
3. *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Просветитель. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. 382 с.
4. *Пушкарев С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 121–152.
5. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
6. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: ТОО «Алир», 1998. 672 с.
7. *Шахматов М.В.* Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ». 2008. 312 с.

Literatura

1. *Zen'kovskij V.V.* Istoriya russoj filosofii. T. 1. Ch. 1 Leningrad: E'GO, 1991. 222 s.
2. *Kavelin K.D.* Politicheskie prizraki. Verhovnaya vlast' i administrativny'j proizvol. Berlin: B. BEHRS BUCHHANDLUNG (E. BOCK), 1878. 126 s.
3. *Prepodobny'j Iosif Voloczkiy.* Prosvetitel'. M.: Spaso-Preobrazhenskij Valaamskij monasty'r', 1993. 382 s.
4. *Pushkarev S.G.* Rossiya i Evropa v ix istoricheskom proshlom // Evrazijskij vremennik. Parizh, 1927. Kn. 5. S. 121–152.
5. *Smirnov A.F.* Gosudarstvennaya Duma Rossijskoj imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoj ocherk. M.: Kniga i biznes, 1998. 624 s.
6. *Tixomirov L.A.* Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M.: TOO «Alir», 1998. 672 s.
7. *Shaxmatov M.V.* Gosudarstvo pravdy'. M.: Izdatel'stvo «FondIV». 2008. 312 s.

O.A. Sukhorukova

Russian Autocracy or Bureaucratic Absolutism

The main problem of the article is the evaluation of the Russian autocracy through opposing it to the ideas of parliamentarism in the social and political discourse of Russia in the XIX century. Based on the works of L.A. Tikhomirov, D.K. Kavelin, A.F. Smirnov, M.V. Shakhmatov, S.G. Pushkarev the problem of interpretation of the principle of the supreme authority and its source is considered.

Keywords: supreme power; church ideology; autocracy; absolutism; bureaucracy.

Л.В. Королёва

Некоторые критерии эффективности российского парламентаризма на современном этапе

В статье предпринята попытка проанализировать эффективность работы Государственной думы как единственного избираемого органа власти в Российской Федерации. Делается обзор деятельности Думы шести созывов (1993–2016 гг.) и рассматриваются особенности электоральных выборов в Государственную думу седьмого созыва. Автор заостряет внимание на проблемах российского парламентаризма, а в связи с этим и демократизации всего общества.

Ключевые слова: парламентаризм; парламент; электоральный цикл; Государственная дума РФ; законодательная и представительная власти; критерии эффективности законодательной власти.

Тема парламентаризма в России не исчезает с течением времени. Вот и сегодня в столетнюю годовщину двух русских революций она по-прежнему актуальна. В апреле 1906 г. Государственная дума впервые начала свою работу, а потом вплоть до февраля 1917 года пыталась отстоять своё право на существование. И в наши дни российскому парламенту приходится постоянно доказывать свою значимость. Именно поэтому хотелось бы обозначить некоторые критерии эффективности российского парламентаризма на современном этапе.

Как известно, эффективность деятельности есть главный критерий оценки власти на начальном этапе демократического развития. Однако сами критерии эффективности не определены. Тем не менее к ним, на наш взгляд, можно отнести: реальную обособленность законодательной власти от других ветвей, её легитимность и легальность, законотворчество депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации, отвечающее запросам населения, контроль парламентариев за исполнительной властью и контроль за самими народными избранниками, ответственную деятельность депутатов по выполнению наказов избирателей и многое другое. Но прежде расставим акценты в цепочке «парламент» – «парламентаризм».

Часто под парламентаризмом понимают теорию и практику функционирования парламента. Также можно встретить и расширенное толкование парламентаризма, его отождествление с представительной демократией в целом, способностью представительного органа государственной власти свободно обсуждать и принимать политические решения в форме законов. Можно соглашаться или оспаривать эти суждения, однако бесспорно одно: не бывает

демократии без парламентаризма, а парламентаризм не существует без парламента. Таким образом, правомерно говорить о парламентаризме в том случае, если помимо парламента существует такая система управления обществом, в которой, по меньшей мере, имеется: а) четкое распределение законодательных и исполнительных функций; б) доминирующее (привилегированное) положение представительного (законодательного) органа — парламента по отношению к другим органам государственной власти. При этом нельзя не отметить тот факт, что в политологической и правовой литературе понятие «парламентаризм» понимается неоднозначно в силу его дуалистической политико-правовой природы и содержания.

В парламентском праве парламентаризм рассматривается как особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка [2: с. 6]. В Большом энциклопедическом словаре говорится, что: «парламентаризм — это система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента» [3: с. 469]. Из изложенного видно, что при определении парламентаризма используются различные характеристики: система управления обществом; форма представительной демократии; демократический механизм реализации интересов определенных групп населения и другие [2: с. 83–94]. Данное понятие отображает, с одной стороны, положение парламента в механизме разделения властей, а с другой — принципы его функционирования и устройства.

Парламентаризм не может существовать без парламента, отвечающего определенным характеристикам, т. е. когда парламент наделен законодательными полномочиями, полномочиями избрания правительства, контролем за его деятельностью и деятельностью нижестоящих органов исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента. В то же время парламент может существовать без важнейших элементов парламентаризма, которые могут быть утрачены. К числу этих элементов относятся, прежде всего, разделение властей, представительность и законность [2: с. 4–5]. Таким образом, парламент — высшее представительное и законодательное учреждение, избираемое на основе всеобщего и тайного голосования в условиях многопартийности.

Исходя из вышесказанного, попытаемся проанализировать деятельность современного российского парламента в лице его нижней палаты и проведем краткий анализ работы Государственной думы всех созывов начиная с 1993 года.

I Госдума 1993 г. носила переходный характер по причине двухлетнего срока существования. Принятие Думой Меморандума о согласии и документов об амнистии позволили преодолеть противоборство различных политических сил после октября 1993 г. Дума приняла Гражданский кодекс РФ. Была завершена разработка Уголовного кодекса РФ, Арбитражного процессуального, Водного, Земельного и ряда других кодексов Российской Федерации.

II Госдума 1995 г. была (после I Съезда народных депутатов РСФСР) самым оппозиционным парламентом по отношению к исполнительной власти. В целом наблюдалось усиление влияния Думы по ряду позиций: на законодательный процесс, на формирование многопартийной системы. По сравнению с I Госдумой во II Госдуму прошли представители всего четырех партийных блоков (раньше их было восемь) — КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Наш дом — Россия».

III Госдума 1999 г. стала переломной. Крупные законопроекты, разработанные депутатским корпусом, не принимались. Вопреки протестам оппозиции были одобрены, в частности, пенсионная реформа и реформа электроэнергетики. Было положено начало коммерческому лоббизму, который прикрывался интересами государства и положен конец всестороннему рассмотрению бюджета в парламенте.

IV Госдума 2003 г. отличалась от предыдущих тем, что впервые на выборах одна политическая партия — «Единая Россия» получила квалифицированное большинство голосов, что давало ей право действовать в одностороннем порядке, в том числе вносить изменения в Конституцию РФ. Изменилось соотношение сил в Думе: простое (230 голосов), но и конституционное или квалифицированное большинство (300 голосов) сосредоточилось в руках одной политической партии. В результате прочие политические партии, даже представленные в парламенте, утратили влияние на принятие решений.

V Госдума 2007 г. приняла 27 федеральных конституционных законов, что в 1,5 раза больше, чем успела сделать Государственная дума четвертого созыва. Социальная тематика стала одним из её приоритетов. Были приняты базовые Законы «Об основах охраны здоровья граждан», «Об обязательном медицинском страховании» и «Об обращении лекарственных средств». V Государственная дума поддержала инициативу президента России по реформированию Вооруженных Сил и органов внутренних дел, существенно возросло финансирование государственного оборонного заказа и технического перевооружения правоохранительных структур. V Государственная дума приняла базовые Федеральные Законы «О безопасности», «О полиции» (первоначально законопроект в 2010 г., а в последствие Федеральный Закон «О полиции», утверждённый Государственной думой 28 января 2011 г.), «О Следственном комитете Российской Федерации» и другие [7]. Изменилась избирательная система: принят закон о семипроцентном барьере для выборов в Государственную думу РФ, отменены выборы глав регионов, осуществлён переход на новую смешанную систему региональных выборов. Кроме того, из избирательных бюллетеней исчезла графа «против всех кандидатов», отменённая в июне 2006 г., но использованная правоприменительной практикой только на выборах в Государственную думу V созыва. Наконец, впервые на федеральных выборах не устанавливался минимальный порог явки избирателей.

VI Госдума 2011 г. установила антирекорд, так как в выборах приняли участие всего семь партий, а других официально зарегистрированных и, соответственно, имеющих право участвовать в парламентских выборах партий в стране больше не было. Партия власти получила большинство мандатов, но уже не конституционное. После выборов прошли массовые акции протеста

против фальсификации итогов голосования. В избирательное и партийное законодательство были внесены поправки, смягчающие требования к партиям и их участию в выборах, частично восстановлена система всенародных выборов глав регионов. Вместе с тем была ужесточена ответственность за проведение несанкционированных митингов и шествий. Поправки к закону о некоммерческих организациях резко осложнили работу НКО, особенно получавших гранты из-за рубежа. Палата приняла всего лишь 15 % законопроектов, некоторые из них носят эпатажный, одиозный характер.

Таким образом, Государственная дума за шесть созывов, прежде всего, осуществляла законодательную функцию. Так, в ней ежегодно проводится не менее 70–75 пленарных заседаний, 58 заседаний Совета Думы и до 90 парламентских слушаний. Правовым управлением в год осуществляется экспертиза до 1700 законопроектов и 2650 постановлений, заявлений и запросов. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что эффективность законотворчества парламентариев общество оценивает невысоко. О каком авторитете депутатов и специалистов парламента, о реальной цене принятых законов можно говорить, если 72 % граждан убеждены в том, что социальный блок законов остается на бумаге [4]. Количество россиян, считающих, что стране необходима Госдума, за шесть лет снизилось с 48 % до 39 %. Вместе с тем 91 % респондентов мало информированы: 51 % имеют смутное представление о деятельности Госдумы, 40 % — ничего не знают. Более половины россиян (56 %) дали отрицательную оценку работе нынешних депутатов [4].

Опрос «Левада-центра», проведённый 15–18 ноября 2013 г., показал: 43 % россиян считают, что жизнь страны может регулироваться одними указами президента, т. е. парламент вообще не нужен. Говоря о депутатах нижней палаты, избиратели чаще всего испытывают негативные эмоции. Их считают образованными профессионалами, но нечестными, своекорыстными и оторванными от народа [1].

Как видно из социологических опросов, массовое сознание воспринимает парламентариев, особенно депутатского корпуса Государственной думы РФ, в качестве бесполезной и обременительной государственной надстройки, являющейся лишь дополнительным источником социально-политической напряжённости в обществе. Налицо проблема легитимности российского парламента. Такое отношение граждан к высшему представительному и законодательному органу власти обусловлено несколькими факторами. Во-первых, у значительной части населения представления о практической пользе системы разделения властей и принципа сдержек и противовесов до сих пор не укоренились. Во-вторых, гипертрофия президентской власти в современной России не позволяет воспринимать Государственную думу и Совет Федерации как более или менее самостоятельных игроков на политической сцене. Нельзя не сказать и об общем негативном настрое наших граждан в связи с обострившимися экономическими и международными проблемами [6: с. 74–75].

Тем не менее 18 сентября 2016 года состоялись очередные выборы в Государственную думу РФ VII созыва, которые проходили уже по новому избирательному закону и в другой обстановке, т. е. в свете реформы избирательной системы, внесённой в нижнюю палату Президентом РФ в 2013 г. В связи с этим, можно ли говорить о каких-то принципиальных изменениях в наступившем электоральном цикле?

Следует отметить, что Госдума VII созыва впервые с 2003 г. избиралась по смешанной системе. Если ранее депутаты выбирались по пропорциональной системе, то теперь граждане смогли выбрать и депутатов-одномандатников по мажоритарному принципу. Это означает, что 225 депутатов из 450 были избраны по партийным спискам, остальные — по 225 избирательным округам. К тому же состоявшиеся выборы призваны ответить на новые политические запросы общества. Прежде всего — запрос на представительство молодых политиков в депутатском составе Госдумы VII созыва. Далее — запрос на представительство интересов малого и среднего бизнеса в нижней палате парламента. Третий тренд связан с общественным запросом на новых и перспективных политиков. Таким образом, граждане всё-таки хотят видеть в будущих народных избранниках профессиональных политиков, которые чувствуют новые тенденции и готовы отвечать на современные запросы общества.

Кроме того, в результате реформы избирательной системы главной политической технологией выборов 2016 г. стало применение четырьмя партиями методики предварительного голосования — так называемые праймериз. «Единая Россия» впервые провела даже общефедеральные открытые праймериз, на которых проголосовало почти 10 % от общего числа избирателей в стране. Данная технология позволяет политическим партиям начинать избирательную кампанию раньше, а значит, раньше выявить сторонников и противников, раньше оценить свои промахи и неудачи.

Достижением нового электорального цикла стало также снижение использования властью административного ресурса. Прежде всего, речь идет о контроле над избирательными комиссиями, сформированными преимущественно из членов «Единой России», контроле над бюджетными организациями, прежде всего над учебными заведениями, больницами и администрациями, над руководителями муниципальных образований, которые являются звеньями региональной вертикали власти, а также депутатами. Еще одна новая тенденция — рост рейтинга так называемых малых партий из числа тех, кто может выдвигать кандидатов в Госдуму без сбора подписей, например, «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость». В частности, в прошлом электоральном цикле 2004–2012 гг., где депутаты выдвигались только по партийным спискам, принять участие в распределении мандатов могли исключительно партии, присутствующие в парламенте.

Следует сказать и о том, что к выборам были допущены многие партии с «левым» уклоном, среди которых: «Коммунисты России», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», «Родина» [8]. Кроме того, важные

инициативы, предложенные Д.А. Медведевым сразу же после проведения парламентских выборов 2011 г. по реформированию избирательной и партийной систем, стали осуществляться уже в ходе избирательной кампании 2016 года.

Но итоговая явка избирателей на парламентских выборах 2016 года, зафиксированная ЦИК РФ, составила всего 47,88 %, т. е. 52 млн 700 тыс. 922 избирателя, а явка избирателей на выборах в прошлую Госдуму 2011 г. была 60,21 %! «Единая Россия» получила в Госдуме VII созыва 343 мандата, (140 по общефедеральному списку и 203 по одномандатным округам), что дает ей право принимать конституционные законы без кооперации с другими фракциями [8]. А в Государственной думе VI созыва «партия власти» конституционного большинства не имела (238 мандатов).

Значительное снижение (больше 12 %) явки избирателей на парламентских выборах 2016 г., по нашему мнению, опять-таки связано с недоверием граждан к законодательной власти, да и перенос выборов с декабря на сентябрь 2016 года сыграл отрицательную роль, поскольку затронул сезон летних отпусков большинства населения страны. Следовательно, проблема легитимности законодательной власти по-прежнему не разрешена.

Проблема легитимности Государственной думы связана и с качественным составом депутатского корпуса. Качество законотворчества во многом зависит не только от представленности в парламенте политических партий с разными программными положениями, но также от особенностей и личностных черт парламентариев. В составе Государственной думы мы можем увидеть, например, звёзд шоу-бизнеса, известных спортсменов. Политические партии заинтересованы включать в партийные списки узнаваемых людей, а не профессионалов в области юриспруденции, экономики, политологии. Ко всему прочему, в стране практически отсутствуют площадки, необходимые для гражданского участия. Население не доверяет политическим и общественным институтам и, как уже было отмечено, игнорирует выборы.

Актуальность изучения депутатского корпуса проявляется ещё и в том, что в последнее время российская партийная система претерпевает значительные изменения. На смену множеству партий пришла одна сильная партия власти, что явно не прибавляет оптимизма в обществе. Кроме того, срок полномочий депутатов продлен до пяти лет. В таких условиях плюрализм в Государственной думе зависит не только от идеологических различий, но также от особенностей и личностных черт парламентариев.

Всё это приводит к нарушению демократического принципа народного представительства в российском парламенте. Правда, те изменения, которые были проведены в ходе выборов 2016 г. и о которых мы говорили выше, возможно и начнут постепенно менять социальный состав нижней палаты Федерального собрания РФ, будут способствовать росту авторитета её депутатов.

Ещё одним препятствием для эффективной работы парламента становится ограничение его контрольной функции по отношению к исполнительной и судебной власти. По Конституции РФ контрольные полномочия депутатов

сводятся к надзору за Правительством РФ, в связи с чем Государственная дума РФ наделена правом решать вопрос о доверии ему, назначению Председателя Правительства РФ, Председателя Центрального банка России [5: ст. 103, п. 1], назначению на должность судей высших федеральных судов, Генерального прокурора [5: ст. 102, п. 1]. Особо в деятельности депутатов выделяется отрешение Президента РФ от должности. В этом процессе задействованы обе палаты Федерального собрания (правда, в свете последних изменений Конституции, инициирование импичмента президента крайне трудно реализовать на практике, если не сказать, что невозможно). Одним из важнейших инструментов парламентского контроля за исполнительной ветвью власти является утверждение федерального бюджета и заслушивание отчета правительства о его исполнении на заседании Государственной думы. Механизм парламентского контроля в финансовой сфере включает деятельность Счетной палаты, создаваемой совместно Государственной думой и Советом Федерации. В сфере внешней политики палаты Федерального собрания рассматривают и принимают законы о ратификации международных договоров Российской Федерации [5: ст. 102, п. 1].

С 2009 года Правительство РФ стало ежегодно отчитываться перед Госдумой о реализации антикризисных мер в связи с ухудшением экономической ситуации в стране на фоне мирового экономического кризиса. Обязанность правительства отчитываться перед нижней палатой парламента о результатах своей деятельности закреплена ст. 103 и 114 Конституции РФ, но до 2009 г. на практике это никогда не осуществлялось. По инициативе Президента РФ Д.А. Медведева такая практика была введена поправкой к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. (вступила в силу 31 декабря того же года). Помимо этого в апреле 2015 г. Государственной думой был принят закон, который обязал Правительство РФ и Центральный банк РФ ежеквартально отчитываться перед ней [9]. Также произошли изменения в регламенте этого законодательного органа, предписывающие направлять на рассмотрение в Общественную палату все законопроекты, касающиеся гражданских свобод на федеральном и региональном уровне, расширены контрольные функции депутатов местного самоуправления. Расширение контроля депутатского корпуса на муниципальном уровне нашло свое воплощение в том, что преступившего закон мэра теперь могут отстранить от должности две трети депутатов муниципального представительного органа.

Наметившиеся положительные перемены проходят во исполнение Конституции РФ и принятого законодательства, но они недостаточны. По-прежнему отсутствует контроль за деятельностью парламента со стороны населения, например, нет отчётности депутатов перед своим электоратом, тем более что она не предусмотрена законом. Контроля нет даже на этапе избирательной кампании, поэтому выборы 2016 г. отличались резким сокращением возможностей независимого электорального контроля как со стороны партий и кандидатов, так и со стороны общественности.

Итак, главными проблемами развития института парламентаризма в современной России являются: его нелегитимность, выражающаяся в недоверии общества парламенту, слабое правовое оформление конституционной ответственности правительства перед парламентом, которая в действующей Конституции имеет по преимуществу формальный характер, ограниченная законодательная функция нижней палаты, что делает невозможным превращение её в уравновешивающую Президента РФ и Правительство РФ ветвь власти, качественный состав самого депутатского корпуса. Все усилия и меры модернизировать парламент не приводят пока, на наш взгляд, к его реальной демократической трансформации. Поэтому без преодоления указанных проблем развитие полноценного парламентаризма у нас в стране немыслимо, поскольку без реального разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную невозможно говорить о демократии и парламентаризме, ибо над всем превалирует лишь одна — исполнительная власть, а вернее — исполнительно-распорядительная.

Без реальной подконтрольности Правительства РФ Государственной думе РФ она превращается в его придаток и малодейственную силу. Без контроля со стороны гражданского общества нижняя палата Федерального собрания РФ становится неуправляемой и бесполезной для населения, потому что не выражает его интересы и не разделяет его ценности. К тому же российский парламентаризм до сих пор не сложился как система представительства интересов широких социальных групп граждан, ибо большая часть общества деполитизирована, а выборы фактически превратились в формальный процесс легитимизации власти.

Литература

1. Аргументы и факты. 2013. № 49; 2014. № 1–3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.AIF.RU>
2. Булаков О.Н. Парламентское право России: курс лекций / под общ. ред. О.Н. Булакова. М.: «Юстицинформ», 2007.
3. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова М.: Советская энциклопедия, 2014. 1632 с.
4. Депутат Госдумы: образ идеальный или реальный. Пресс-выпуск № 2289 от 25.04.2013.
5. Конституция РФ. М.: Экмо-Пресс, 2016. 80 с.
6. Королёва Л.В. Применение «мягкой силы» в процессе демократического обновления современной России // «Мягкая сила» и современные социально-политические коммуникации: материалы выступлений участников межвузовского научно-практического семинара 29 ноября 2013 г. М.: АПКИППРО, 2014. 112 с.
7. Язев В. Государственной Думой пятого созыва приняты 27 федеральных конституционных законов, 1 581 федеральный закон, 275 — о ратификации международных соглашений [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Би-порт». URL: <http://www.b-port.com/analytics/item/71747.html> (дата обращения: 22.01.2017).

8. Официальный сайт Государственной думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru>. (дата обращения: 27.09.2016).

9. Принят закон о ежеквартальном отчете правительства и ЦБ РФ о реализации антикризисного плана // Информационное агентство Финмаркет. URL: <http://www.finmarket.ru/news/3990252> (дата обращения: 22.01.2017).

Literatura

1. Argumenty' i fakty'. 2013. № 49; 2014. № 1–3. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.AIF.RU>

2. *Bulakov O.N.* Parlamentskoe pravo Rossii: kurs lekcij / pod obshh. red. O.N. Bulakova. M.: «Yusticinform», 2007.

3. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / pod red. A.M. Proxorova M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 2014. 1632 s.

4. Deputat Gosdumy': obraz ideal'ny'j ili real'ny'j'. Press-vy'pusk № 2289 ot 25.04.2013.

5. Konstituciya RF. M.: E'kmo-Press, 2016. 80 s.

6. *Korolyova L.V.* Primenenie «myagkoj sily» v processe demokraticeskogo obnoveniya sovremennoj Rossii // «Myagkaya sila» i sovremenny'e social'no-politicheskie kommunikacii: materialy' vy'stupenij uchastnikov mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminaru 29 noyabrya 2013 g. M.: APKiPPRO, 2014. 112 s.

7. *Yazev V.* Gosudarstvennoj Dumoj pyatogo sozy'va prinyaty' 27 federal'ny'x konstitucionny'x zakonov, 1 581 federal'ny'j zakon, 275 — o ratifikacii mezhdunarodny'x soglashenij [E'lektronny'j resurs] // Informacionnoe agentstvo «Bi-port». URL: <http://www.b-port.com/analytics/item/71747.html> (data obrashheniya: 22.01.2017).

8. Oficial'ny'j sajт Gosudarstvennoj dumy' RF. URL: <http://www.duma.gov.ru>. (data obrashheniya: 27.09.2016).

9. Prinyat zakon o ezhekvartal'nom otchete pravitel'stva i CB RF o realizacii antikrizisnogo plana // Informacionnoe agentstvo Finmarket. URL: <http://www.finmarket.ru/news/3990252> (data obrashheniya: 22.01.2017).

L.V. Korolova

Some Criteria for the Effectiveness of Russian Parliamentarism at the Present Stage

The article makes an attempt to analyze the effectiveness of the work of the State Duma as the only elected authority in the Russian Federation. The review of the activity of the Duma of six convocations (1993–2016) is made and the features of electoral elections to the State Duma of the seventh convocation are considered. The author draws attention to the problems of Russian parliamentarism, and, in this regard, to the democratization of the entire society.

Keywords: parliamentarism; parliament; electoral cycle; State Duma of the Russian Federation; legislative and representative authorities; criteria for the effectiveness of the legislature.

Д.Э. Новикова

Понятие и формы отчуждения как актуальная тематика современных социальных исследований

В статье предпринята попытка осмысления феномена отчуждения, вынесение данной тематики в категорию проблем современной социальной философии. Проведенное автором исследование диссертационных работ позволило проследить динамику изучения феномена отчуждения с течением времени и под влиянием различных социально-экономических ситуаций.

Ключевые слова: отчуждение; информационное общество; духовность.

Анализ феномена отчуждения является одной из немногих противоречивых проблем в современной социальной философии. Отчуждение, как оно понимается в классическом философском знании, это — исторически преходящая форма опредмечивания человеком своей сущности, своих способностей, которая получает определенное психологическое выражение в сознании индивида [3: с. 55]. Очевидно, что сегодня, в условиях массовости, стандартизации личности — это философское понятие вновь приобрело широкое социальное звучание.

Анализ феномена отчуждения в пространстве мировой философии необходим для решения существующих духовно-нравственных проблем современного общества. Используя накопленный философский опыт, человек получает больше шансов если не решить проблему отчуждения, то хотя бы частично снять её. В современных условиях эта попытка означает ещё и минимизацию негативного влияния феномена глобализации. Противоречивость, многоаспектность и актуальность проблематики отчуждения всегда вызывала и будет вызывать интерес у большого количества исследователей.

Проблема отчуждения присуща любой исторической эпохе в той степени, в какой человек ставит свое бытие под вопрос. Для каждого отдельного человека во все времена были и будут возможны противоположные экзистенциальные решения этой проблемы «наряду с возможностью избежать таковых, скрывшись в тумане безразличия к самому себе» [1].

Сегодня ярким симптомом нарастания отчуждения в обществе являются массовая культура и тотальная информатизация общественной жизни, которые способствуют нагнетанию «одиначества в толпе». Дополнительным катализатором психологического и экономического аспектов отчуждения является процесс глобализации, который транслирует явления массовой культуры по всем странам и континентам.

Отчуждение как объективация Абсолютного Духа в природе и историческом процессе, как результат деятельностного отношения субъекта к объекту являлось одной из центральных проблем в философии Г.Ф. Гегеля и К. Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс определяет в качестве исходного пункта анализа классового-антагонистических общественных отношений проблему отчужденного труда. К проблеме экономических, психологических, социальных, экзистенциальных аспектов отчуждения человека и роли философии в преодолении этого отчуждения обращались многие философы XX столетия (Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, М. Вебер, Г. Зиммель, А. Хайдеггер, К. Хорни, Г. Маркузе, Х. Арндт и др.). Значительный вклад в исследование проблемы отчуждения внесла философия экзистенциализма. В работах А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и др. предлагались различные способы преодоления отчужденного состояния через активизацию индивидуальных способностей человека.

В философии русских экзистенциальных мыслителей (Н. Бердяев, Л. Шестов) проблема отчуждения решалась под углом зрения разрушительного воздействия на духовный мир человека различных форм объективированного мира — экономики, техники, государства, и др. Основы социально-психологического подхода к исследованию проблемы отчуждения были разработаны в философии Э. Фромма, К. Хорни. Проблема самоотчуждения представлена в философии Г. Маркузе, Ю. Хабермаса.

Несмотря на то, что проблема отчуждения в отечественной философии долгое время во многом осмысливалась в контексте критики буржуазной философии, ее разработка открывала новые эвристические возможности для оценки происходящих процессов, существенно расширяла методологическую базу анализа. Проблема отчуждения обстоятельно исследовалась в работах Б.Н. Воронцова, И.И. Кального, Н.И. Лапина, А.И. Титаренко и др. В трудах И.С. Нарского, Т.И. Ойзермана анализировались современные концепции отчуждения в отечественной и зарубежной философии и антропологические аспекты отчуждения. Критика концепций отчуждения в экзистенциализме осуществлена в работах В.А. Кувакина, А.И. Новикова. Проблема отчуждения в контексте опредмечивания и распредмечивания исследовалась в трудах Э.В. Ильенкова, В.Ф. Асмуса, Э.Ю. Соловьева. В отечественной философской литературе последних лет сделан значительный шаг в рассмотрении проблем социального, политического, психологического аспектов отчуждения. Отдельные аспекты *негативного* (извлечение финансовой выгоды, навязывание культурных ценностей и норм, игнорирование индивидуализации человека, деинтеллектуализация масс) и *позитивного* («разотчуждение» социальных отношений, налаживание коммуникации в культурной и экономических сферах, создание образа «космополитического гражданина мира») влияния глобализации современного мира в контексте отчуждения рассматриваются в исследованиях Б.В. Маркова, В.В. Парцвании, А.Н. Чумакова и др. [6].

Теоретическому обоснованию сущности и структуры феномена отчуждения, механизмов его преодоления, в том числе и в контексте информационной

культуры, в последние годы посвящены многие диссертационные исследования. В их числе — докторская диссертация С.К. Шайхитдиновой «“Информационное общество” и “ситуация человека”: эволюция феномена отчуждения» (Казань, 2004), ключевой мыслью в которой является тот факт, что сегодня медиасфера дает основание для выделения самостоятельного, самоорганизующегося мира «кнопочной культуры» с его специфическим смыслополаганием и нормативностью, с его главной фигурой в лице *Человека кликающего*. Аналогичная тематика была затронута в исследованиях Н.Г. Гудкова «Основные формы и сущность отчуждения в современном обществе» (Москва, 2004); Р.А. Дунаева «Философско-культурологические образы виртуального человека» (Белгород, 2009); А.Н. Чернякова «Интернет-дискурс в современных культурно-информационных коммуникациях: методологические проблемы» (Белгород, 2009); О.Н. Одинцовой «Культура гражданского общества современной России: концептуальные основы и стратегии преодоления отчуждения» (Ростов-на-Дону, 2005); М.А. Игнатова «Феномен отчуждения человека в дискурсе информационно-сетевой культуры» (Белгород, 2011) и многих других работах. Важно отметить, что все исследователи сошлись во мнении, что современные средства массовой информации имеют колоссальное влияние на общество и участвуют в формировании индивидуального и массового сознания.

Кандидатские диссертации А.И. Беспалова «Отчуждение деятельности как философская проблема» (Москва, 2004), В.В. Дроздова «Философский анализ структуры отчуждения и «механизма» его функционирования» (Магнитогорск, 2004), О.И. Ключенкова «Феномен отчуждения человека как опыт его существования» (Архангельск, 2007), М.А. Сигаревой «Формы отчуждения и пути его преодоления в современном обществе» (Махачкала, 2006) и ряда других исследователей раскрывали сущность понятия «отчуждение», рассказывали о его формах и видах, прослеживали его актуальность в историческом разрезе.

Особого внимания заслуживает работа А.В. Хохловой, посвященная духовному отчуждению как социальному феномену современной России. По словам автора, специфика духовного отчуждения заключается в первую очередь в том, что в современном мире, в том числе и в России, духовное отчуждение стало доминирующим видом социального отчуждения. Именно посредством духовного отчуждения осуществляется превращение человека, группы и общества из активно действующего субъекта в пассивный объект манипулятивного воздействия. Мы согласны с автором, что тенденции духовного отчуждения в современной России следует рассматривать как векторы-стратегии реализации духовного отчуждения как социальной технологии [10].

Комплексное исследование различных форм отчуждения (в формате социально-философского анализа) было проведено К.Н. Исмагиловым. Его точка зрения интересна тем, что автор экстраполирует отчуждение как социальную проблему на весьма отдаленные времена, полагая, что наиболее целостно концепция

социального отчуждения начинала выстраиваться ещё во времена Просвещения, в эпоху яростного преодоления Средневековья. Разумеется, речь идет не о термине «отчуждение», а о сути этого социального явления. Начало концепции социального отчуждения, с точки зрения автора, положили «Философские элементы учения о гражданине» и знаменитый «Левиафан» Томаса Гоббса, где отчуждение понимается и интерпретируется как акт передачи определенных прав человека социальной системе, точнее, государству как единой тотальной личности. Джон Локк в «Двух трактатах о государственном правлении» задумывается о преодолении этого отчуждения, впервые обосновывая необходимость активной деятельности людей как условия такого преодоления и принципе раздробления тотальной личности (принципе разделения властей) как средстве [2].

Мы склонны согласиться с теми авторами, которые экстраполируют проблему отчуждения за пределы XIX века в глубь веков, так как, если обобщенно охарактеризовать саму концепцию отчуждения, то можно выделить три фундаментальных положения: во-первых, отчуждается то, что изначально, органически принадлежало и присуще человеку — его сущностные силы; во-вторых, сам процесс отчуждения совершается в силу объективной необходимости, независимо от того, осознается он или нет; в-третьих, сам субъект отчуждения (человек, группа людей, все общество) с необходимостью попадает «под власть» своего творения. Если опереться на эти фундаментальные «принципы» отчуждения, то становится понятно, что этот феномен не может исчерпываться только XIX веком — временем его «открытия» и описания (Г. Гегель) и распространением на экономическую сферу жизни общества (К. Маркс) или XX веком — временем глубокого исследования психологических и экзистенциальных оснований отчуждения. Отчуждение как сущностное выражение деятельности коллективного, либо индивидуального субъекта имманентно присуще всякому виду деятельности и постоянно сопровождает её, усложняясь вместе с человеком и обществом в целом.

В XIX веке К. Маркс конкретизировал гегелевское понятие отчуждения, взяв за основу анализа труд как определяющее ядро сущности личности и пришел к выводу, что отчуждение не исходит из деятельности как таковой (а значит, из природы человека), а является следствием исторически преходящих общественных отношений, неразрывно связанных с социальной структурой общества и разделением труда. Лишь в этих обстоятельствах, по мнению К. Маркса, сам труд выступает как отчужденная форма деятельности. Такая точка зрения дала исследователю основание надеяться на возможность преодоления или «снятия» отчуждения при условии принципиального изменения форм собственности. Но не следует забывать, что К. Маркс глубоко исследовал именно экономическую форму отчуждения («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). А эта форма отчуждения предполагает, что смысл жизни человека как существа родового и природного есть переработка предметного мира, то есть опредмечивание-распредмечивание, а отчуждение, как мы уже сказали, есть исторически преходящая форма опредмечивания.

И эта форма отчуждения характерна тем, «что человеческая сущность опредмечивается бесчеловечным образом» [8: с. 41].

Итак, классическая форма отчуждения — экономическое отчуждение — приводит к следующим результатам (и в них же проявляется):

- во-первых, человек отчужден от продуктов своего труда (он ими не распоряжается, они для него чужие и чуждые);
- во-вторых, человек отчужден и в самой производственной деятельности, ибо «труд является для рабочего чем-то внешним... труд его не добровольный, а вынужденный... это не удовлетворение потребностей в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей» [8: с. 42];
- в-третьих, человек отчужден от своей сущности — родовой жизни. «Родовая сущность человека — как природа, так и его духовное родовое достояние превращается в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне него, как и его духовную сущность, его человеческую сущность» [8: с. 90];
- в-четвертых, человек отчужден от другого человека, следовательно, и от общества и государства [8: с. 92].

Следуя за идеями Маркса, можно выделить в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» иерархию основных форм отчуждения. Итак, это — *экономическое* отчуждение, то есть отчуждение от продукта и процесса труда; *социальное* отчуждение, то есть отчуждение от своей родовой сущности, фактически отчуждение человека от человека, человека от общества. Далее можно говорить о *политическом* отчуждении. И хотя К. Маркс почти не касался этой формы в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», но на основе ранних и непосредственно следующих за этим произведением работ («К критике гегелевской философии права» [5], «Экономические рукописи 1857–1859 годов» [7: с. 105], «Капитал» [6]) вполне можно выделить такие формы отчуждения, как отчуждение государства от народа, народа от власти, бюрократизацию общества тоже можно рассматривать как форму политического отчуждения. В социально-философских исследованиях выделяется и такая форма отчуждения, как *духовное (фетишистское) и религиозное* отчуждение, примером которого может служить, например, денежный фетишизм. И хотя так называемые производные формы отчуждения непосредственно не анализируются К. Марксом подробно, но главное — раскрыта их «тайна» — она в отчуждении от процесса труда [4: с. 60–61].

Итак, в поле классической немецкой философии и философии марксизма наиболее ценной для понимания проблемы отчуждения является идея о закономерной обусловленности отчуждения как необходимого этапа деятельности, осуществляемой субъектом деятельности: человеком, обществом, а также о возможности снятия отчуждения при участии активного разума и смены форм собственности. В концептуальном поле современных философских исследований основное внимание уделяется эволюции философских концепций отчуждения.

Предложенная в современных социально-философских исследованиях простая и далеко не совершенная классификация производных форм отчуждения от главной формы — экономического отчуждения — оставляет в стороне многие другие аспекты феномена отчуждения. Именно этим обусловлен всплеск интереса исследователей к феномену отчуждения в изменившихся условиях информационно-коммуникационного общества, общества постмодерна.

Литература

1. *Беспалов А.И.* Отчуждение деятельности как философская проблема: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2004. 204 с.
2. *Исмагилов К.Н.* Социально-философский анализ форм отчуждения: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2001. 156 с.
3. *Климович А.В., Перевалова Л.В., Степанович В.А.* Тематический глоссарий по философии: для студентов всех специальностей университета. Брест: изд-во БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. 57 с.
4. *Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев Вад.В., Субботина Т.П.* Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. 287 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1957. 689 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. М.: Издательство политической литературы, 1974. 532 с.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1960. 920 с.
8. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1955. 663 с.
9. *Парцвания В.В.* Генеалогия отчуждения: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Санкт-Петербург, 2003. 400 с.
10. *Хохлова А.В.* Духовное отчуждение как социальный феномен современной России: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2013. 165 с.

Literatura

1. *Bespalov A.I.* Otchuzhdenie deyatel'nosti kak filosofskaya problema: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. M., 2004. 204 s.
2. *Ismagilov K.N.* Social'no-filosofskij analiz form otchuzhdeniya: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Ufa, 2001. 156 s.
3. *Klimovich A.V., Perevalova L.V., Stepanovich V.A.* Tematicheskij glossarij po filosofii: dlya studentov vsekh special'nostej universiteta. Brest: izd-vo BrGU im. A.S. Pushkina, 2010. 57 s.
4. *Kuz'minov Ya.I., Nabiullina E'.S., Radaev Vad.V., Subbotina T.P.* Otchuzhdenie truda: istoriya i sovremennost'. M.: E'konomika, 1989. 287 s.
5. *Marks K., E'ngel's F.* K kritike gegelevskoj filosofii prava // Marks K., E'ngel's F. Sobr. soch. 2-e izd. T. 1. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1957. 689 s.

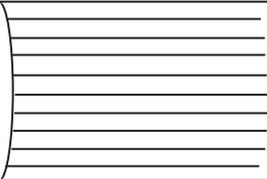
6. *Marks K., E'ngel's F. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* // Marks K., E'ngel's F. *Sobr. soch. 2-e izd. T. 46.* M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1974. 532 s.
7. *Marks K., E'ngel's F. Kapital* // Marks K., E'ngel's F. *Sobr. soch. 2-e izd. T. 23.* M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1960. 920 s.
8. *Marks K. E'konomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda* // Marks K., E'ngel's F. *Sobr. soch. 2-e izd. T. 42.* M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1955. 663 s.
9. *Parczvaniya V.V. Genealogiya otchuzhdeniya: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.13.* Sankt-Peterburg, 2003. 400 s.
10. *Xoxlova A.V. Duxovnoye otchuzhdeniye kak social'ny'j fenomen sovremennoy Rossii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11.* M., 2013. 165 s.

D.E. Novikova

The Concept and Forms of Alienation as a Topical Theme of Contemporary Social Studies

The article attempts to comprehend the phenomenon of alienation, putting this topic in the category of problems of modern social philosophy. The study of dissertation works conducted by the author has enabled her to trace the dynamics of studying the phenomenon of alienation over time and under the influence of various socio-economic situations.

Keywords: alienation; information society; spirituality.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 3 (23)**

Ашилова Мадина Серикбековна — преподаватель кафедры мировых коммуникаций Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (КазУМОиМЯ им. Абылай хана), доктор философских наук (Алматы, Республика Казахстан).

E-mail: alibek557@inbox.ru

Бегалинов Алибек Серикбекович — продюсер телевизионного канала «Алматы», кандидат философских наук (Алматы, Республика Казахстан).

E-mail: alibek557@inbox.ru

Бегалинова Калимаш Капсамаровна — профессор кафедры истории Казахстана и общественных наук Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, доктор философских наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан).

E-mail: kalima910@mail.ru

Бессонов Борис Николаевич — профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Бирич Инна Алексеевна — профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, доктор философских наук, доцент.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Гогиберидзе Георгий Меджидович — профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, доктор педагогических наук, профессор.

E-mail: giya28@mail.ru

Жукоцкая Александра Васильевна — профессор кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, доктор философских наук, профессор.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Кондратьев Виктор Михайлович — доцент кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: kondrat@mail.ru

Королёва Лариса Владимировна — доцент кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, кандидат политических наук, доцент.

E-mail: larvk@rambler.ru

Мамедова Наталия Михайловна — профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор философских наук, профессор.

E-mail: natmam_5@mail.ru

Новикова Диана Эдуардовна — соискатель кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ.

E-mail: dishanovikova@yandex.ru

Сухорукова Ольга Александровна — доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: soa61@mail.ru

Чёрненькая Светлана Васильевна — доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: schernenkaja@yandex.ru

Ярмак Юрий Васильевич — профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарных наук и управления МГПУ, доктор политических наук, профессор.

E-mail: y.yarmak@mail.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik», Series «Philosophical Sciences», 2017, № 3 (23)

Ashilova Madina Serikbekovna — lecturer of the department of World Communications of the Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (the Abylai Khan KIR and WLU), Doctor of Philosophy, Ph.D. (Philosophy) (Almaty, Kazakhstan).

E-mail: alibek557@inbox.ru

Begalinov Alibek Serikbekovich — producer of the television channel «Almaty», PhD (Philosophy) (Almaty, Kazakhstan).

E-mail: alibek557@inbox.ru

Begalinova Kalimash Kapsamarovna — professor of the department of History of Kazakhstan and Social Sciences of the Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Doctor of Philosophy, professor (Almaty, Kazakhstan).

E-mail: kalima910@mail.ru

Bessonov Boris Nikolaevich — professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of Moscow City University, Doctor of Philosophy, professor.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Birich Inna Alekseevna — professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, Doctor of Philosophy, professor.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Gogiberidze Georgiy Medzhidovich — professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, Doctor of Pedagogy, professor.

E-mail: giya28@mail.ru

Zhukotskaya Alexandra Vasilievna — professor of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, Doctor of Philosophy, professor.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Kondratiev Victor Mikhailovich — docent of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, PhD (Philosophy), docent.

E-mail: kondrat@mail.ru

Koroliova Larisa Vladimirovna — docent of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, PhD (Political sciences), docent.

E-mail: larvk@rambler.ru

Mamedova Natalia Mikhailovna — professor of the department of G.V. Plekhanov History and Philosophy of the Russian Economic University, Doctor of Philosophy, professor.

E-mail: natmam_5@mail.ru

Novikova Diana Eduardovna — the applicant of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University.

E-mail: dishanovikova@yandex.ru

Sukhorukova Olga Aleksandrovna — docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, PhD (Historical Sciences), docent.

E-mail: soa61@mail.ru

Chernenkaya Svetlana Vasilyevna — docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences at the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, PhD (Philosophy), docent.

E-mail: schernenkaja@yandex.ru

Yarmak Yuri Vasilievich — professor of the department of General History of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of the Moscow City University, Doctor of Political Sciences, professor.

E-mail: y.yarmak@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи, слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются: название статьи, автор, аннотация (Resume), ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись сдается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Инне Алексеевне Бирич*. Телефон редакции: (499) 181-66-29. E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
2017, № 3 (23)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62498 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А.В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 15.09.2017 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.